

**КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ОПЫТ
И СОВРЕМЕННЫЕ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

К ИТОГАМ ГОДА
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НАРОДОВ РОССИИ

Научный совет РАН по комплексным проблемам
этничности и межнациональных отношений

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

К ИТОГАМ ГОДА
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НАРОДОВ РОССИИ

Москва
2023

УДК 351.853
ББК 79
К90

*Издание подготовлено в рамках государственного задания
Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
(тема «Современные нации, нациестроительство
и российская идентичность»)*

Рецензенты:

*д.и.н. М.Ю. Мартынова,
д.и.н. О.Ю. Артемова*

Культурное наследие: исторический опыт и современные интерпретации (к итогам Года культурного наследия народов России): Сб. ст. / Под редакцией В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов, В.В. Тишков – М.: ИЭА РАН, 2023. – 298 с.

ISBN 978-5-4211-0316-5

DOI: 10.33876/978-5-4211-0316-5/2023-9/1-298

Сборник включает статьи ведущих российских этнологов, юристов, историков, социологов по проблемам культурного наследия народов России, подводя тем самым некоторые научные итоги Года культурного наследия, каковым был объявлен 2022 год. Рассмотрены общетеоретические и правовые подходы к пониманию культурного наследия в России в сравнении с международными декларациями и нормами. Дается оценка федерального законодательства и региональных норм регулирования вопросов нематериального культурного наследия и опыт реализации государственной национальной политики в данной области. Ряд статей содержат оценку исторического прошлого и место разных эпических памятников, народной памяти, религиозных традиций и текстов в современном арсенале наследия, центральной темой которого являются героические и патриотические страницы и герои прошлого.

Для научных работников, студентов, государственных служащих, работников культуры.

ISBN 978-5-4211-0316-5

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2023
© Коллектив авторов, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>В.А. Тишков</i>	5
---------------------------------------	---

Часть 1

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПОЛИТИКА

Нематериальное культурное наследие России: проблемы сохранения и презентации. <i>А.В. Черных</i>	11
Защита культурного наследия народов России: проблемы законодательного регулирования. <i>Л.В. Андриченко</i>	31
Правовые средства защиты культурного достояния народов (опыт сравнительного анализа). <i>А.И. Ковлер, А.М. Белялова</i>	49
Культурно-языковое многообразие российского общества как направление правовой политики. <i>Н.М. Мухарямов</i>	57
Политико-правовые интерпретации объектов культурного наследия народов России в современном миропорядке (институционально- деятельностный аспект). <i>М.А. Аствацатурова</i>	79
Один язык для всех и мультикультурализм: рецепт à la française. <i>Е.В. Кошелева</i>	97
Формирование гражданской идентичности молодежи как приоритет государственной политики Российской Федерации. <i>Т.К. Ростовская, Е.А. Князькова</i>	117

Часть 2

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Прошлое как наследие: Романовы и Сусанин в костромской памяти. <i>П.С. Куприянов</i>	125
Рукописи религиозного содержания в народной среде. <i>О.В. Кириченко</i>	163
Объекты культурного наследия в социальных практиках: символы и образы Нартовского эпоса. <i>З.В. Канукова</i>	190

Историко-культурные рамки российской идентичности
в полиэтничном регионе: на материалах Северного Кавказа.
*В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов, Г.Д. Грищенко,
С.Ю. Иванова, М.М. Шульга* 202

Обращение к ойратскому наследию как фактор этнокультурного
смещения в идентичности калмыков. *В.Л. Волгин* 220

Часть 3

РЕГИОНАЛЬНЫЙ РАКУРС

Воспроизводство этнокультурного многообразия в контексте
соблюдения принципа социальной справедливости
в межэтнических отношениях на Юге России (на материалах
социологических исследований). *Ю.Г. Волков, Н.К. Бинева* 232

Роль историко-культурного наследия в образовательной
и культурной стратегии в Карачаево-Черкесской Республике.
Е.А. Щербина, Л.В. Кубанова 246

Бурятские родословные как средство сохранения
культурного наследия. *З.А. Дебенова* 261

Неотрадиции: акторы и значение в сохранении этнокультуры.
Л.В. Намруева 274

Специфика реализации политики охраны объектов культурного
наследия в Республике Ингушетия. *Т.С. Чабиева* 285

Сведения об авторах 296

ПРЕДИСЛОВИЕ

В.А. Тишков

30 декабря 2021 г. вышел указ Президента Российской Федерации о проведении Года культурного наследия народов России. Эта государственная и общественная акция, как гласил указ, ставила своей целью «популяризацию народного искусства, сохранение культурных традиций, памятников истории и культуры, этнокультурного многообразия, культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации». В 2022 г. был осуществлен план мероприятий федерального и регионального уровня, много разных местных акций. Эта тема постоянно звучала в медийном пространстве. Научное сообщество также откликнулось на эту масштабную акцию серией конференций, подготовкой научных трудов, просветительскими мероприятиями.

23 июня 2022 г., несмотря на условия пандемии, прошло заседание Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, посвященное правовым аспектам регулирования вопросов историко-культурного наследия народов Российской Федерации. А в октябре 2022 г. был принят Федеральный закон «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации», цель которого – «создание правовых и организационных основ для обеспечения этнокультурной самобытности народов и этнических общностей Российской Федерации и сохранения этнокультурного и языкового многообразия». Преамбула закона гласит, что он направлен на реализацию права граждан на участие в культурной жизни, обеспечение доступа граждан к культурным ценностям и на обязанности граждан («каждого») заботиться о сохранении исторического и культурного наследия. Наконец, в декабре 2022 г. прошла масштабная научно-практическая конференция, посвященная 10-летию создания Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям и принятия Стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации.

Отталкиваясь от этих основополагающих документов, выскажем ряд общих соображений и конкретных предложений по данной теме в порядке введения к предлагаемому сборнику научных статей, которые были подготовлены в порядке разработки самых разных сюжетов историко-культурного наследия. Прежде всего само понятие «культурного наследия» (cultural heritage) относится к категории всеобщих концептов культурной политики как странового, так и регионально-глобального уровня. Кроме того, существует категоризация культурного наследия в разрезе местных, этнических, религиозных сообществ. В любом случае речь идет о достоянии в его самом широком значении, которое общество или группа, а иногда и все человечество, наследовало от прошлых поколений. Однако к понятию наследия относится далеко не все, что может достаться современному населению от прошлых времен. Наследие – это то, что ныне живущее поколение считает для себя особо значимым и берет в качестве одной из референтных основ современного жизнеустройства, начиная от монументов, ансамблей и сооружений и заканчивая идеями, поведенческими нормами и ценностями. Значимое и актуальное наследие не является механической передачей некоего неотчуждаемого имущества. Оно всегда конструируется как направленными усилиями элитной части общества (ученые, политики, пропагандисты, работники культуры и творческие личности), так и своего рода народной стихией, устно-фольклорной традицией. В этом случае то, что составляет и признается как наследие, рождается и воспроизводится в массовой среде, в низовых специфических сообществах типа религиозных, краеведческих и историко-реконструкторских.

В силу столь широкой всеохватности данного понятия имеется достаточно условное деление культурного наследия (достояния) на материальное и нематериальное. К материальному относится мир осязаемых вещей и артефактов, таких, как археологические, архивные и печатные материалы, произведения искусства, здания и сооружения и даже особые природные ландшафты и историко-архитектурные комплексы. Социально-культурные антропологи традиционно рассматривают в каче-

стве триады материальной культуры пищу, одежду и жилище, а также средства транспорта и коммуникации. Не все можно отнести к наследию, требующему сохранения, охраны и особой статусности. Но даже среди, казалось бы, простых вещей есть и то, что относится к историко-культурному наследию. Особенно это касается этнических сообществ, где сложилась та или иная культурная отличительность в силу природной среды обитания и типа преимущественной хозяйственной деятельности, а иногда – в результате мифотворчества и культуртрегерства представителей власти или отдельных личностей и групп.

Именно поэтому русская изба, горская башня, кочевая монгольская юрта, арктический чум относятся к образцам и свидетельствам традиционной материальной культуры – культурного достояния того или иного народа, несмотря на повсеместное распространение массового многоэтажного и многоквартирного жилищного строительства. К культурному достоянию относятся и собранные учеными-энтузиастами эпические собрания типа Калевалы и разработанные сценарии массовых празднеств типа Сабантуй и Ысыах.

Тем не менее, этническую принадлежность явлений и образцов культуры чаще всего определить достаточно сложно в силу широкого их распространения среди жителей одной местности или страны, но с разной этнической принадлежностью. Тем более что в истории всегда имел место активный процесс культурного взаимодействия и обмена. Вообще материальное культурное достояние все больше подвергается нивелирующему воздействию глобальных техно-культурных процессов. По одежде (если это не праздничная и ритуальная), жилищу и предметам обихода и повседневного пользования сегодня невозможно определить этническую принадлежность конкретного человека, семьи и даже группы. Многие такие различия уходят и больше сохраняются в сфере нематериального культурного наследия. Именно этой сфере государственного регулирования посвящен новый федеральный закон.

Вот как определяет эту сферу данный правовой акт: «Нематериальное этнокультурное достояние Российской Федерации (далее – нематериальное этнокультурное достояние) – немате-

риальное культурное наследие народов Российской Федерации как совокупность присущих этническим общностям Российской Федерации духовно-нравственных и культурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение, формирующих у них чувство осознания идентичности и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, а также воссоздание и современные тенденции развития данного образа жизни, традиций и форм их выражения».

Далее закон несколько архаично определяет, что есть этническая общность Российской Федерации. Это – «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающая общей культурой с присущими ей образной и ценностной системами, общностью языка, этническим самосознанием, свободно определяющая свою национальную принадлежность». Откуда взялась такая формулировка – вопрос к законодателям, но то, что эта формула слабо отвечает российским этническим реалиям по части территориальности, устойчивости и языковой общности, остается как бы за пределами понимания и практического пользования данным законом.

Эти своего рода более тонкие аспекты феномена этничности остаются в России за пределами правовой нормы, хотя отмеченное упрощение, а именно – жесткая этнизация и игнорирование общероссийского содержания культурного достояния, ослабляют политику гражданского националстроительства и в перспективе могут вызвать напряженность и межгрупповые споры. Особенно, если именно этнические общности определяются носителями нематериального культурного достояния и никто больше: ни конфессиональное или местно-региональное сообщество, ни народ страны в целом. Не говоря уже о некоторых явлениях трансграничного и даже глобального значения, как, например, священные тексты мировых религий или мировые языковые системы.

Надо сказать, что если при определении «носителей» закон не вышел за границы этнических общностей «и их отдельных представителей», то при определении «хранителей» нематериального этнокультурного достояния названы «физические и юридические лица, имеющие отношение к выявлению, изу-

чению, использованию, актуализации, сохранению и популяризации объектов нематериального этнокультурного достояния (дома (центры) народного творчества и учреждения культурно-досугового типа, профессиональные и самодеятельные творческие коллективы, культурные объединения), а также библиотеки, музеи, архивы, научные, образовательные и иные организации. Этот перечень, конечно, выходит за рамки этнических группировок. Также более широко, с кросс-культурным подходом сформулировано содержание государственной политики в области нематериального этнокультурного достояния как «совокупность правовых, экономических, социальных, организационных и иных мер и принципов, направленных на создание условий для поддержки выявления, изучения, использования, актуализации, сохранения и популяризации объектов нематериального этнокультурного достояния».

Нам прежде всего интересно, как ныне в России определяются объекты нематериального этнокультурного достояния. К ним относятся: устное творчество, устные традиции и формы их выражения на русском языке, языках и диалектах народов Российской Федерации; формы традиционного исполнительского искусства (словесного, вокального, инструментального, хореографического); традиции, выраженные в обрядах, празднествах, обычаях, игрищах и других формах народной культуры; знания, выраженные в объективной форме, технологии, навыки и формы их представления, связанные с укладами жизни и традиционными ремеслами, реализующиеся в исторически сложившихся сюжетах и образах и стилистике их воплощения, существующих на определенной территории.

Закон и другие правовые акты не затрагивают такие важные сферы наследия как природное наследие, включая прежде всего уникальные ландшафты и биоразнообразие. Но это, видимо, будет следующим шагом общественной озабоченности и правового регулирования. Особенно важен данный аспект проблемы для планов развития туристической деятельности и обеспечения экономической базы местных сообществ. Правового признания заслуживают также и новые традиции, которые

постоянной создаются и утверждаются на основе когда-то бывших или совсем нынешних инноваций. Нельзя забывать, что нынешняя традиция – это вчерашняя инновация, в сегодняшняя инновация может стать завтрашней традицией.

Следует также отметить, что российское законодательство и общие подходы существенно расходятся с некоторыми международными нормами, включая декларации и конвенции ООН и ЮНЕСКО в области защиты культурного наследия. Именно это было причиной, почему Российская Федерация не смогла ратифицировать Всеобщую декларацию о культурном разнообразии, принятую Генеральной конференции ЮНЕСКО в 2001 г., а также Конвенцию по защите нематериального культурного наследия 2003 года. К последней присоединилось более 180 государств, но Россия не присоединилась к этой конвенции. Главные соображения неприсоединения для российских политиков – это доминирующая в мировом экспертном и общественно-политическом дискурсе внеэтническая трактовка культуры и культурного наследия как наследия прежде всего территориальных и страновых сообществ. В большинстве стран мира культурное достояние отдельных этнических общностей, как правило, определяется только в случаях с т.н. индигенными народами и этнорасовыми меньшинствами. Вызывают напряжение в случае ратификации Россией подобных международных документов также громоздкие, в том числе финансовые, обязательства, вытекающие из необходимости соблюдения данной конвенции.

В любом случае, Россия обладает уникальным историко-культурным наследием мирового значения, позволяющим рассматривать в этом плане нашу страну как одну из значимых мировых цивилизаций наряду с такими крупнейшими нациями мира, как китайская, индийская и американская. У России есть свой опыт изучения, сохранения и трансляции для жителей страны и всего мира российского культурного наследия. Предлагаемые в сборнике статьи освещают ряд важных и актуальных аспектов данной темы.

Часть 1

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПОЛИТИКА

DOI: 10.33876/978-5-4211-0316-5/2023-9/11-30

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИИ¹

А.В. Черных

Нематериальное культурное наследие – этот термин в последние годы широко стал использоваться как в научном дискурсе, так и в практиках работы учреждений культуры в нашей стране. Выявление, изучение, сохранение и актуализация объектов нематериального культурного наследия становятся одними из значимых задач культурной политики, стоящих перед Российской Федерацией. Концепт «нематериальное культурное наследие» (далее также НКН) стал активно использоваться в мире и в России после принятия Конвенции о нематериальном культурном наследии ЮНЕСКО 17 октября 2003 года. Определение, опубликованное и провозглашенное конвенцией, стало основным, которым пользовались при обсуждении проблематики нематериального культурного наследия.

С 2008 г. в список шедевров нематериального культурного наследия ЮНЕСКО от России входят два объекта: якутский героический эпос «Олонхо» и «Культурное пространство и устное творчество семейских Забайкалья». В настоящее время в список шедевров нематериального культурного наследия ЮНЕСКО объекты от России не включаются, так как Россия не ратифицировала конвенцию [Нематериальное культурное наследие, 2020: 8]. Сегодня более 200 стран мира ратифицировало конвенцию, но поскольку в Российской Федерации сложились свои

---

¹ Исследование выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023-2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков) в рамках проекта «Нематериальное этнокультурное достояние народов Российской Федерации как ресурс сохранения многообразия и формирования российской идентичности».

особенности охраны нематериального культурного наследия, было принято решение не ратифицировать документ, а принять комплекс мер по сохранению культурного достояния народов нашей страны [Добровольская, 2021: 25]. Публикация конвенции стала основой для начала введения понятия «нематериального культурного наследия» в общественную сферу Российской Федерации, а также активизации деятельности в сфере его сохранения и актуализации.

Организационно-правовые основы деятельности в сфере НКН

В октябре 2003 г. был создан Российский комитет по сохранению нематериального культурного наследия народов России [Нематериальное культурное наследие, 2020: 8]. Важным шагом на пути сохранения НКН и организационного оформления стало заседание Государственного Совета России 26 декабря 2006 г. в Москве, на котором обсуждалась поддержка традиционной культуры, по результатам было дано поручение рассмотреть вопрос о разработке концепции и программы по сохранению нематериального культурного наследия Российской Федерации [Каргин, Костина, 2008: 62–63]. В 2008 г. была принята Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации. В рамках программы реализации концепции было решено создавать на территории Российской Федерации банк данных (каталог) объектов НКН [Пуртова, 2018: 37]. Примером для данного каталога послужил список шедевров устного и нематериального Всемирного наследия ЮНЕСКО. Следует отметить, что концепция была рассчитана на 2009–2015 гг. и не была продлена на следующий период.

В 2000–2010-е гг. в Российской Федерации разрабатывается несколько пилотных каталогов. В рамках концепции 2008 г. одним из направлений работы по ее реализации стало создание пилотного проекта электронного каталога объектов НКН, который представлял реестр примеров работы с нематериальным культурным наследием, его выявление и фиксация, и прежде всего, использование в деятельности учреждений культуры страны [Добровольская, 2021: 25]. Однако в 2012 г. был разработан новый вариант каталога с измененной структурой, наполнение которого осуществлялось последовательно Государ-

ственным Институтом искусствознания (г. Москва) и Государственным республиканским центром русского фольклора (г. Москва, с 2017 г. – структурное подразделение Государственного русского дома народного творчества им. В.Д. Поленова) [Нематериальное культурное наследие, 2020: 9]. Проект нового каталога, составленный научным сообществом, был направлен на популяризацию наследия и использование представленных материалов в учебной и просветительской работе [Добровольская, 2021: 25]. Однако и данный каталог объектов нематериального культурного наследия Российской Федерации не стал окончательным. С 2021 г. был запущен новый электронный каталог (реестр) объектов НКН России.

В настоящее время актуальными, открытыми для свободного доступа, представляются два каталога: это список объектов НКН, размещенный на сайте «Культура. РФ» в разделе «Традиции» под рубрикой «Нематериальное культурное наследие», в котором размещено 447 объектов и «Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России», в котором в 2021 г. размещено 50 объектов, в 2022 г. – еще 100. Создание нескольких каталогов (реестров) выявило проблемы, прежде всего, существования разных подходов к пониманию нематериального культурного наследия, целей и задач каталога, его целевой аудитории, а также разных учреждений, готовых к реализации наполнения каталога. Актуальным в настоящее время представляется интеграция двух вариантов каталога и создание единого с общими подходами каталога (реестра) объектов нематериального культурного наследия России. Очевидно, что решение этой задачи – перспектива ближайшего будущего.

Следует отметить, что работа по выявлению и актуализации объектов нематериального культурного наследия проводилась не только на федеральном уровне, в нее активно включились многие регионы России. В нескольких субъектах Российской Федерации были приняты региональные законы о нематериальном культурном наследии, как, например, в республиках Татарстан, Тыва, Алтай, Хакасия, Дагестан, а также Саратовской, Вологодской области, Краснодарском крае, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономном округах [Пояснительная записка; Чулисова, 2022]. Независимо от принятых законов, во многих субъектах разрабатываются и наполняют-

ся региональные каталоги объектов НКН. В то же время следует констатировать, что далеко не все регионы ведут активную деятельность в данном направлении, что подразумевает создание и работу экспертного совета, выявление объектов, описание и ведение каталога. Содержательный аспект заполненных региональных каталогов также вызывает множество вопросов и критику.

Важным событием, связанным с нематериальным культурным наследием, можно считать создание в 2019 г. в рамках деятельности Российского Комитета по сохранению нематериального культурного наследия при Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО Экспертного совета по вопросам формирования реестра (каталога) объектов нематериального культурного наследия [Нематериальное культурное наследие, 2020: 9]. Работа совета продолжается в настоящее время и связана не только с экспертизой объектов НКН для включения в федеральный реестр, но научно-методической деятельностью в данной сфере, а также экспедиционной и исследовательской работой, связанной с выявлением и изучением объектов НКН. Экспертный совет объединил специалистов в областях этнологии, этномузыкологии, фольклористики, культурологии и искусствоведения из разных научных центров страны. Деятельность Экспертного совета в 2019–2022 гг. была направлена на разработку нормативных документов, среди которых положение об Экспертном совете, классификация и рубрикация реестра (каталога), принципы описания и представления материалов, рецензирование поступающих заявок от регионов о размещении объектов в федеральном реестре.

Значимые события в сфере поддержки нематериального культурного наследия произошли в 2022 году. Следует отметить, что 2022 год был объявлен Годом культурного наследия народов России, что не только привлекло внимание к данной сфере и направлениям работы, но также активизировало проведение разных мероприятий, фестивалей, конкурсов, а также научных и научно-практических конференций, круглых столов, в центре внимания которых были подходы к работе и теоретическое осмысление нематериального культурного наследия народов России. Несколько важных площадок и форумов 2022 г. были непосредственно посвящены обсуждению вопросов, связанных с НКН. Круглый стол с участием ученых и практиков, посвя-

щенный региональным реестрам объектов нематериального культурного наследия, состоялся в рамках V Всероссийского конгресса фольклористов, проходившего в г. Рязани с 16 по 20 марта 2022 года. Тематика НКН была одной из центральных на конгрессе и затрагивалась в выступлениях на пленарном и секционных заседаниях. Отдельная секция «Историко-культурное наследие народов Урала, Сибири и Дальнего Востока: концепции, стратегии, практики» работала в рамках IX Сибирского исторического форума в г. Красноярске 14–15 сентября 2022 года. Международный конгресс «Российский опыт изучения нематериального культурного наследия в контексте мировой науки» 28 сентября – 2 октября 2022 г. прошел в Москве и Санкт-Петербурге. Организаторами конгресса выступили Государственный институт искусствознания и Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова при участии Государственного Российского Дома народного творчества им. В.Д. Поленова, Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси. В рамках конгресса прошла международная научная конференция «Концепции нематериального культурного наследия: наука и практика». Завершающим мероприятием в цикле событий года культурного наследия в сфере НКН явилась презентация 100 объектов нематериального культурного наследия России в г. Санкт-Петербург 10–12 ноября 2022 г., организованная ГРДНТ им В.Д. Поленова.

Весной 2022 г. рабочей группой было завершено обсуждение проекта закона, а 20 октября 2022 г. был подписан принятый 4 октября 2022 г. Государственной Думой Федеральный закон от 20.10.2022 N 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации». Принятие закона не только завершило предшествующую деятельность в сфере изучения, сохранения и актуализации нематериального культурного наследия, но и открыло новый этап в организационной работе в данной сфере. В настоящее время обсуждается «Концепция сохранения и развития традиционной народной культуры и нематериального культурного наследия народов Российской Федерации». Принятие концепции после обсуждения и доработки потребует разработки программы ее реализации.

Принятие закона ставит новые задачи в деятельности в сфере сохранения НКН. Требуется приведение в соответствие с

федеральным законом региональной законодательной базы. Не менее важным представляется выстраивание единой системы работы федеральных и региональных экспертных советов, соответствие общим подходам федерального и региональных реестров (каталогов) объектов НКН. Принятие закона внесет изменения и в действующий федеральный реестр объектов НКН, так как в документах закона провозглашено «создание Реестра объектов нематериального культурного наследия (государственной информационной системы "Федеральный государственный реестр объектов этнокультурного достояния Российской Федерации")». Такова общая канва правовой и организационной деятельности в последние десятилетия в сфере нематериального культурного наследия России.

Определение и содержание термина в России

Одной из задач, которая стоит перед научным сообществом, представляется теоретическое осмысление проблематики нематериального культурного наследия, в том числе концептуализация основных понятий и подходов к деятельности в данной сфере. Закон «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» ввел новое российское определение «нематериальное этнокультурное достояние»: «нематериальное этнокультурное достояние Российской Федерации (далее – нематериальное этнокультурное достояние) – нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации как совокупность присущих этническим общностям Российской Федерации духовно-нравственных и культурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение, формирующих у них чувство осознания идентичности и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, а также воссоздание и современные тенденции развития данного образа жизни, традиций и форм их выражения» [ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии»].

Введение нового определения завершило на определенном этапе дискуссию о круге явлений, которые рассматриваются в нашей стране в контексте нематериального культурного наследия, основываясь на этнокультурной составляющей, прежде всего, традиционной культуры и современными формами ее бытования и презентации.

Как известно, определение ЮНЕСКО достаточно широко трактует круг явлений НКН. Дискуссия по определению понятия НКН в России возникла и ведется с момента принятия и обсуждения первых документов в данной сфере. С одной стороны, неоднократно предлагалось использовать международный термин в достаточно широком понимании НКН [Каргин, Костина, 2008: 63]. С другой стороны, предлагалось ввести свое, российское, определение нематериального культурного наследия, отражающее специфику развития фольклора народов России. Однако на протяжении последних десятилетий разные документы включали разные определения «НКН», что показывало остроту существующей дискуссии и сложность единого определения. Приведем лишь несколько примеров использования разных понятий НКН. В Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия 2008 г. воспроизводится определение, близкое определению концепции ЮНЕСКО [Концепция, 2008]. В модельном законе «Об охране нематериального культурного наследия» от 2013 г., принятом на пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ, дается более «узкое» определение, ориентирующее в первую очередь на этнокультурную сферу, так как в нем уточнен круг явлений через их перечисление: «включая: язык, нормы и правила поведения, верования, обряды, обычаи, празднества, фольклор, технологии изготовления предметов народного декоративно-прикладного искусства, музыкальных инструментов, предметов быта и народные художественные каноны, реализующиеся в исторически сложившихся сюжетах и образах и стилистике их воплощения» [Модельный закон]. В утвержденных в 2014 г. Основах государственной культурной политики дано более расширенное определение «культурного наследия», включающее, кроме явлений народной культуры, также русскую литературу и литературу народов России, музыкальное, театральное и кинематографическое наследие, систему подготовки кадров [Основы государственной культурной политики, 2014].

Используемые в приведенных документах определения явились основой и для использования их в региональном законодательстве, при этом законодательные акты в разных регионах отсылают к разным определениям и подходам. В законе Республики Татарстан «О нематериальном культурном

наследии в Республике Татарстан» определение соотносится с определением Модельного закона СНГ, а в Саратовской области – воспроизводит определение из Основ государственной культурной политики [О нематериальном культурном наследии в Республике Татарстан, 2017; Об объектах нематериального культурного наследия Саратовской области, 2017].

Таким образом, основная дискуссия заключается в определении круга явлений, которые включаются в совокупность нематериального культурного наследия от его понимания как явлений этнической культуры, прежде всего, в ее традиционных формах, до предельно широкого круга явлений культуры общества, включающее такие явления как профессиональное искусство, литература, самодеятельное, в том числе авторское, творчество, научные школы и педагогические системы подготовки кадров и многое другое. В этом круге определенний между предельно «широким» и «узким» пониманием нематериального культурного наследия и в будущем возможна дискуссия и теоретическое осмысление всего комплекса явлений.

Следует констатировать, что несмотря на принятие закона и законодательное закрепление основных терминов и определений, по-прежнему содержание основных номинаций представляется дискуссионным. Обращение к исследованиям и публикациям последних лет также показывает остроту дискуссии и спектр мнений среди исследователей от понимания нематериального культурного наследия как фольклора (или несколько шире – явлений традиционной культуры) до широкого спектра явлений, существующих в нематериальной форме [Каргин, Костина, 2008; Энциклопедия, 2022].

Самым сложным и почти невозможным при многообразии явлений нематериального этнокультурного достояния представляется выявление жестких критериев отнесения явления к объектам нематериального этнокультурного достояния, так и определение их статуса: локальный, региональный, федеральный. Решение этих вопросов возможно индивидуально в каждом конкретном случае, что повышает, с одной стороны, значимость и востребованность научного экспертного сообщества, прежде всего, экспертных советов, а с другой, – требует от них экспертных советов взвешенного подхода и должной компетентности.

Походы к пониманию объектов нематериального этнокультурного достояния и формированию реестра объектов

Уникальность России с ее географическим, историческим и этнокультурным ландшафтом определила несколько основных базовых характеристик нематериального культурного наследия нашей страны.

1. Многообразие объектов НКН определяется не только разным укладом жизни на территории страны, но и уникальным многообразием явлений, в разных сферах, которые становятся объектами НКН. Предложенный и действующий в настоящее время в федеральном и региональных каталогах рубрикатор объектов НКН уже позволяет говорить о многообразии материалов, среди которых песенные традиции сел и деревень, обрядовые традиции, технологии народных промыслов и ремесел, технологии традиционной кухни, наследие и репертуар отдельных исполнителей и мастеров народного творчества, хозяйственные традиции и многое другое.

Среди таких примеров, можно отметить разнообразие примеров и технологий традиционного природопользования и хозяйственной деятельности. Среди объектов, размещенных в каталоге, с традициями рыбной ловли, например, связаны: – бытовавшие в прошлом *катешный лов* – технология ловли рыбы с помощью *катцы* у татар села Новые Булгары Икрянинского района Астраханской области; – *Шыга-ятыу* – технология ловли рыбы на живца в Абзелиловском районе Республики Башкортостан [Нематериальное культурное наследие, 2020: 54–59, 316–323].

В настоящее время рубрикатор каталога включает пять основных позиций: I. народные знания; II. обрядовые комплексы и праздники, III. народное исполнительство; IV. традиционные технологии и техники. V. народные игры, традиционные единборства и состязания. Основные разделы каталога включают подрубрики, отражающие все многообразие этнокультурного наследия. В то же время эксперты осознают, что все явления традиционной культуры народов России сложно вписать в единую схему, поэтому данный рубрикатор представляется рабочим, уточнение которого возможно по мере наполнения федерального каталога конкретными объектами.

2. Этнический состав и полиэтничность России. В Российской Федерации проживают, согласно материалам переписи

населения 2010 г., представители 193 народов. Среди объектов НКН – все этническое многообразие народов и этнических групп нашей страны. Так по праздничной и обрядовой культуре народного календаря в федеральном каталоге уже размещены:

– Дидойский праздник окончания зимы Игби в селе Шаитли Цунтинского района Республики Дагестан.

– Праздник народа удэге Сагди Дава / Большая рыба, посвященный началу путины кеты (Приморский край).

– Нивхский праздник обновления природы П'итул (Чир ань) (Сахалинская область).

– Татарский календарный обряд «Карга боткасы» / «Грачная каша» в Кукморском районе Республики Татарстан.

– Обряд проводов льда *йэ кэл'ан* и воды *ву кэл'ан* северных удмуртов (Удмуртская Республика) [Нематериальное культурное наследие, 2020: 25–29, 36–43, 60–64, 65–70, 156–154].

3. Локальность и вариативность. Нематериальное культурное наследие многообразно и взаимопроникаемо, что затрудняет составление единой и универсальной схемы и локализации объектов, а часто и привязки к одному из этнических сообществ и регионов. Достаточно много объектов, которые имеют межэтнический и межрегиональный характер. В то же время именно локусы бытования объекта и его распространение являются наиболее сложными и дискуссионными вопросами в работе с объектами нематериального культурного наследия. С нашей точки зрения, здесь следует руководствоваться основными постулатами термина и подходов к анализу «вариативности» и «локальной традиции», разрабатываемой в фольклористике и этнологии [Чистов, 1986; Лапин, 1995], которые должны стать главными принципами работы с объектами НКН. С одной стороны, это очевидные вещи при изучении и анализе комплексов народной культуры. Например, в народной хореографии танец «кадриль» имеет широкое распространение не только среди русских, но и других народов, существует множество ее локальных вариантов. Во многих районах Урала, например, каждая деревня имела свой вариант кадрили с локальным названием села или деревни. В этом контексте логично было бы иметь в качестве самостоятельных объектов НКН несколько описаний самобытных локальных вариантов традиции, которые по мере наполнения каталога, возможно, соберутся в единый комплекс. Такую же картину показывают многочисленные примеры

праздничной культуры. Это формирование единого объекта «Сабантуй», когда сам праздник унифицируется к общим формам, в ущерб самобытным локальным вариантам. Эти варианты, будучи представлены как отдельные объекты, формировали бы многогранный и неповторимый образ праздника у разных народов в разных районах России, формируясь в отдельный блок по мере наполнения каталога. Это относится и к празднику Троицы многих народов и регионов России. Предлагаемые принципы характерны для всех явлений народной культуры.

В то же время обсуждение «локальности», собственно «локуса» объекта – наиболее дискуссионная тема и в научном обществе. Размещенные паспорта объектов НКН в действующем каталоге показывает разные подходы к их локализации, например, при размещении объектов песенной традиции: от песенной традиции одного села – «Песенная традиция села (Беляковский) Катарач, деревень Нижний и Средний Катарач Талицкого района Свердловской области» до «Певческие традиции оренбургских казаков» [Реестр объектов]. В этом случае мы видим, что исследователи и практики, готовившие данные объекты для внесения в каталог, придерживаются разных подходов к пониманию локальности в традиции. И эта проблема требует обсуждения и дискуссии.

4. Памятники фольклора и живая традиция. Концепция и работа по сохранению нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, прежде всего ориентирована на действующую и сохраняющуюся традицию, которой требуется определенный статус и поддержка. В то же время при реальной работе с нематериальным культурным наследием следует констатировать, что мы имеем дело с очень разными стадиями сохранения и развития традиции. С одной стороны, целый комплекс явлений народной культуры можно отнести к категории «памятников», как, например, былинную традицию Русского Севера, естественное бытование которой уже не фиксируется в настоящее время. В то же время былины как явление русского фольклора имеют важное значение и для современной идентичности и культуры русского народа. В архивных собраниях находится значительное число записей былинных текстов, реализуется проект публикации свода русских былин [Былины, 2001–2015]. Можно отметить и несколько современных проектов и исполнителей, которые активно используют былинное наследие в своей

исполнительской деятельности. Несомненно, былинная традиция, в том числе в основных центрах ее бытования также достойна быть представлена среди объектов НКН.

Значительное большинство явлений народной культуры можно отнести к «уходящим», сохраняется память об этих явлениях, носителями данной традиции выступает преимущественно старшее поколение, нарушены естественные механизмы передачи. К таким явления, например, можно отнести значительную часть песенных традиций русских сел и деревень. Именно «уходящие» явления требуют скорейшей фиксации, документирования, внимание к данным явлениям со стороны общественности, а в некоторых случаях и проекты их актуализации. Редкими можно назвать объекты, которые сохраняют традиционные формы в живом естественном бытовании. Следует констатировать, что в настоящее время «живые» явления и комплексы традиционной культуры представлены лишь отдельными ареалами, очагами, даже те, которые в недавнем прошлом были распространены повсеместно. Примеры таких ареалов сохранения можно привести по традиционному костюму: среди районов бытования русского костюма можно отметить русских Верхокамья – район в верховьях р. Камы на границе Пермского края и Удмуртской республики, с. Усть-Цильму и окрестные русские села, и деревни в Республике Коми, село Никольское Лаишевского района Республики Татарстан и другие.

5. Этика и наследие. При обращении к тематике нематериального культурного наследия обычно не поднимаются этические проблемы, связанные с объектами. Между тем эти проблемы существуют и также требуют обсуждения. Так как в настоящее время к деятельности в данной сфере активно подключаются не только исследователи, но и практики, и средства массовой информации, блогеры, этические вопросы становятся все более актуальными. Традиционная культура, которая в настоящее время становится основным «полем» нематериального культурного наследия, при всем многообразии включает как открытые, публичные сферы, так и достаточно «закрытые», сакральные. Это в первую очередь относится к обрядовой традиции и не всегда может быть представлено для широкого обозрения, при том, что явление может быть уникальным и чрезвычайно интересным с точки зрения этнографии или фольклора. Интерпретация того или иного явления также может не совпадать у локального сообще-

ства и отдельных групп вне его. Главным при изучении, публикации и другой публичной деятельности во главу угла должен быть поставлен принцип «не навреди!».

Сфера этики полевых исследований уже давно и неоднократно поднималась многими исследователями и выступает неким «кодексом» в среде фольклористов, этнологов и антропологов [Никитина, 2001: 5–6; Этические проблемы, 2006: 6–166]. В то же время в публичном информационном пространстве в контексте нематериального культурного наследия данная проблема широко не обсуждалась. Вместе с тем влияние публикации и размещение объекта в каталоге может серьезно повлиять как в положительном, так и негативном ключе на судьбу самого объекта, на его бытование и трансформацию. Нередки примеры, когда «внешнее» внимание к тому или иному явлению способствует переоценке его значимости локальным сообществом и тем самым дает импульс к его сохранению. Однако можно привести и немало обратных примеров, когда повышенный интерес приводит к существенным трансформациям бытования явления и в конечном итоге способствует его разрушению.

Деятельность в сфере нематериального этнокультурного достояния

Нематериальное этнокультурное достояние, как мы показали, достаточно сложная и многообразная сфера, деятельность в которой, несомненно, будет актуализирована в ближайшем будущем как на федеральном уровне, так и в регионах России. Одна из основных задач на современном этапе работы с объектами НКН – выявление, описание и презентация. Как и в международном сообществе, одним из основных направлений в деле сохранения нематериального культурного наследия является учет и формирование реестра объектов. Как мы отмечали, в настоящее время идет формирование нового реестра, в том числе путем интеграции ранее существующих каталогов. К концу 2022 г. в реестре объектов нематериального культурного наследия планируется разместить 150 объектов, 100 из которых вносились в каталог по итогам 2022 года.

Анализ материалов, размещенных в федеральном реестре, с одной стороны, показывает неравномерность количества

объектов как по регионам России, так и по тематическим группам. Значительная часть материалов в настоящее время представляет фольклорную традиции и технологии народных промыслов и ремесел. Отчасти это объясняется тем, что в именно в данных сферах накоплен значительный опыт работы учреждений культуры, так и активность специалистов, занимающихся изучением фольклора в сфере нематериального культурного наследия, в то время как специалисты других профилей, например, занимающихся изучением хозяйственных традиций и материальной культуры, в меньшей степени соотносят себя с данным направлением деятельности.

Многие явления культуры, которые, несомненно, составляют значительную часть этнокультурного наследия, в настоящее время слабо востребованы и не представлены в деятельности учреждений культуры и общественных институтов. Сложности, например, возникают, при формировании объектов, характеризующих традиции хозяйственной деятельности народов России. Нет сомнения в том, что значительная часть хозяйственных традиций уникальна и достойна быть представлена в реестре, однако многие из приемов традиционного хозяйствования вышли из активного бытования, сохраняются лишь в памяти старшего поколения и возникают сложности с возможностью их использования в рамках практической деятельности.

Другой проблемой является противоречие между традициями и навыками хозяйствования, широко распространенными в прошлом, но ограниченными в настоящее время рядом законодательных актов, как, например, традиционные приемы рыболовства и т.д. При многообразии и разности регионов России сложности с формированием реестра и объектов нематериального культурного наследия возникают и у таких субъектов Российской Федерации, которые представлены городами Москва, Санкт-Петербург, Севастополь. Требуется обсуждения и этнокультурное достояние Калининградской области, представленное, как правило, традициями поздних переселенцев из разных регионов России, презентующих разные этнические сообщества. Все эти сложности требуют целенаправленной исследовательской работы и широкого обсуждения в кругу специалистов.

Формирование как федерального, так и региональных реестров в настоящее время непростая задача, даже с учетом

того, что многие объекты нематериального культурного наследия изучены и по ним имеются значительные научные исследования и материалы, необходимы уточнения форм и особенностей современного бытования объектов, выполнение фото и видеofиксации, что не всегда выполнялось предшественниками.

Главными в выявлении изучении НКН остаются экспедиционные исследования, проводимые учеными и практиками. Другим каналом формирования реестра объектов являются описания местных организаций путем непосредственного наблюдения сохраняющихся народных промыслов и ремесел, фольклорных коллективов, праздников и других форм НКН. Несмотря на многолетнюю экспедиционную работу, в настоящее время при планировании экспедиций несколько по-иному расставляются акценты для выявления и документирования объектов НКН. Проводится комплексная фиксация объекта, включающие не только сбор устных сведений, но и фото и видеосъемка. Наиболее плодотворная деятельность по выявлению и актуализации объектов НКН происходит там, где выстроено взаимодействие домов народного творчества, других учреждений культуры и научных организаций, экспертов.

Так как работа в данном направлении рассчитана на многие годы, важно выстраивание системы работы с объектами НКН, которая включает такие направления деятельности как:

- документирование (фиксация и сохранение в музейных и архивных собраниях);
- сохранение и развитие (создание условий для продолжения деятельности мастеров, фольклорных коллективов, проведения праздников и т.д.);
- изучение (научные исследования на основе полученных материалов);
- актуализация (использование в современных образовательных, экономических, туристических, культурных проектах и практиках).

Кроме формирования реестра объектов, одной из традиционных форм документирования и популяризации НКН является публикация материалов, каталогов, научных исследований и научно-популярных изданий. В этом контексте можно отметить несколько интересных региональных проектов:

Каталоги объектов НКН Республики Коми [Усть-Цилемская горка, 2019; Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми, 2020; 2021; 2021a].

Серии изданий «Нематериальное культурное наследие Республики Марий Эл» [Нематериальное культурное наследие Республики Марий Эл, 2018].

Серия изданий «Фольклорный архив. Пермский край», представляющие объекты НКН Пермского края [Русские сказки Пермского края, 2020; Сказки Евдокии Никитичны Трясиной, 2020; Песенная традиция русских сел Октябрьского района, 2021; Песенная традиция деревни Суюрка, 2021; Традиционная культура русских заводских поселений Урала, 2021; Русские сказки Пермского края из рукописных собраний, 2022].

Не менее сложными и дискуссионными являются современные подходы к актуализации нематериального культурного наследия и практическая деятельность в этой сфере учреждений культуры и общественных институтов. НКН выступает основой для современных этнокультурных проектов в разных сферах и направлениях деятельности:

- как ресурс развития территории (брендинг, развитие экономической сферы, проекты в сфере культуры, туризм);
- как основа деятельности учреждений культуры (фестивали и праздники, методическая работа);
- как основа для разных форм практической деятельности (от фольклорных ансамблей до мастеров народного творчества);
- как основа для научных исследований (зафиксировать наиболее полно – обработать материал – выдать научное исследование);
- как материал для выставочных и других проектов в сфере культуры;
- как основа для научно-популярных материалов (кино-, видео – интернет-ресурсы, деятельность блогеров).

Эффективность работы в сфере сохранения объектов НКН зависит от выстраивания взаимодействия трех институтов: власти, экспертного сообщества и практиков. Наибольший эффект мы получаем там, где есть понимание общих задач и выстраивание партнерских отношений между различными институтами. Самым сложным вопросом является включение объектов НКН в современный культурный контекст. Работа с ними должна отве-

чать критериям: традиционный, но современный, архаичный, но модный, содержательный, но с новыми смыслами.

При том факте, что в настоящее время с нематериальным культурным наследием работает значительное число ученых и практиков, следует констатировать, что значительная часть наследия остается известным преимущественно лишь узким специалистам этнографам, фольклористам, этномузыковедам. Существенной проблемой является формирование научного популярного знания. Наука проигрывает сегодня в сфере наполнения информационного контента по традиционной культуре и нематериальному культурному наследию, что приводит к мифотворчеству, квазипредставлениям о явлениях народной культуры. Для учреждений культуры часто также характерно отсутствие глубокого погружения в сферу традиционной культуры, недостаточная этнокультурная компетентность, восприятие и тиражирование стереотипов в отношении этнической культуры. В то же время в учреждениях культуры России наблюдаются и интересные подходы к данной сфере деятельности [Санникова, Кожанова, 2018: 237–251; Добжанская, 2019]. В некоторых случаях следует констатировать, что на явления традиционной культуры и оценку их ценности и значимости присутствуют разные точки зрения у научного сообщества и тех, кто занимается практической деятельностью в данной сфере.

Таким образом, при существующих в настоящее время целом комплексе проблем, обсуждение и решение которых предстоит в будущем, насущными общими задачами в сфере нематериально этнокультурного достояния, с нашей точки зрения, являются формирование общественного запроса, активное наполнение федерального реестра и более широкого информационного контента научным знанием, системная совместная и активная деятельность в сфере изучения, сохранения и актуализации нематериального культурного наследия, опыт которой накоплен в последние годы многими учреждениями науки, культуры, образования и общественными институтами.

Источники и литература

Russian Federation [электронный ресурс]. URL.: <https://ich.unesco.org/en/state/russian-federation-RU>.

Былины. Свод русского фольклора [Текст]: в 25 т. / [Российская акад. наук, Ин-т русской литературы (Пушкинский дом); [редкол. Свода русского фольклора А.А. Горелов (гл. ред.) и др.]; [редкол. сер. «Былины» Б.Н. Путилов (гл. ред.) и др.]. Санкт-Петербург: Наука; Москва: Классика, 2001–2015. Том 1–18.

Добжанская О.Э. Проблемы сохранения музыкального фольклора народов Арктики как части нематериального культурного наследия Российской Федерации (на материалах Таймыра) // Языки коренных народов как фактор устойчивого развития Арктики. Сб. материалов Международной научно-практической конференции. Якутск, 2019. С. 251–254.

Добровольская В.Е. О каталоге // Живая страна 23-021 № 4. С. 25.

Каргин А.С. Костина А.В. Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ как приоритет культурной политики России в XXI веке // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 59–71.

Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы [электронный ресурс]. URL.: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minkultury-rf-ot-17122008-n-267/#100011>.

Лапин В. Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций): Очерки и этюды. М., Московский государственный фольклорный центр «Русская песня»; Российский Институт истории искусств, 1995. 200 с.

Модельный закон Об охране нематериального культурного наследия [электронный ресурс]. URL.: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31526977&pos=6;-106#pos=6;-106.

Нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации: Иллюстрированный альманах / Сост. В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова, М.В. Русанова. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2020. 348 с.

Нематериальное культурное наследие Республики Марий Эл: информационно-методические материалы, объекты нематериального культурного наследия Республики Марий Эл. Вып. 3 / [сост. Е. И. Тихонова]. Йошкар-Ола, 2018. 79 с.

Никитина С.Е. О «нас» и о «них» (к теме «собиратель – информант/исполнитель») // Живая старина. 2001. № 1. С. 5–6.

О нематериальном культурном наследии в Республике Татарстан – Закон Республики Татарстан от 26.05.2017 № 34-ЗРТ «О нематериальном культурном наследии в Республике Татарстан» [электронный ресурс]. URL.: https://kitaphane.tatarstan.ru/legal_info/zrt/nematercultnasl.htm.

Об объектах нематериального культурного наследия Саратовской области – Закон Саратовской области № 51-ЗСО от 28.06.2017 г. «Об объектах нематериального культурного наследия

в Саратовской области» // Собрание законодательства Саратовской области № 9 от 30.06.2017 г. С. 2294.

Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми: [в 3 т.]. Т. 1. Обрядовые, празднично-игровые и конфессиональные традиции. Сыктывкар: Государственное автономное учреждение Республики Коми «Центр народного творчества и повышения квалификации», 2020. 376 с.

Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми: [в 3 т.]. Т. 2. Народное декоративно-прикладное искусство, промыслы, ремесла, народное знание. Сыктывкар: Государственное автономное учреждение Республики Коми «Центр народного творчества и повышения квалификации», 2021. 240 с.

Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми: [в 3 т.]. Т. 3. Народное исполнительство, эпические, песенно-музыкальные, инструментальные и танцевальные традиции. Сыктывкар: Государственное автономное учреждение Республики Коми «Центр народного творчества и повышения квалификации», 2021а. 180 с.

Основы государственной культурной политики – Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 Об утверждении Основ государственной культурной политики [электронный ресурс]. URL.: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208>.

Песенная традиция деревни Суюрка Куединского района Пермского края: свадебный фольклор / А.В. Черных (отв. ред.), Г.Н. Мехнецова, А.А. Мехнецов, О.С. Сивков, И.И. Русинова, М.Е. Суханова. (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб: Изд-во «Маматов», 2021. 188 с.

Песенная традиция русских сел Октябрьского района Пермского края в записях конца XX в. (под общ. ред. А.В. Черных). / А.В. Черных (отв. ред.), О.С. Сивков, И.И. Русинова, Ю.С. Чернышева, М.Е. Суханова, Е.Н. Свалова. Санкт-Петербург: Маматов, 2021а. 145 с. (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»).

Пояснительная записка – Пояснительная записка к проекту федерального закона «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» [электронный ресурс]. URL.: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/102232-8>.

Пуртова Т.В. Нематериальное культурное наследие: проблемы терминологии // Традиционная культура 2018. № 1. С. 37–39.

Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России. [электронный ресурс]. URL.: <http://www.rusfolkasledie.ru/#/main>.

Русские сказки Пермского края в записях конца XX – начала XXI в. / А.В. Черных (отв. ред.), В.Е. Добровольская, И.И. Русинова, И.А. Подюков, М.Е. Суханова, О.С. Сивков, Е.Н. Свалова, С.В. Хоробрых,

С.Ю. Королева (серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Изд-во «Маматов», 2020. 240 с.

Русские сказки Пермского края из рукописных собраний XX века / А.В. Черных [и др.]; под общ. ред. А.В. Черных; Администрация губернатора Перм. края, Департ. внутр. политики [и др.]. Санкт-Петербург: Маматов, 2022 332 с. (Фольклорный архив. Пермский край).

Санникова Т.М., Кожанова Н.Г. К вопросу актуализации нематериального культурного наследия в деятельности учреждений культуры // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 55. С. 237–251.

Сказки Евдокии Никитичны Трясциной / В.Е. Добровольская, Г.Н. Мехнецова, И.И. Русинова, О.С. Сивков, М.Е. Суханова, А.В. Черных (отв. ред.). (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Изд-во «Маматов», 2020. 192 с.

Традиционная культура русских заводских поселений Урала: Курашимский завод: материалы и исследования: коллективная монография / А.В. Черных (отв. ред.), И.И. Русинова, Ю.А. Кашаева, А.В. Вострокнутов, Д.И. Вайман, С.Ю. Королёва, О.С. Сивков, М.А. Брюханова. Санкт-Петербург: Маматов, 2021 484 с. (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»).

Усть-Цилемская горка – жемчужина Русского Севера. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2019. 136 с.

ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии» – Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» [электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210200005?index=1&rangeSize=1>.

Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л.: «Наука», 1986. 304 с.

Чулисова Ю.А. Конституционно-правовая охрана объектов нематериального культурного наследия в России: проблемы и перспективы развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22. № 1. С. 114–122.

Энциклопедия нематериального культурного наследия России. Посвящается Году культурного наследия народов России. М.: Институт Наследия, 2022. 576 с.

Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. СПб., 2006. № 5. С. 6–166.

ЗАЩИТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Л. В. Андриченко

Культура – это основа национальной идентичности. Своеобразие России как государства заключается в многообразии сложившихся культур, они определяют общее культурное пространство и формируют единое культурное наследие проживающих в ней народов. В этой связи государственная национальная политика должна быть основана на такой системе ценностей, которая, с одной стороны, способствует развитию самобытности каждой национальной культуры, с другой стороны, – обеспечивает открытость и диалог с другими культурами, становясь позитивным фактором политической консолидации народов. При этом именно культура осуществляет функцию преодоления национальной обособленности при сохранении этнических границ.

Указом Президента Российской Федерации от 30.12.2021 № 745 в нашей стране 2022 год объявлен Годом культурного наследия народов России. Право на культурное наследие, его использование и охрану – одна из форм этнокультурного самоопределения народов. Поэтому защита культуры – это одновременно и защита своего национального суверенитета, который имеет различные измерения (экономическое, политическое, культурное и др.).

В глобальном плане современный мир характеризуется не только взаимодействием культур, унификацией традиционной культуры под влиянием процессов модернизации, глобализации и урбанизации, нивелирующих специфику культуры [Курьянова, 2015: 3], но и тем, что все чаще появляются примеры усиления разнородности культур. В результате этого происходят столкновения культур, так как источниками конфликта становятся именно культурные различия, различия в базовых ценностях и верованиях людей. Когда в мире усиливается тенденция к девальвации традиционных духовно-нравственных ценностей, искажению базовых ценностных

ориентиров, то есть все основания говорить о культурной безопасности как составной части национальной безопасности государства. Отсюда обеспечение национальной безопасности включает защиту культурного, духовно-нравственного наследия и исторических традиций.

Национальные интересы государства заключаются в сохранении культурного (историко-культурного) наследия, обеспечении защищенности духовных ценностей общества от внутренних и внешних угроз. Именно так защита культурного и исторического наследия народов России – как защита национальных интересов государства и общества с учетом долгосрочных тенденций развития – определяется в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (2021 г.). В Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом (2022 г.) указано, что культура как инструмент «мягкой силы» способствует продвижению всех иных национальных интересов за пределами государства.

Основы государственной культурной политики (2014 г.) также при определении приоритетов государственной культурной политики России в числе первых называют сохранение и развитие культурного наследия народов Российской Федерации. А сама государственная культурная политика рассматривается в качестве основного и постоянного направления деятельности государства как общественно-политического института.

На то, что государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) включена в число приоритетных задач органов государственной власти и органов местного самоуправления, указывает также Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г. (2016 г.). Нельзя не отметить в этом плане и реализуемый с 1 сентября 2019 г. национальный проект «Культура», в основу идеологии которого положен принцип обеспечения максимальной доступности граждан к культурным благам, позволяющий каждому не только воспринимать культурные ценности, но и участвовать в их создании.

Таким образом, документами стратегического планирования защита культурного наследия народов России определяется исходя из места и роли культуры в социальной структуре государства и общества, признания предельной общественной зна-

чимости ее функций, в том числе в контексте международных отношений, стимулируя тем самым диалог культур и сохранение традиционных ценностных ориентиров¹.

На сохранение и защиту культурного наследия народов России направлено и законодательство Российской Федерации. Законодательство Российской Федерации о культуре имеет конституционное измерение. Конституционными преобразованиями 2020 г. вопросам развития культуры, защиты культурного наследия народов России было уделено дополнительное внимание со стороны государства. Текст Конституции пополнился сразу несколькими последовательно и логично выстроенными новыми положениями, посвященными данным вопросам:

– положениями о том, что «культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством» (ч. 4 ст. 68);

– установлениями о защите культурной самобытности всех и каждого из народов России: «Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия» (ч. 2 ст. 69);

– нормами о сохранении культурной идентичности соотечественников за рубежом: «Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности» (ч. 3 ст. 69);

– уточнениями в сфере разграничения предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (п. «ж» ч. 1 ст. 72) и увеличением полномочий Правительства Российской Федерации в этой сфере (п. «е» ч. 1 ст. 114).

Таким образом, Конституцией России была усилена роль культуры в развитии государства и общества [Сазонникова, 2021: 15–17]. Соответственно, было расширено само содержание понятия «культура», что особенно важно для целей понимания смысла и духа Основного Закона Российской Федерации. Исто-

---

¹ См. об этом: Указ Президента РФ от 05.09.2022 № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом».

дя из Конституции, понятие «культура», наряду с общим трактованием, теперь также интерпретируется и применительно к разным областям человеческой жизнедеятельности – физическая культура (ч. 2 ст. 41), культура ответственного отношения граждан к своему здоровью (п. «ж» ч. 1 ст. 72), экологическая культура (п. «е б» ч. 1 ст. 114) и др. С учетом этого, расширение понятия «культура» направлено не только на укрепление духовно-нравственных ценностей российского общества, но и на осознание роли культуры в реализации идеологической, в том числе культурно-воспитательной, просветительской, а также социальной функций государства [Хабриева, Клишас, 2020:19].

Новеллы Конституции РФ созвучны идеям защиты и поддержки культуры, провозглашенным Д.С. Лихачевым в его Декларации прав культуры (1995 г.), где он указывал, что «культура представляет главный смысл и глобальную ценность существования как народов, малых этносов, так и государств. Вне культуры их самостоятельное существование лишается смысла» [Лихачев: электронный ресурс]. Нельзя не отметить, что благодаря усилиям Министерства иностранных дел РФ ряд положений данного документа, включая названные, нашел отражение в принятых ЮНЕСКО Декларации о культурном разнообразии (2003 г.) и Конвенции об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005 г.).

В Декларации прав культуры вводится понятие гуманитарной культуры, то есть культуры, ориентированной на развитие созидательных начал в человеке и обществе. При этом именно государства должны стать гарантами возвращения гуманитарной культуры, которая обеспечивает духовную основу и возможность развития, совершенствования человека и общества. В этом – смысл существования государства. Именно такой подход приобретает особую значимость в период трансформации мировой политической системы, в связи с чем он был применен в уже называвшейся Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом (2022 г.).

В настоящее время в Российской Федерации сложилось довольно обширное федеральное законодательство в сфере культуры, посредством которого реализуются и развиваются конституционные начала правового регулирования отношений в сфере культуры. Оно не только формирует гарантии свободы творческой культурной деятельности, но и обеспечивает сохранение куль-

турных ценностей и в целом – культурного наследия. Одна из функций законодательства о культуре заключается в формировании механизма государственной поддержки культурной самобытности народов России.

С помощью этого законодательства закрепляются специальные разрешительные и контрольные режимы (лицензирование работ по сохранению объектов культурного наследия, государственный контроль за состоянием объектов культурного наследия, за вывозом и ввозом культурных ценностей и т.д.), устанавливается ответственность за нарушение данных режимов. На собственников и владельцев культурных ценностей возлагаются обязанности по их содержанию и использованию.

В центре всего массива законодательства о культуре – Основы законодательства Российской Федерации о культуре (1992 г.), роль которых должна заключаться в установлении общих начал правового регулирования отношений в данной сфере. Однако они в настоящее время не задают и не определяют четких ориентиров в построении системы законодательства в области культуры. Помимо Основ законодательства Российской Федерации о культуре к числу общих законов, которые должны иметь системообразующий характер для всей отрасли законодательства о культуре, относится также Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (2002 г.). Что касается иных законов в этой сфере, то они, как правило, имеют узкопредметный характер регулирования и действуют в конкретной, достаточно ограниченной сфере общественных отношений – это законы: «О библиотечном деле» (1994 г.); «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» (1995 г.); «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (1996 г.); «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» (1996 г.); «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» (1998 г.); «О народных художественных промыслах» (1999 г.); «Об архивном деле» (2004 г.). Отдельный блок составляют законы о языках, представляющих собой средоточие смыслов и ценностей культуры и выступающих в качестве наиболее мощных интегрирующих факторов: «О государ-

ственном языке Российской Федерации» (2005 г.), «О языках народов Российской Федерации» (1991 г.)².

Таким образом, особенностью законодательства в сфере культуры является то, что оно, несмотря на наличие общих законов, в целом имеет достаточно «сегментированный» характер и развивается по отдельным направлениям (звеньям) в сфере культуры (музеи, архивы, кинематография, архитектура и пр.).

В этом плане по-иному пути развивается, например, законодательство Республики Беларусь, в которой с 2016 г. действует Кодекс о культуре. Он охватывает своим регулированием предметы практически всех (или подавляющее большинство) действующих в этой сфере в России федеральных законов³. Преимуществом данного кодекса является также и то, что он содержит общее для всех направлений развития культуры определение полномочий органов власти каждого территориального уровня, обеспечивает единство принципов государственного управления сферой культуры для всех ее направлений и формирует единый, сквозной для всей сферы регулирования категориально-понятийный аппарат, что весьма удобно.

Таким образом, кодификация регулирования сферы культуры, к которой пришла Республика Беларусь, – это закономерный результат объективной потребности в регулировании этой достаточно широкой области общественных отношений. Уже в силу своей юридической природы кодекс достаточно полно и системно представляет всю сферу отношений, которые сегодня складываются в предмете регулирования в сфере культуры. В

---

² Что касается актов подзаконного уровня, то сегодня этот уровень регулирования насчитывает несколько тысяч нормативных правовых актов, принятых по самым различным вопросам регламентации отношений в сфере культуры.

³ С принятием Кодекса о культуре в Республике Беларусь прекратили действие законы: «О культуре в Республике Беларусь», «О библиотечном деле в Республике Беларусь», «О народном искусстве, народных промыслах (ремеслах) в Республике Беларусь», «О творческих союзах и творческих работниках», «О кинематографии в Республике Беларусь», «О музеях и Музейном фонде Республики Беларусь», «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь». Основные положения данных нормативных правовых актов были инкорпорированы в обновленном виде в кодекс.

этом смысле кодекс имеет несомненные преимущества перед многочисленным набором соответствующих законодательных актов, действующих в Российской Федерации.

Кодекс позволил не только системно и логично объединить имеющийся законодательный массив, провести унификацию терминологического аппарата, но и максимально сократить количество нормативных правовых актов и отсылочных норм, что сделало его весьма удобным для правоприменения.

При этом наличие Кодекса не исключает наличие в Республике Беларусь и другого законодательства в этой сфере, например, в 2006 г. был принят Закон Республики Беларусь «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь», более углубленно и детально регламентирующий данные вопросы с учетом общих принципов и подходов, заложенных в Кодексе.

Можно обратить внимание, что на такой же подход — кодификацию законодательства в сфере культуры — ориентирует и Модельный кодекс о культуре, принятый Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 13 апреля 2018 г. № 47-5.

В Российской Федерации долгое время планировалось принятие обновленных Основ законодательства Российской Федерации о культуре, разрабатывался проект этого акта. При его разработке также исходили из необходимости систематизации (по возможности) законодательства в сфере культуры. Но, к сожалению, этот вопрос так и остался нерешенным, хотя это, вероятно, должно быть основным, и в определенной мере формальным, вектором развития данного законодательства.

Не преуспела в этом плане и Концепция проекта Федерального закона «О культуре», которая была подготовлена рабочей группой, утверждённой распоряжением Администрации Президента Российской Федерации, и текст которой размещен 23 марта 2019 г. на официальном сайте Министерства культуры РФ. В научной литературе отмечалось, что основная проблема заключалась в том, что предлагаемые проекты законов в этой сфере не соответствовали тем задачам и вызовам культурной политики, которые предъявляет сегодня эпоха перемен [Лафитский, 2021]. Происходящее разрушение памятников национального культурного наследия направлено на изменение «генетического» кода восприятия нацией своего места в истории и

современном мире, а также на уничтожение тех скреп, которые необходимы для сохранения нации как таковой.

В законодательстве Российской Федерации в сфере защиты культурного наследия народов России остается множество частных проблем. Отметим некоторые из них.

1. Не до конца устоявшимся и сбалансированным остается категориально-понятийный аппарат законодательства в сфере культуры. Так, имеются проблемы с определением и разграничением таких понятий, как «культурные ценности», «памятники истории и культуры», «объекты культурного наследия» и др.

В федеральном законодательстве имеются различные определения понятия «культурное наследие», что наглядно проявляется при сравнении этого понятия в Основах законодательства Российской Федерации о культуре и Указе Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной культурной политики» (2014 г.).

Говоря о содержательном наполнении термина «культурное наследие», в большинстве случаев исходят из того, что он включает в себя материальное и нематериальное культурное наследие. Вместе с тем использование этого термина применительно, например, к объектам культурного наследия коренных малочисленных народов позволяет понимать его более широко, включая в него также и природное наследие (природные заповедники, культурные ландшафты, места святылец и пр.).

В этой связи нельзя не отметить, что в соответствии с Рамочной конвенцией Совета Европы о значении культурного наследия для общества (2005 г.) культурное наследие рассматривается максимально широко – как «совокупность ресурсов, унаследованных от прошлого, которую люди считают, независимо от своей принадлежности, отражением и выражением своих постоянно меняющихся ценностей, верований, знаний и традиций. Оно включает все аспекты окружающей среды, которые возникли в результате взаимодействия между людьми и пространством в ходе исторического развития» (ст. 2).

В этом определении усилен коммуникативный и интерактивный характер (взаимодействие между людьми и пространством) культурного наследия; отмечается, что оно предопределяется действиями человека и не должно восприниматься как статическое или неизменное. Особое внимание уделяется неотделимости человеческого и природного влияния, а также учи-

тывается контекст культурной среды, указывается, что культурное наследие должно использоваться для межличностного и межкультурного диалога, взаимопонимания и предотвращения конфликтов.

Культура коренных народов имеет свое проявление в языке, искусстве, литературе, традиционных знаниях, обычаях, ритуалах, церемониях, методах производства, праздниках, музыке, спорте и традиционных играх, поведении, привычках, инструментах, жилище, одежде, духовности, принадлежности к общине, видах экономической деятельности, нравственных устоях, системах ценностей, мировоззрении, законах и традиционных видах деятельности. При этом сохранение культурного наследия для коренных народов во многом связано с защитой территорий их предков – их исконных территорий. Особое воздействие на развитие культурных прав коренных народов оказывает их связь с природой – в этом находит проявление самобытность коренных народов, которая определяет способ их мировосприятия [Хабриева, 2010: 205]. Как отмечается в исследовании Экспертного механизма по правам коренных народов (EMRIP), культурное и природное наследие в понимании коренных народов часто переплетаются, поэтому для коренных малочисленных народов традиционное разделение наследия на «материальное», «нематериальное» и «природное» указывает на ограниченный характер такого подхода и малопродуктивно [Роль языков и культуры... п. 52]. Именно поэтому и рассмотрение термина «природное наследие» в единстве с понятием «культурное наследие» означает взаимообусловленность культуры и природы, а также равноценность объектов того и другого [Андриченко, 2019: 21].

Таким образом, культурное наследие коренных народов – это многоаспектное понятие, основанное на признании существования общих, переходящих от поколения к поколению, материальных и духовных ценностей, обладающих особой культурной значимостью и находящихся в наиболее тесной взаимосвязи с окружающей средой. В том числе оно включает традиционные виды хозяйственной деятельности и форм доступа к природным ресурсам, основанные на традиционных знаниях. В этой связи есть все основания полагать, что для коренных малочисленных народов было бы правильно выработать отдельное понятие «культурное наследие коренных

малочисленных народов», учитывающее, с одной стороны, содержание универсального понятия «культурное наследие», с другой стороны, отражающее более тесную взаимосвязь всей триады видов наследия – материального, нематериального и природного.

Разнообразие возможных толкований обуславливается сложностью таких исходных понятий, как «история», «культура», «ценность», «наследие». Природа исторических и культурологических исследований такова, что они сопряжены друг с другом. Соединение терминов «история» и «культура», привело к образованию понятий «историко-культурное» (наследие), «историко-культурная» (ценность), которые на правовом уровне не раскрываются, хотя и используются [Мартыненко, 2018: 67]. Так, в Федеральном законе «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (2001 г.) указывается на необходимость сохранения целостности объектов историко-культурного наследия, к которым причисляются такие объекты, как древние поселения, другие памятники истории и культуры, культовые сооружения, места захоронения предков и иные имеющие историческую и культурную ценность объекты (ст. 10, глава IV).

Только на подзаконном уровне⁴ раскрыто понятие «традиционных ценностей», хотя считается, что оно лежит в основе построения всего культурного пространства Российской Федерации. В законодательстве сохраняется и некоторая неоправданная двойственность понятий, которая обусловлена несогласованностями в регулировании. Так, в ст. 3 Основ законодательства РФ о культуре термин «культурное достояние народов Российской Федерации» определяется излишне упрощенно – через «совокупность культурных ценностей», а «культурное наследие народов Российской Федерации» – как «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом...». Сам термин «культурные ценности» показан не через описание сущностных характеристик и признаков, а путем перечисления тех объектов и явлений, которые могут идентифицировать национальные традиции

---

⁴ См.: п. 4 Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

и культуру в материальном и духовном смысле [Михеева, Логина, 2019: 69–74]. Таким образом, в законодательстве о защите культурного наследия народов России сохраняется достаточно много терминов, которые имеют нечеткие дефинитивные грани, являясь скорее сочетанием, через которое определяются другие понятия.

В региональном законодательстве имеется много понятий, которые в федеральном законодательстве не имеют своих аналогов. В их числе и такие понятия, как святилища, святые места и др.; близкое к ним и чаще используемое в федеральном законодательстве понятие «культовые сооружения» также не раскрывается.

2. По некоторым сегментам законодательства в сфере культуры сохраняется проблема отсутствия четкого разграничения полномочий между органами публичной власти различных территориальных уровней. Например, вообще нет установленного разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в сфере защиты объектов культурного наследия коренных малочисленных народов Российской Федерации. Органы публичной власти здесь исходят из общего подхода к разграничению полномочий в сфере культуры и в сфере защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей – как предмета совместного ведения, хотя и здесь четкого разграничения также не установлено [Андриченко, Постников, 2008: 28–37].

Между тем, ввиду специфики самих объектов культурного наследия коренных малочисленных народов Российской Федерации и вытекающих из нее особенностей их защиты, полагаем, что есть необходимость специального законодательного регулирования данных вопросов [Андриченко, 2019: 17–32].

3. До сих пор на законодательном уровне не решены в полной мере и вопросы защиты нематериального культурного наследия народов России. В принятом Федеральном законе от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» четкие правовые режимы охраны такого этнокультурного достояния практически не предлагаются. Не сформированы в нем и механизмы изучения, актуализации, популяризации и сохранения объектов нематериального

этнокультурного достояния. Не до конца решенными представляются в нем и вопросы категорирования объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на объекты федерального, регионального и местного (муниципального) значения, поскольку четко не установлено, по каким признакам они представляют историческую, культурную и научную ценность для истории и культуры Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований [Васильева, 2021: 70–80]. Таким образом, вопросы защиты объектов нематериального культурного наследия народов России требуют дальнейшего осмысления и урегулирования.

4. Некоторые вопросы охраны объектов культурного наследия коренных малочисленных народов регламентируются только законами и иными актами субъектов Российской Федерации. При этом на федеральном уровне в законодательстве остается пробел в регламентации данных вопросов. Так, священные места относятся к определяющим элементам культурного наследия коренных малочисленных народов России. При этом в настоящее время только в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре принят специальный Закон от 8 ноября 2005 г. № 92-оз «О святынях коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре», посвященный сохранению, использованию и охране святынь коренных малочисленных народов ханты, манси и ненцев, проживающих на территории автономного округа.

Указанный Закон распространяется на отношения, связанные с сохранением, использованием и охраной только тех святынь, которые признаны в качестве выявленного объекта культурного наследия автономного округа или включены в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия автономного округа.

В некоторых субъектах Российской Федерации, например, в Республиках Бурятия, Тыва, вопросы защиты святых (священных) мест регулируются в законодательстве, посвященном свободе совести и религиозной деятельности. При этом регламентация указанных вопросов нередко осуществляется в основном с помощью бланкетных норм к федеральным законам, что

вполне объяснимо, так как это рассматривается как вопросы регулирования и защиты прав и свобод человека, которые, как известно, относятся к ведению Российской Федерации (исходя из п. «в» ст. 71 Конституции РФ). Таким образом, регулирование данных отношений фактически застопорилось, поскольку федеральное законодательство не решает этих вопросов.

В отдельных субъектах Российской Федерации, например, в Республике Саха (Якутия), священные места (ытык сирдэр) относятся к территориям природных парков, и на них распространяется соответствующий режим особой охраны в рамках действия Закона Республики Саха (Якутия) от 1 марта 2011 г. 910-3 № 713-IV «Об особо охраняемых природных территориях Республики Саха (Якутия)».

В Ямало-Ненецком автономном округе защита священных, культовых мест и мест захоронения коренных малочисленных народов Севера относится к регламентации Закона Ямало-Ненецкого автономного округа от 6 октября 2006 г. № 49-ЗАО «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе», что в целом согласуется с положениями Федерального закона от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (ст. 10).

Таким образом, режим защиты священных, культовых мест в различных субъектах Российской Федерации существенно различается, так как на федеральном уровне эти вопросы специально не регламентируются, за исключением некоторых самых общих положений. В субъектах Российской Федерации используются даже различные понятия (в региональном законодательстве они обозначаются как «святые места», «святотелища», «священные места», «культовые места», др.) и их определения для обозначения данных объектов, что также нередко отражается на установлении режима их защиты. Так, согласно указанному Закону Республики Саха (Якутия) под священным местом понимается «место проведения традиционных народных ритуалов» (ст. 10).

Законом Республики Бурятия от 23 декабря 1997 г. № 610-I «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» святые (священные) места определяются как «объекты природного или искусственного происхождения, расположенные на соответствующих территориях, признаваемые той или иной конфессией святыми (священными) местами» (ст. 6). По сути, в данном случае речь идет об общем понятии объекта природного или искусственного происхождения, примененного к религиозной деятельности, что не позволяет полностью идентифицировать его со священным местом коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Несмотря на включение положений о святых (священных) местах в предмет регулирования Закона от 1 апреля 1995 г. № 253 «О свободе совести и религиозных организациях», Республика Тыва устанавливает, что такие святые места подлежат охране в соответствии с законодательством об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации в случае их отнесения к таким объектам в соответствии с федеральным законодательством. В иных случаях Законом устанавливается только запрет оставлять в этих местах отходы производства и потребления, а также портить предметы религиозной символики и атрибутики, при этом административной ответственности за такие противоправные действия не предусмотрено.

В Законе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «О святилищах коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» под святилищем коренных малочисленных народов понимается «элемент природного ландшафта, считающийся священным местом в силу его значимости для религии и для отправления религиозных обрядов данных народов» (ст. 3). При этом в Законе содержится оговорка, согласно которой «святилище коренных малочисленных народов в соответствии с законодательством должно быть признано выявленным объектом культурного наследия автономного округа или включенным в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культу-

ры) народов Российской Федерации (далее – Реестр объектов культурного наследия) в качестве объекта культурного наследия автономного округа». Таким образом, святилищем не может быть признан объект, подпадающий под признаки объекта культурного наследия местного (муниципального) значения, что, на наш взгляд, ограничивает возможности защиты таких объектов. Отсутствие федерального регулирования статуса таких объектов существенно сдерживает процесс выявления, идентификации, описания и защиты таких мест в Российской Федерации.

Очевидно, что на федеральном уровне необходимо также и закрепление соответствующих полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по вопросам защиты таких объектов. В настоящее время в Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» установлено только право коренных малочисленных народов «содержать и охранять культовые места» (ст. 10), но никаких полномочий за органами публичной власти в этой сфере не закреплено.

Полагаем, что к числу полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации в Федеральном законе от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» было бы целесообразно отнести полномочия по выявлению, обеспечению содержания и охране священных, культовых мест и мест захоронения коренных малочисленных народов, внесению в реестр объектов культурного наследия коренных малочисленных народов субъекта Российской Федерации. В свою очередь к числу полномочий органов местного самоуправления в данном Федеральном законе необходимо отнести полномочия по поддержанию в сохранности и порядке таких мест коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, обеспечению охраны святилищ, являющихся объектами культурного наследия местного значения. Корреляцию таких полномочий лучше всего произвести с вопросами местного значения муниципальных районов и го-

родских округов, обозначив их соответственно в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ст. 15 и 16).

В настоящее время практически не охваченной правовым регулированием оказалась и такая сфера общественных отношений, как традиции и обычаи коренных малочисленных народов, не определено их значение в качестве самостоятельных объектов культурного наследия коренных малочисленных народов, не урегулирована (за исключением отдельных общих положений) их роль в качестве регуляторов общественных отношений с участием представителей коренных малочисленных народов.

Концепцией устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации еще в 2009 г. продекларировано создание информационной базы объектов культурного наследия малочисленных народов Севера, но начало решения данного вопроса на федеральном уровне так и не было положено. Отдельные подобные реестры созданы в некоторых субъектах Российской Федерации, например, Каталог (реестр) объектов нематериального культурного наследия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации имеется в Камчатском крае, Электронные реестры нематериального культурного наследия народов сформированы и действуют в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, Ямало-Ненецком автономном округе, но в других субъектах Российской Федерации они отсутствуют, что во многом является следствием нерешения данного вопроса на федеральном уровне.

Отсутствует на федеральном уровне и специальное регулирование в области охраны традиционных знаний, традиционных выражений культуры и генетических ресурсов коренных малочисленных народов. Коренные народы являются их носителями; традиционные знания, традиционные выражения культуры и генетические ресурсы являются элементами культурного наследия и самобытности данных народов. Однако на сегодняшний день коренные малочисленные народы не имеют

возможности коммерциализировать свое культурное наследие. Во многом это обусловлено тем, что регулирование вопросов защиты культурного наследия коренных малочисленных народов осуществляется в рамках общего подхода охраны объектов культурного наследия народов России. Отсутствие на федеральном уровне специального законодательного механизма не позволяет сформировать эффективную охрану культурного наследия данных народов.

Безусловно, эти и другие проблемы развития федерального законодательства в сфере защиты культурного наследия народов России оказывают в силу внутрисистемных связей проецирующее влияние на развитие регионального законодательства и муниципального нормотворчества. В этой связи укрепление конституционных гарантий государства в части поддержки и охраны культурного наследия, требует более четкого законодательного обеспечения реализации конституционных принципов регулирования культурной деятельности на всех территориальных уровнях осуществления публичной власти. При этом проблемы формирования единого культурного пространства являются актуальными задачами социокультурного проектирования всех сфер человеческой жизнедеятельности. В исторически сложившихся условиях один из предпочтительных сценариев развития этнокультурных процессов – это путь этнокультурной, этнополитической интеграции на основе сохранения и укрепления федеративных отношений [Козелько, 2010.].

В данной статье рассмотрены только отдельные проблемы законодательного регулирования вопросов защиты культурного наследия народов России. Но даже сказанное свидетельствует о необходимости не просто точечной реконструкции федерального законодательства в данной сфере, а о его достаточно серьезной модернизации и развертывании регулирования по указанным направлениям.

Источники и литература

Андриченко Л.В., Постников А.Е. Проблемы разграничения законодательных полномочий в сфере защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов России // Журнал российского права. 2008. № 5. С. 28–37.

Андриченко Л.В. Проблемы правового обеспечения сохранения культурного наследия коренных малочисленных народов: международный и национальный аспекты // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4.

Васильева Л.Н. К вопросу о защите эпического наследия // Вестник Московского университета, серия 26. 2021. № 3 (июль–сентябрь). С. 70–80.

Козелько В.В. Многообразие национальных культур и интеграционные процессы в современном российском обществе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. Вып. 02. URL: <http://lib.mkgtu.ru/images/stories/journal-vmgtu/2010-02/017.pdf>.

Курьянова Т.С. Актуализация культурного наследия коренных народов в музеях Южной Сибири / науч. ред. О.М. Рындина. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2015.

Лафитский В.И. Векторы развития законодательства о культуре // Культурологический журнал. 2021. № 1 (43). Спецвыпуск. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/530.html&j_id=46.

Лихачев Д.С. «Декларация прав культуры» [электронный ресурс]. URL: <http://www.lihachev.ru/lihachev/deklaratsiya/123/>.

Мартыненко И.Э. Применение мер правовой защиты объектов национального историко-культурного наследия: опыт государств-участников СНГ // Наследие и современность. 2018. № 1 (21). С. 66–83.

Михеева И.В., Логинова А.С. Вариативность нормативного закрепления понятия «культурные ценности» в законодательстве ЕАЭС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 1. С. 16–74.

Роль языков и культуры в поощрении и защите прав и идентичности коренных народов. Исследование Экспертного механизма по правам коренных народов. 16 августа 2012 г. // A/HRC/21/53.

Сазонникова Е.В. Новеллы Конституции Российской Федерации о культуре // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 15–17.

Хабриева Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов: Сравнительно-правовое исследование. М., 2010.

Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». «Норма», «ИНФРА-М», 2020.

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ НАРОДОВ (ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)

А.И. Ковлер, А.М. Белялова

Повышение внимания к проблеме сохранения и защиты культурных ценностей народов имеет несколько причин. Это, прежде всего, противоречивое воздействие процессов глобализации и цифровизации на цивилизационную и культурную составляющую жизни народов, нередко сопровождаемое стандартизацией культурных ценностей под видом их модернизации. Это и факты разрушения памятников национальной культуры в ходе мировых и локальных войн (а сейчас и памятников освободителям народов от фашизма), и настоятельная необходимость их защиты. Процессы деколонизации вызвали реакцию отторжения насильственной аккультурации, проводимой метрополиями (яркий пример – идеология «негритюда» (возврат африканских народов к традиционным ценностям своей цивилизации)). Возросшая агрессивность евроцентризма и навязывание «западных ценностей» как универсальных ценностей для остального мира имеет в качестве ответной реакции рост национализма под флагом защиты национальной самобытности, а в самих европейских странах – возрастание изоляционизма и обособленности землячеств, этнообщин и религиозных общин (явление «коммунитаризма»). Наконец – и это всемирная тенденция – усиливается процесс вытеснения культур малочисленных народов культурами более крупных этносов.

Существуют международные акты универсального и регионального характера, имеющие целью защиту культурных прав:

- Всеобщая декларация прав человека (1948 г.);
- Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.);
- Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (Резолюция 47/135);

– Конвенция № 169 Международной организации труда о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (1989 г.);

– Европейская культурная конвенция (19 декабря 1954 г.);

– Европейская хартия о региональных языках и языках меньшинств (5 ноября 1992 г.);

– Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств (18 апреля 1995 г.).

Эти и другие акты дают ориентиры для защиты культурных прав на международном, региональном и национальном уровнях. Следует обратить внимание на емкую формулировку права на пользование достижениями культуры в Декларации принципов международного культурного сотрудничества ЮНЕСКО (4 ноября 1966 г.):

Статья 1.

1) Каждая культура обладает достоинством и ценностью, которые следует уважать и сохранять.

2) Развитие собственной культуры является правом и долгом каждого народа.

3) В их богатом многообразии, разнообразии и взаимном влиянии все культуры являются частью общего достояния человечества.

Из международных организаций, так или иначе причастных к защите культурных ценностей народов, наиболее последовательную позицию, как и следовало ожидать, занимает ЮНЕСКО. Для ЮНЕСКО характерна ориентация государств на комплексное применение международной нормативной базы в целях уважения ценностей культурного наследия народов, укрепления и развития традиционных культур. В рамках ЮНЕСКО приняты международные конвенции, наиболее важными из которых можно назвать такие:

– Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта («Гаагская конвенция», 1954 г.);

– Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (1972 г.);

– Конвенция об охране нематериального культурного наследия (2003 г.);

– Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005 г.).

Особое значение имеет принятая в 2001 г. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии: «Культурное разнообразие, – гласит ст. 1 Декларации, – является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено международными правовыми документами в интересах нынешнего и будущих поколений». В ней также обоснован вывод о том, что «культурное разнообразие так же необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы».

Практически во всех странах мира есть меньшинства в составе населения. Поэтому вопросам защиты прав национальных меньшинств, сохранения культурного наследия, национальной идентичности уделяется значительное внимание во всем мире – как в отдельных странах, так и на уровне международных и региональных объединений. Несомненно, основным документом на глобальном уровне является упомянутая выше Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1992 г. [Декларация о правах лиц]. В ней перечисляются права, которыми наделены лица, принадлежащие к меньшинствам, в том числе право пользоваться достоянием своей культуры, исповедовать свою религию и отправлять религиозные обряды, а также использовать свой язык. На европейском уровне наиболее всеобъемлющим документом является *Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств*, вступившая в силу для 39 государств 1 февраля 1998 года.

В целом, все меры, предпринимаемые в этой области, основаны на том принципе, что защита меньшинств является частью всеобщей защиты прав человека. Поэтому логично, что различные аспекты защиты прав меньшинств включают вопросы нормотворчества, межправительственного сотрудничества, деятельность по развитию и укреплению демократической стабильности и меры по укреплению доверия в гражданском обществе.

Одним из органов Совета Европы, который уделяет значительное внимание защите меньшинств, является Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия). Это консультативный орган Совета Европы, основной задачей которого является предоставление конституционной и правовой помощи, в основном, государствам, которые участвуют в ее деятельности по следующим основным направлениям: функционирование демократических институтов и защита основных прав;

выборы, референдумы и политические партии; конституционное правосудие.

Соответственно, вопросы защиты прав национальных меньшинств также постоянно включаются в повестку дня Комиссии. Так, одним из первых документов Комиссии было заключение по проекту Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств, принятое в 1991 г. [Заключение Венецианской комиссии]. В частности, Комиссия отмечала: «Хартия региональных языков или языков меньшинств, напротив, не предназначена для установления прав отдельных лиц или групп, а направлена на защиту существования и поощрение использования региональных языков или языков меньшинств как находящихся под угрозой элементов культурного наследия Европы».

В дальнейшем Венецианская комиссия неоднократно обращалась к теме защиты меньшинств, поскольку это был и есть наиболее остро стоящий вопрос в многонациональных странах «новой» демократии. В 2006 и 2007 гг. Венецианская комиссия оказала помощь властям Черногории в подготовке конституции, которая соответствовала бы стандартам Совета Европы. Первый проект конституции, который был представлен Венецианской комиссии для оценки 16 апреля 2007 г., содержал только два положения, непосредственно относящихся к защите меньшинств: общее положение о недискриминации («Любая, прямая или косвенная, форма дискриминации по признаку пола, национальности, расы, религии, языка, этнического или социального происхождения, политических или иных убеждений, финансового положения и любых других личных особенностей запрещена») и положение о «правах меньшинств», в соответствии с которым Черногория гарантирует представителям национальных меньшинств и другим меньшинствам, национальным и этническим общинам право выражать, сохранять и открыто проявлять свою национальную и религиозную самобытность. Эти права осуществляются в соответствии с общепринятыми международными конвенциями и правилами защиты прав человека и меньшинств¹. Комиссия пришла к мнению, что в Кон-

---

¹ Две партии, «Сербский список» и «Хорватская гражданская инициатива», представили альтернативный вариант, включающий в раздел конституции «Защита национального и культурного наследия» главу из девяти статей, в которой излагаются права меньшинств.

ституции Черногории было бы уместно подробно изложить права меньшинств.

19 октября 2007 г. Черногория приняла новую Конституцию [Парламентская Ассамблея] и также представила ее Венецианской комиссии для окончательной оценки. В нее были добавлены две статьи, в которых подробно излагаются основные права меньшинств, содержащиеся в Рамочной конвенции (ст. 79 о защите самобытности и ст. 80 о запрещении ассимиляции). В результате сотрудничества между парламентом Черногории и Венецианской комиссией права меньшинств, наконец, получили надлежащее конституционное закрепление, что является необходимым условием для защиты меньшинств в Черногории [*Garrone, Granata Menghini, 2007/2008: 545–557*].

В последнее время заключения Венецианской комиссии в значительной мере затрагивают избирательные права национальных меньшинств и образование на языках меньшинств. В 2020 г. по запросу Комитета ПАСЕ по вопросам равенства и недискриминации Комиссия подготовила заключение по поправкам в законодательство Латвии об образовании на языках меньшинств, предусматривающим постепенную отмену использования языков меньшинств, особенно русского, в пользу государственного языка. В своем заключении Комиссия, в частности, отметила: «...система, введенная в последнее время законодательством о дошкольном образовании, нуждается в пересмотре, с тем чтобы лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, продолжали пользоваться возможностью овладения своим языком, что крайне важно для сохранения языкового разнообразия в латвийском обществе... Комиссия напоминает, что обеспечение права лиц, принадлежащих к меньшинствам, на сохранение и развитие своего языка и своей этнической и культурной самобытности является для Латвии обязанностью, вытекающей из ее международных обязательств» [*Latvia – Opinion*].

Аналогичный дифференцированный языковой режим был рассмотрен Венецианской комиссией в заключении 2017 г. по Украине. По итогам рассмотрения Комиссия заявила, что «...менее благоприятное отношение к русскому языку (и другим языкам, которые не являются официальными языками ЕС) не является оправданным в свете принципа недискриминации...». Комиссия предложила внести поправки в ст. 7 Закона «О сред-

нем образовании», которые позволили бы исправить ситуацию. В соответствии со ст. 13 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств Венецианская комиссия рекомендовала начать новый диалог с представителями национальных меньшинств по языковому вопросу в сфере образования для того, чтобы Закон Украины «Об образовании» 2017 г. способствовал сохранению культурного наследия национальных меньшинств и непрерывности изучения языка в национальных школах [CDL-AD(2017)].

На пленарной сессии при обсуждении заключения по данному закону представитель Российской Федерации в Европейской комиссии за демократию через право Т.Я. Хабриева также отмечала, что «положения Закона Украины «Об образовании» 2017 г. прямо нарушают положения ратифицированных Украиной международных договоров в части, которая касается поддержки региональных языков или языков национальных меньшинств и возможности обучения на этих языках на всех стадиях образования. Установление в новом законе Украины неоправданных различий и ограничений для национальных меньшинств (хотя бы только в сфере образования) можно характеризовать как закрепленную в законе дискриминацию по языковому и этническому признаку. При этом формулировки Закона 2017 г. позволяют заключить, что он направлен прежде всего на ограничение прав русскоязычного населения».

Многолетний опыт исследования вопросов прав меньшинств Венецианской комиссией показывает, что даже в контексте конституционных моделей, которые были наименее восприимчивы к концепции национальных меньшинств и их признанию, позитивные изменения могут иметь место как в законодательстве, так и в политике, когда принимаются во внимание растущее разнообразие общества и вытекающая из него необходимость обеспечения реальных прав для большинства уязвимых групп, а также эффективной защиты от дискриминации [Garrone, Granata Menghini, 2007/2008: 545–557].

На национальном уровне многие государства приняли акты, имеющие непосредственное отношение к сохранению и защите культурной самобытности своих народов. Особенно интересен в этом плане опыт африканских государств и островных государств Океании, где соответствующие нормы внесены в тексты конституций. В конституциях ряда стран Латинской Аме-

рики (Бразилия, Перу, Эквадор) тоже есть подобные положения. Весьма оригинальным является закон Французской Республики от 4 августа 1994 г. (с поправками 2022 г.) «О защите французского языка» (так называемый «закон Тубона» – по фамилии его инициатора, министра культуры).

Из российских законов, закрепляющих конституционные права граждан в области культуры, следует упомянуть Закон РСФСР от 25 октября 1991 г. «О языках народов Российской Федерации» и Федеральный закон от 17 июня 1996 г. «О национально-культурной автономии». Особо следует отметить «Основы законодательства о культуре» 1992 г. (в редакции 1999, 2000, 2021 гг.), в Преамбуле которых ставится задача сохранения национальной самобытности народов. В законе даются, в частности, определения таким понятиям, как «культурная ценность», «культурное наследие народов Российской Федерации»; закрепляются принципы равного достоинства культур народов и иных этнических общностей Российской Федерации, права граждан в сфере культуры. Закон содержит нормы-ориентиры. Однако комплексный закон, отражающий политику государства по сохранению и приумножению культурного наследия народов Российской Федерации в новых условиях, пока не принят.

Более развитой частью федерального законодательства представляется законодательство о коренных малочисленных народах Севера: Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 г.; Федеральный закон № 104-ФЗ от 20 июля 2000 г. «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (в редакции 21 марта 2002 г., 28 декабря 2013 г., 27 июня 2018 г.). Учет интересов коренных малочисленных народов получил отражение в ряде специальных федеральных законов («Об альтернативной гражданской службе», «О государственном пенсионном обеспечении», «Об охране окружающей среды» и т.д.). Следует особо отметить ст. 22 Основ законодательства о культуре от 9 октября 1992 г. «Протекционизм государства в отношении культур малочисленных этнических общностей», однако ни указанная статья, ни сам закон в целом не раскрывают понятия и меры, упомянутые как «исключительные меры защиты и стимулирования».

Одной из назревших проблем в области защиты культур народов является защита достижений этих культур как интеллектуальной собственности. Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) учредила в 2000 г. Межправительственный комитет по интеллектуальной собственности, генетическим ресурсам, традиционным знаниям и фольклору с целью подготовки полноценной международной конвенции, касающейся охраны традиционных знаний и традиционных выражений культуры. На пути разработки этой конвенции немало трудностей, в частности с точки зрения определения сроков охраны товарных знаков традиционных ремесел, произведений народного творчества, обрядов и реликвий. Особая проблема – охрана традиционных знаний, от хозяйственных до медицинских, подвергающихся нелегальной коммерческой эксплуатации.

Эти и другие проблемы сохранения и охраны культурного наследия ставят на повестку дня вопросы модернизации соответствующей правовой базы и принятия эффективных охранных мер.

Источники и литература

Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml.

Заключение Венецианской комиссии по проекту Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств [Электронный ресурс]. URL: [https://venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL\(1991\)020rev-e](https://venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL(1991)020rev-e).

Парламентская Ассамблея дала Черногории один год на принятие новой конституции [Электронный ресурс]. URL: [http://www.venice.coe.int/docs/2007/CDL\(2007\)105-e.asp](http://www.venice.coe.int/docs/2007/CDL(2007)105-e.asp).

CDL-AD(2017)030-e. Ukraine – Opinion on the provisions of the Law on Education of 5 September 2017, which concern the use of the State Language and Minority and other Languages in Education. Par. 114 [Электронный ресурс]. URL: [https://venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2017\)030-e](https://venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2017)030-e).

Garrone P., Granata Menghini S. Minority Rights Questions Addressed by the Venice Commission in 2008 // European Yearbook of Minority Issues, Volume 7 (2007/2008A). P. 545–557.

Latvia – Opinion on the recent amendments to the Legislation on Education in Minority Languages. Par. 119 [Электронный ресурс]. URL: [https://venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2020\)012-e](https://venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2020)012-e).

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КАК НАПРАВЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ¹

Н.М. Мухарямов

Понятие «правовая политика» и образуемые вокруг него предметные структуры практически не представлены в отечественном публично-информационном пространстве, будучи, однако, заметно представленными в юридических научно-образовательных сферах. Как практическая сторона регулирования общественных отношений, так и открывающиеся здесь аналитические перспективы представляют очевидный интерес в социально-теоретическом плане и с точки зрения исследовательских задач, включая прикладные разработки. Подходы, которые становятся возможными при фокусировании внимания на феноменах политико-правовой природы, обладают некоторыми многообещающими преимуществами.

Во-первых, соответствующие перспективы расширяют объект рассмотрения по сравнению с законодательным процессом в его «классическом понимании». Это происходит за счет включения в сферу внимания исследователей не только законов, но и значительно более дифференцированных в «жанровом» отношении способов артикуляции – широкой номенклатуры документов, выполняющих роль значимых источников для последующего принятия федеральных и региональных законов, подзаконных актов, политико-программных текстов. Таковы, например, статусные характеристики документов, относящихся к категории «концепция», которые «не содержат норм права, осуществляющих регулятивную и охранительные функции, не

---

¹ Работа выполнена по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг.

В публикации частично использованы отдельные фрагменты статьи: Мухарямов Н.М. Десятилетие языков коренных народов: Вопросы правовой политики [Электронный ресурс]. Социолингвистика. 2022. No 4(12). С. 11–28.

включены в иерархию формально-юридических источников права», но являются частью правовой системы «в качестве источников права политико-идеологического характера» [Мушинский, 2015: 488, 493]. Использование категории «правовая политика» позволяет точнее отражать связь нормативно-правовых установлений с реальными состояниями самого предмета регулирования, с их многообразными контекстуальными преломлениями в конкретных ситуациях, со спецификой правоприменения и параметрами эффективности действующих норм.

Во-вторых, по сравнению с законотворческой практикой (которая, как известно, осуществляется в строго регламентированном порядке разработки), правовая политика демонстрирует существенно более подвижное соотношение дискретности и непрерывности (континуальности). Правовая политика, понимаемая как процесс, характеризуется продолжительностью в постоянном (если не сказать, повседневном) режиме. Иными словами, происходящие в обществе изменения не могут получать отражение в законодательстве в оперативном режиме, тогда как в практике политико-правового регулирования система приоритетов, целевых ориентиров и задач, практических мер могут модифицироваться или корректироваться в зависимости от меняющихся факторов и обстановки.

В-третьих, оперирование проблематикой правовой политики создает открытое исследовательское поле в виде гибридной области, в которой более преодолимыми становятся междисциплинарные границы (и, кстати, порождаемые ими предрасудки). «Возникает настоятельная необходимость, – пишет М.Н. Марченко, – подходить к исследованию правовой политики как социального в широком смысле, политико-правового явления не только в плане общей теории государства и права, но и с позиции других смежных с ней дисциплин, в частности политологии, философии права, конфликтологии и социологии права» [Марченко, 2013: 27]. Это соображение можно было бы сопроводить еще одним доводом, связанным с соотношением логических объемов таких понятий как «правотворчество» и «нормотворчество». Последнее, вероятно, можно понимать как более широкое в родовом смысле. Регуляторы, действующие в общественной жизни, могут санкционироваться в законодательных актах государства, но могут также закрепляться и на иных основаниях, в иной – более широкой – социальной среде.

В этом смысле правовая политика не может не вовлекать в свою сферу нормативные установления различной природы, или, как минимум, учитывать их в качестве значимых факторов.

В-четвертых, в отличие от моноцентричного характера законодательной деятельности, правовая политика представляет собой полицентричную картину, в которой присутствует широкий круг «действующих лиц» (пусть не только в качестве субъектов в строгом смысле слова). Во всяком случае, это открывает более панорамную перспективу анализа, более диверсифицированную версию специфических форм присутствия тех или иных участников политико-правовых отношений, приемов деятельности и возможностей влияния на правовую среду. Отсюда – высочайшая степень диверсификации способов оформления и выражения политико-правовых материй. Помимо собственно законов это – труднообозримый массив нормативно-правовых актов подзаконного характера (принятых и утвержденных согласно установленному порядку, или официально легализованных) на всех уровнях организации публичной власти, во всех сферах управления. Пространство правовой политики, таким образом, более сложно структурировано по сравнению со сферой законотворчества и, следовательно, отличается существенно большим объемом информационных ресурсов и пестрым разнообразием присущих им семантических и стилистических характеристик. Это позволяет судить о реальном состоянии общественных отношений в конкретных подсистемах с точки зрения широкого спектра артикулируемых позиций и интересов множества «действующих лиц», ситуативной динамики, меняющихся обстоятельств и контекстов.

В дефинитивных аспектах феномен правовой политики официально-доктринального оформления в российских условиях не получает. Нет единодушия и в академической среде специалистов-правоведов. В научной литературе встречаются трактовки, содержащие свои нюансы и смысловые детализации. «Правовая политика, – согласно определению Ю.К. Краснова, – есть обусловленная системой основополагающих политико-правовых идей и принципов сознательно-волевая, последовательная деятельность субъектов правовой действительности (так в тексте – *Н.М.*), направленная на научно обоснованное использование права для надлежащей организации общественной жизни. ... системная деятельность государственных и муниципальных органов по применению юридических средств во

всех сферах общественной жизни для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, укрепления дисциплины, законности и правопорядка в обществе». Среди общих признаков правовой политики при этом выделяются прежде всего ее государственно-волевой и властно-императивный характер, интегративный и официальный характер, системность, фундаментальность, концептуальность, реалистичность, публичность... [Краснов, 2019: 10, 21, 33–34].

В данном случае в роли субъектов рассматриваются властные, особым образом уполномоченные и наделенные мандатами инстанции. Существенно важно, однако, подчеркнуть, что это – все ветви власти, включая исполнительные и судебные органы различных уровней публичности и различной ведомственной принадлежности и т.п.

Другие подходы включают в состав субъектов правовой политики также и негосударственных акторов. «Под субъектами правовой политики понимаются государственные органы, должностные лица и общественные институты, которые в соответствии с их полномочиями принимают участие в ее формировании и осуществлении» [Марченко, 2013: 32]. Такое видение предмета вытекает из самой логики терминологической конструкции, в которой присутствуют и компоненты, связанные с правовыми материями, и компоненты, продиктованные пониманием природы политического в широком смысле слова – как области общественных отношений, как деятельности в области целеполагания, сферы принятия решений, выработки и проведения соответствующего курса, коммуникаций между институтами и многосоставной социальной средой.

Правовая политика функционирует во всех социальных подсистемах, везде, где происходит законодательное регулирование. В данном изложении уместно сосредоточится на том, каковы особенности политико-правовых процессов применительно к культурно-языковым и этноязыковым отношениям в современных российских условиях. Насколько применимы к рассматриваемому предмету те выдержанные в идеализированно-легалистских, строго нормативных и буквально-формалистических тонах определения, которые были приведены выше?

Особенности политико-правового и политико-идеологического воздействия на языковое устройство общества предопределяются множеством обстоятельств. Язык – это такое основание обще-

ственной жизни, которое имеет «сквозную» природу, охватывая все сферы человеческого бытия без исключения. Язык подчас характеризуют как «гиперколлективное» благо, или как неделимое «всеобщее достояние, которым совместно владеет весь коллектив», которое не истощается, но стихийно сохраняется («лингвистический коммунизм») [Бурдые, 2005: 146]. В связи с этим применительно к рассматриваемому предмету существенно важно отметить то обстоятельство, что языковая жизнь общества не предполагает чьих-либо прерогатив, не укладывается в представления о какой-то отраслевой или ведомственной подчиненности. Предмет правового регулирования в данном случае обладает чрезвычайно сложносоставной природой, на базе чего могут быть сформулированы ключевые дилеммы.

Прежде всего, политико-правовое воздействие в одноязычном (интралингвальном) варианте предполагает то, что регламентируваню подлежат лишь некоторые сферы языкового общения, когда в стороне остаются неофициальные взаимоотношения, а также деятельность «общественных и религиозных объединений и организаций» [ФЗ «О языках народов Российской Федерации»]. В то же время, реальное языковое поведение людей в обеих этих сферах (институциональных и не институциональных) находится в активном взаимодействии. Так, в официальную речь вторгаются элементы жаргонов, сленгов, арго, стилистически приниженные средства и пр. В обиходной речи, с другой стороны, явно присутствуют признаки канцелярита, «бюроязыка» и пр. И те и другие сферы общения на русском языке испытывают чрезмерное, по многочисленным оценкам, воздействие английского (американского английского) языка – этого «правлящего жаргона», препятствующего ясности [Хобсбаум, 2005: 58].

Ст. 1 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» содержит предписание: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке» [ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»]. Однако в публично-информационной среде вызовы «сохранению цивилизационного суверенитета» со стороны «дальнейшей латинизации российского общества» оцениваются как угрожающие [Замсекретаря Совбеза РФ].

В связи со сказанным в центр обсуждения правовой политики, направленной на языковое функционирование в российском обществе и на русский язык в целом, выдвигаются вопросы – кому и как следует реагировать на эти вызовы? Если правовая норма уже получила фиксацию, то кому должна принадлежать ведущая политико-правовая роль – только юристам или силам общественности? «Одним из инструментов языковой политики являются законы о языках, – пишет Л.П. Крысин. – Их разработка в целом – компетенция юристов: именно они должны четко и непротиворечиво формулировать положения, касающиеся, например, статуса государственного языка, его функций, защиты монопольного использования языка в наиболее важных социальных сферах, регламентации применения "местных" языков и т.п.». Однако жаргонизация литературной речи и неумеренное «заимствование иноязычной лексики» требуют, как отмечает автор, «регулирующего вмешательства со стороны лингвистов» [*Крысин, 2021: 271, 273*].

Следовательно, проводниками и языковой, и правовой политики в связи с процессами языкового функционирования становятся не только акторы с формальными полномочиями, не только те, кто официально выступает от имени публично-властных инстанций. Правовая политика применительно к языковой жизни общества не ограничивается только лишь «государственно-волевыми и властно-императивными» инструментами, как можно было бы судить на основании вышеприведенного правоведческого суждения Ю.К. Краснова. Более того, сам этот автор выделяет в составе субъектов правовой политики в социокультурных сферах (включая такие объекты политики, как русский язык и языки народов Российской Федерации) «органы государственной власти Российской Федерации и органы местного самоуправления, образовательные, научные организации, организации культуры, общественные объединения и организации, иные организации, осуществляющие деятельность в области искусства, науки, образования, просвещения, воспитания, семейных отношений, работы с детьми и молодежью» [*Краснов, 2019: 324*].

Состав «действующих лиц» (не только субъектов, но и акторов, агентов, участников), по-разному сопричастных правовой политике в области языкового функционирования в российском обществе, образует исключительно пространственный спектр ролей. Это – институциональные субъекты (начиная с законодательных власт-

ных инстанций и всех, кто обладает полномочиями издавать подзаконные акты, и заканчивая педагогическим сообществом, действующим в рамках уставов образовательных организаций), но также и неинституциональные фигуры, способные прямо или косвенно влиять на формулирование правовой политики и на ее претворение в практику. Очевидно, что артикулировать проблематику управления языковой жизни общества, перспектив устойчивости многоязычия, отчасти агрегировать существующие здесь общественные (групповые) интересы может практически неограниченный круг индивидов – как на профессиональном уровне, так и в формате любительски-самодеятельной деятельности.

Далее, в контексте этноязыкового многообразия российско-го общества (как части общей картины культурно-языковых укладов) перед правовой политикой предстает также дилемма системного свойства. Точнее было бы сказать, что это не дилемма в строгом логическом понимании и, тем более, не ситуация альтернативности, но задача соединения в единую систему разноплановых комплексов целеполагания. К.Ю. Замятин комментирует это положение дел как «амбивалентные идеи и цели языковой политики»: «В этом контексте постсоветская российская языковая политика преследует цели, с одной стороны, распространения русского языка, а с другой стороны, сохранения и развития других языков. При этом, если на уровне официального дискурса эти цели не рассматриваются как противоречащие друг другу, то на уровне общепринятых представлений (*common sense*) и практик языковая политика предстает как «игра с нулевой суммой», в которой «если один язык выигрывает, то другой проигрывает». В данном случае «победителем» оказывается русский язык, а все остальные языки оказываются «аутсайдерами». Дилемму языковой ассимиляции и языкового плюрализма следует разрешать в пользу последнего. «Только такой подход дает возможность сохранить языковое многообразие России – то есть многоязычие, исторически характерное для его народов» [Замятин: 8–9].

Такая политико-идеологическая установка не всегда разделяется как аксиома, а в некоторых ведомственных нормативно-правовых актах получает иную интерпретацию. Например, сотрудник Федерального центра образовательного законодательства Д. Бондаренко указывает на принципиальное противоречие, когда в «языковом» законодательстве российских республик русский язык выступает как государственный язык республики «наряду с национальным языком и не рассматривается в своем

самостоятельном статусе государственного языка РФ». «Такая ситуация, по нашему мнению, является, – заключает автор, – следствием той правовой неопределенности, которая существует ныне со времен формирования *этнократических моделей устройства государственной власти в нашей стране* (выделено – Н.М.). В связи с этим угроза использования преимуществ положения государственного языка для достижения определенных политических целей, а не для всестороннего функционального развития национального языка неизмеримо возростала. Следует отметить, что закрепление в ряде случаев в качестве государственного, помимо языков титульных наций и других языков, в том числе русского языка (наряду с тем, что он признается еще и общегосударственным языком) до сих пор не становится гарантией проведения сбалансированной языковой политики в отдельных республиках» [Бондаренко: Электронный ресурс].

Определенный диссонанс в освещении этих тематических узлов находит отражение и в официально-документальном ведомственном корпусе. Так, в свое время «Концепция национальной образовательной политики», утвержденная приказом Минобрнауки в 2006 г., провозглашала удовлетворение этнокультурных и языковых образовательных потребностей народов России в сопряжении с сохранением единства федерального культурного, образовательного и духовного пространства в качестве приоритета национальной (трактовавшейся в сноске в значении: «относящейся к народу, этносу, т.е. этнонациональной») образовательной политики. В данном политико-правовом документе при этом содержались и такие пассажи: «Проблема особых функций системы образования в условиях полиэтничности населения была понята российским государством как предмет государственной национальной политики, направленной на *профилактику сепаратизма* (выделено – Н.М.) еще в конце XVIII века. Последующие два столетия характеризовались поиском организационных решений, которые сделали бы образовательное учреждение с нерусским языком обучения инструментом реализации национально-политических целей государства» [Приказ Министерства образования и науки РФ].

Другой пример – позиции законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации, которые были выражены в связи с подготовкой парламентских слушаний в Государственной Думе в октябре 2010 г. по теме «Языковое

многообразии Российской Федерации: проблемы и перспективы». Приуроченный к этому мероприятию обзор содержал выводы о том, что большинство оценок этнолингвистической ситуации, поступивших из регионов страны, «носит ознакомительный характер» при том, что «в ряде субъектов проблема сохранения языков меньшинств практически не ведется или решается в достаточной мере без привлечения механизмов Хартии». В значительной доле региональных информационно-аналитических материалов отмечалось такое препятствующее обстоятельство, как организационная и финансовая неготовность к дополнительной нагрузке в работе по этому направлению языковой политики. Применение положений Хартии расценивалось в целом как дело затруднительное. При этом эксперты из Ставропольского края отмечали «непредсказуемость последствий ее ратификации для межэтнических отношений внутри страны. Вероятность дестабилизирующего влияния широкого обсуждения в информационном пространстве положений хартии на межэтнические отношения в современных условиях высока. *Вопросы использования национальных языков **обладают сами по себе** мощным конфликтотензионным потенциалом и могут быть использованы в экстремистских целях* [выделено – Н.М.]». Эксперты из Ульяновской области отметили: «В связи с тем, что практически все представители национальных меньшинств владеют русским языком, в Ульяновской области не зафиксирован какой-либо интерес к реализации в полном объеме Европейской Хартии... Не исключены попытки возможных политических спекуляций по данному вопросу и рост националистических настроений в обществе» [Региональный аспект возможной ратификации].

Если рассматривать эту ситуацию сквозь призму распространённых в зарубежной прикладной социолингвистике трактовок, то можно выделить ряд принципиальных смысловых оппозиций: язык как проблема; язык как право; язык как ресурс; язык как инструмент [Borjian, 2014: 9]. Конкретизируя эту логику по отношению к рассматриваемому предмету, языковое (этноязыковое) многообразие может быть истолковано как ценностно-культурное благо, а может трактоваться в качестве потенциального вызова. Одна из задач системно выстроенной правовой политики в России, по-видимому, состоит в том, чтобы сформулировать принципиальные доктринальные установки, устраняющие неоднозначность (в том числе – в управленческой практи-

ке). Конституционные гарантии всем входящим в многонациональный союз равноправных народов возможностей сохранения родного языка и создания условий для его изучения и развития, защита культурной самобытности, этнокультурного и языкового многообразия – это универсальная норма высшей юридической силы. Произвольные толкования, какие-то вербальные вольности со стороны региональных чиновников в данном случае, как минимум, неуместны.

Правовая политика по сравнению с законотворчеством в строгом юридическом смысле обладает разноплановыми средствами своего формулирования. Подчас своеобразный «зазор» между собственно юридическими и политико-идеологическими формулировками становится предметом содержательно-смысловых разночтений. Характерна, к примеру, позиция уже цитированного здесь эксперта Федерального центра образовательного законодательства Дмитрия Бондаренко: «Мы научная организация... В данном случае мы ведем мониторинг языкового законодательства. Не имеем отношения к политике и стараемся к ней близко не подходить. Поэтому любые попытки втянуть нашу научную деятельность в политическую сферу не очень корректны...». Констатируя то, что на региональном уровне «языковая» законодательная деятельность ведется неравномерно («Оказалось, что есть много регионов, где вообще ничего не делается»), правовед формулирует инициативу весьма энергичной политической заряженности. По аналогии с единым федеральным законом «Об образовании», выдвигается идея: «Поэтому и сейчас наше предложение в том, чтобы систематизировать регулирование языковых отношений, те, которые имеют сегодня статус государственных языков по-другому назвать. Оставить государственным один язык – русский – для всей страны. У нас страна уникальная, поэтому если все народы перестанут друг друга понимать... По скромным подсчетам, у нас 277 языков, наречий и диалектов, и они все должны быть официальными. Тогда они получают статус, ими все будут заниматься. ...Повторяю, в России все языки должны быть наделены понятным правовым статусом. Мы его называем официальным, но можно назвать иначе – региональный. Как угодно. Но государственным все равно должен быть один – русский язык» [Дмитрий Бондаренко, 2021]. Очевидно, что здесь затронута проблематика высокой степени сложности.

По мнению правоведа С.А. Белова, возглавляющего Институт проблем государственного языка при Санкт-Петербургском университете, «соотношение пределов использования общедеряного государственного языка и государственного республи в составе Российской Федерации является одной из основных проблем законодательства о языках» [Белов: Электронный ресурс]. Прежде всего, наделение таких лингвистических образований, как «наречия и диалекты», официальным статусом предполагало бы соответствующие характеристики функциональности – использование в публично-властной практике, в управлении и судопроизводстве. Параметры стабильных и унифицированных языковых средств и правил, их нормализации (кодификации) едва ли позволяют ставить вопрос об их официализации даже гипотетически. Можно было бы обратиться к реальному социолингвистическому состоянию, к примеру, эвенкийского, эвенского, юкагирского, долганского, чукотского языков, которые по Закону Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)» и Закону Республики Саха (Якутия) «О статусе языков коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» обладают статусом «местных официальных языков». Оценки витальности этих языков показывают, что они все больше и больше выходят из различных сфер употребления, а в законодательстве, судопроизводстве и административной деятельности не используются.

Не вдаваясь далее в проблематику разграничения языка и диалекта – в этот «вечный» вопрос лингвистики, – можно отметить: присвоение так или иначе наименованного формально-юридического статуса само по себе гарантий благополучия ни языку, ни идиомам (различным языковым образованиям) не дает. Убедиться в этом можно на примере большинства языков, имеющих государственный статус в республиках – субъектах Российской Федерации. Так, согласно новейшим (2022 г.) оценкам специалистов из Института языкознания РАН, большинство языков с таким статусом включены в рубрику «ограниченные сельские» со следующими характеристиками витальности – «межпоколенческая передача сохраняется на заметной территории ареала сообщества преимущественно в сельской местности, в редких случаях сохраняется и в городских условиях. Языковая инфраструктура развита в разной степени, языки функционально ограничены». Ингушский, татарский, тувинский, чеченский якутский языки значатся в категории «ограниченные городские», и характеризуются тем, что «межпоколенческая пе-

редача сохраняется на значительной территории ареала сообщества, часто также в городских условиях. Владующие языком составляют значительный процент (в том числе преобладание) на территории региона. Языковая инфраструктура сравнительно развита, но языки функционально ограничены». Чукотский язык, обладающий статусом местного официального языка в Республике Саха (Якутия), в этой классификации отнесен к категории «межпоколенческая передача прервана на всем ареале». Эвенкийский и эвенский языки с таким же статусом – к рубрике «прерывающихся» («межпоколенческая передача сохраняется на небольшой территории, которая составляет незначительную часть всего ареала сообщества») [Проект «Языки России», 2022]. При этом, в более ранней версии (2020 г.) этих оценок ингушский язык был отнесен к разряду «находящихся под угрозой исчезновения с относительно большим числом говорящих», а татарский, тувинский, чеченский и якутский языки были отнесены к категории «благополучных» (наряду, кстати, с азербайджанским, армянским, белорусским, казахским, латышским, молдавским, украинским, эстонским языками как родными для компактно и автохтонно проживающих в России этнолингвистических групп) [Проект «Языки России», 2020].

Далее, ретроспективный взгляд на региональное «языковое» законодательство позволяет видеть сам генезис государственного статуса «титულных» языков бывших российских автономий. Этот статус, коротко говоря, не был плодом исключительно местных инициатив, но был спущен «сверху». [Zamyatin, 2020: 42; Мухарямов, Януш, 2020]. Количество языков народов России, наделенных статусом государственных и превышающих численность носителей в 50 тыс. человек, – более трех десятков (включая в режиме *de facto* языки народов Республики Дагестан). Подавляющая доля этих языков – всего за несколькими исключениями – по своим функциональным параметрам и характеристикам витальности находится в состоянии недостаточности. В качестве коммуникативного инструмента управления ни на республиканском, ни на муниципальном уровне они не используются, сохраняя при этом свой символический статус. Проще всего квалифицировать такое положение дел как проявление амбиций пресловутых «этнократий» – этого стереотипа, который играет роль «ложного друга» исследователя, аналитика и пр. Остается лишь сетовать, что этот публицистический штамп, не имеющий какой-либо политико-социологической верификации,

заимствуется не только этнологами и социолингвистами, но и экспертами в области федерального языкового законодательства. Разумеется, роль властных республиканских элит в повышении престижности «титულных языков» в их коммуникативных, а не демонстративно-символических качествах нуждается в специальной исследовательской оценке. Однако факт остается фактом: правом самостоятельно «определять правовой статус языков республик, в том числе устанавливать их в качестве государственных языков» автономии были наделены Законом СССР «О языках народов СССР» от 24 апреля 1990 г. (и последовавшим за ним Законом РСФСР «О языках народов РСФСР» от 25 октября 1991 г.), то есть – до «парада суверенитетов» в российском варианте. Впоследствии норма о том, что республики вправе устанавливать свои государственные языки, была включена в Конституцию Российской Федерации, принятую всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., и сохранена после принятия последних изменений в основном законе страны, одобренных общенародным голосованием 1 июля 2020 года.

В отличие от бывших союзных республик, российские автономии изначально вряд ли бы взяли на себя инициативу введения столь решительного смысла – как одностороннее провозглашение «титулных» языков государственными, если бы для этого ранее не сложились предпосылки в Центре. В ситуации противостояния союзного Центра с претендентами на независимость в лице союзных республик складывалась соответствующая риторическая конъюнктура, которая определяла изначальную декларативность «языкового» законодательства и его лозунговую стилистику как на уровне Союза ССР, так и на союзно-республиканском и автономно-республиканском уровнях. Тогда же возникла экзотичная конструкция «языкового суверенитета» как совокупности прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использование языка общения. Было также предусмотрено выделение средств «на разработку и реализацию Государственной программы РСФСР по сохранению и развитию языков народов РСФСР, созданию института языков народов РСФСР и Российской государственной службы языковых переводов».

В действующем российском «языковом» законе в ст. 2 (в ред. Федерального закона от 24.07.1998 № 126-ФЗ) термин «языковой суверенитет» заменен термином «равноправие язы-

ков» с сохранением практически без изменений всех остальных трактовок. Если говорить о юридическом смысле этих норм, то с сематической точки зрения очевидной становится метафорическая суть – языки как таковые не могут обладать правосубъектностью, а регулятивная функция права заключается в установлении правил поведения через нормативные предписания того или иного вида. Язык – одно из фундаментальных оснований социальной жизнедеятельности, но сам по себе он не выступает носителем какого-то собственного поведения.

Следствием такого смыслового «зазора» становятся формулы, присутствующие в региональном законодательстве и иных нормативных актах – о «равноправном функционировании» языков (Республика Адыгея), о «языковом равенстве каждого человека» (Республика Алтай), о «равноправном развитии языков» (Башкортостан), о «равных правах на сохранение, развитие и совершенствование» государственных языков (Республика Ингушетия), о «равных правах языков» (Кабардино-Балкарская Республика), о функционировании государственных языков «на равных условиях» (Республика Коми), о «паритетном функционировании» государственных языков (Республика Татарстан, Республика Тыва), о «равных правах всех родных языков на их государственную поддержку, сохранение и развитие» (Красноярский край), о «равноправном развитии» языков коренных малочисленных народов Севера – нанайцев, нивхов, ороков (ульта), эвенков (Сахалинская область).

Если говорить о содержательных, смысловых аспектах темы, то термин «языковая политика» спорадически эксплицируется в актах российского Правительства, в ряде постановлений, касающихся русского языка. Например, в Постановлении Правительства Российской Федерации от 27 июня 2001 г. № 438 «О Федеральной целевой программе "Русский Язык" на 2002–2005 годы»), содержится конструкция: «Основой языковой политики, включая политику в области образования, является стратегия сохранения и упрочения сбалансированного национально-русского и русско-национального двуязычия, при котором обеспечивается знание русского языка как государственного всем населением Российской Федерации, поощряется изучение национальных языков населением ее республик и создаются условия для гармоничного взаимодействия русского языка с другими языками Российской Федерации». Однако следует от-

метить, что приведенная формулировка какой-то роли прототипа не получила. Дело, возможно, заключается в смысловой неполноте и диспропорциональности самой этой нормативной конструкции, которая интерпретирует стратегию языковой политики применительно ко всем жителям страны, с одной стороны, и к «населению ее республик» – с другой. При этом образуетя очевидный – и объяснимый – зазор в понимании общенациональных, региональных и местных горизонтов языкового планирования.

Таким образом, один из самых заметных пробелов и отличительных свойств концептуализации языковой политики в современных российских условиях – это неполная определенность в понимании ее предмета именно с точки зрения властно-управленческих стратегий и технологий, а не только нормативных деклараций. Имеющийся комплекс правовых норм не до конца, мягко говоря, учитывает актуальные социолингвистические состояния коммуникативных сред на национальном, субнациональном (региональном) и местном уровнях, а также в транслокальных измерениях. Еще одно из очевидных свойств концептуального поля языкового регулирования на разных «этажах» и на разных горизонтах состоит в семантике, призванной отображать, интерпретировать, прогнозировать этноязыковое устройство на макро-, мезо- и микроуровнях.

Терминологические разночтения в трактовках языковых сторон этнокультурной мозаики, проистекающие из несовпадающих трактовок символических и коммуникативных составляющих идентичности, затрудняют, как отмечает специалистка, исследовательскую практику и, как следствие, – официально-дискурсивную концептуализацию языковой политики [Тишков, Степанов, 2019: 23–24]. Такое положение дел может иметь множество объяснений, связанных с идейно-теоретическими предпосылками, умонастроениями в академическом сообществе, с особенностями экспертного посредничества между этим сообществом, с одной стороны, и «семиотическими работниками» в аппаратах законодательной и исполнительной власти, с другой.

В законодательстве о российских языках продолжает сохраняться правовая конструкция, вступающая в разительный диссонанс с современным уровнем стратегического видения национальной политики и ее идейно-политическим кредо – установкой на формирование общегражданской идентичности и

конституционным гарантиями всем народам на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. Объяснимые трудности с категоризацией языкового многообразия не должны быть основанием для использования таких формулировок, как, например, это изложено в п. 4 ст. 3 действующего федерального «языкового» Закона: «В местах компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущих за их пределами, наряду с русским языком и государственным языком республик, в официальных сферах общения может использоваться язык населения данной местности». Это не просто громоздкая по форме конструкция, восходящая к позднесоветскому Закону «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР» от 26 апреля 1990 года. Это – пример радикального эссенциализма, переводящего языковую принадлежность людей в плоскость аскрипции, которая в принципе неосуществима применительно ни к идентификации (индивидуальной, групповой, локально-поселенческой и какой угодно), ни к культурно-языковой лояльности в символических и коммуникативных аспектах. Делить жителей местности на тех, кто живет в «своих» единицах федеративного устройства, и остальных – подход очевидно неприемлемый в сегодняшних условиях. Можно, вероятно, с достаточными основаниями констатировать – в данном случае речь идет о настоящей «институциональной ловушке».

По-видимому, определенным образом понимаемые соображения корректности удерживают творцов официально-документального корпуса, касающегося языковой политики, от артикуляции социально-лингвистических ситуаций и состояний с использованием терминологии относительно региональных и местных языковых коллективов в роли миноритарных. Говоря по-другому, вопрос состоит в способах номинализации этнолингвистических групп – носителей «нетитульных» языков в качестве родных. В российской Конституции и, например, в законодательстве о национально-культурной автономии присутствует понятие «национальное меньшинство», но способы аналогичной категоризации – «языки меньшинств», «миноритарные языки» – в нормативно-правовых актах не употребляются. Не

получил дальнейшего нормативно-правового употребления также и термин «иноязычное население» из ст. 19 Закона «О языках народов СССР» от 24 апреля 1990 г., что, по-видимому, можно объяснить масштабами владения русским языком всеми жителями страны (за исключением статистически значимых групп из потоков вновь прибывающих мигрантов). Это обстоятельство затрудняет не только исследовательскую, экспертно-аналитическую работу, но и политико-правовое регулирование этноязыкового многообразия – особенно в тех субъектах Российской Федерации, которые имеют не республиканский статус.

Ракурсы, связанные с правовой политикой по отношению к языковому устройству российского общества (включая общую социально-коммуникативную систему, культурно-языковое и этнолингвистическое многообразие), обладают по сравнению с собственно законодательным процессом очевидными преимуществами. Здесь становится возможным претворять в академическую, экспертно-аналитическую и непосредственно нормотворческую практику метафункции, своеобразную «метapolитику». Иначе: процесс социально-волевого, властного, управленческого воздействия здесь можно рассматривать в виде комплекса, соединяющего разноплановые элементы и направления, не сводимые (не редуцируемые) к взятым по отдельности решениям, мерам и процедурам. Источники права политико-идеологического характера в случае своего дезинтегрированного формирования будут, разумеется, ослабевать с точки зрения результативности. Интегрированная система здесь предполагает согласованность по разным направлениям и предметам политико-правового регулирования:

- применительно к конкретным идиомам (моноязычная, интра-лингвальная политика – соблюдение норм литературного языка в регламентируемых сферах, планирование корпуса, нормализация в словарях справочниках, грамматиках), к поддержке и продвижению конкретного языка;

- по отношению к поддержанию устойчивого дву- и многоязычия, этноязыкового многообразия в масштабах страны, отдельных регионов, субъектов Российской Федерации, на местном уровне;

- меры в области собственно лингвистических составляющих языкового функционирования, а также в аспектах регулирования экстралингвистических сторон общественных отноше-

ния по поводу языкового устройства (институциональных, инфраструктурных, образовательных, культурных, информационно-медийных, тех, что связаны с книгоиздательством, библиотечным делом, профессиональным и самодеятельным художественным производством, потреблением культурных продуктов и пр.);

– «метapolитика», ориентированная на основания языковой политики конкретных ветвей власти и правительственных ведомств, а также на различных уровнях организации публичной власти – федеральном, региональной и местном;

– регулятивные действия по отношению к старописьменным языкам в России, обладающим высокой функциональностью и витальностью («полнокровностью»), и политика по отношению к младописьменным и бесписьменным языкам с малочисленной демографической базой и коммуникативными рангами;

– ретроспективная политика, направленная на языки в терминах историко-культурного *наследия* (с приоритетом символических аспектов и «коммеморативных» подходов) и перспективная политика, нацеленная на их расширение в качестве *актуального* инструмента общения в многообразных сферах, включая высоко урбанизированные среды, сферы административного управления (с фокусом на коммуникативную мощностъ и расширение круга носителей).

Словом, правовая политика в области языкового функционирования и языковых отношений в ее системном понимании позволяет преодолевать существующие барьеры и препятствия в концептуальном плане и в практике нормотворчества. Языковое регулирование не предполагает механического суммирования полутора сотен отдельных (однойязычных) «политик». Также как она не должна строиться в виде отдельно взятых приоритетов в отдельно взятых отраслях или сферах регулирования. Ведущиеся же дискуссии фокусируются на конкретных сторонах культурно-языкового (включая этнолингвистическое) многообразия. В центре внимания могут оказываться формально-юридические установления, узко понимаемые в терминах «планирования статуса». Само по себе, как уже было отмечено выше, это не обеспечивает надежных гарантий благополучия языков или воспроизводства устойчивых социолингвистических состояний и ситуаций.

Весьма часто предмет рассмотрения очерчивается контурами языковой образовательной политики и – шире – образовательных отношений с их публично-правовыми и частноправовыми участниками. Акцент на языках обучения и изучаемых в качестве предмета в школах объясним. Это значимая и одна их наиболее «верифицируемых» с точки зрения количественных показателей сторона общественных отношений, связанных с языками народов России, с одной стороны, и испытывающее прямое воздействие меняющейся регуляторной среды – с другой.

Согласно данным федерального мониторинга, в 2021/22 учебном году в 24 субъектах Российской Федерации в качестве родного изучался только русский язык, в 61 субъекте реализовывались образовательные программы по 74 родным языкам. Число обучающихся составляло 2,14 млн (по сравнению с 1,97 млн в 2020/21 учебном году). В соответствующем реестре были размещены 160 образовательных программ учебных предметов «Родной язык», «Литературное чтение на родном языке», «Родная литература» по 35 языкам народов России; в федеральном перечне было представлено 295 учебников по 21 языку (включая русский язык) и рекомендовано еще 34 учебника. Подготовка учительских кадров по 18 языкам народов страны ведется в 13 организациях профессионального образования в 11 субъектах федерации [Доклад Правительства РФ, 2022: 37–38]. Приведенные цифры показывают сохраняющееся в системе образования языковое многообразие. Однако они же свидетельствуют об определенной асимметрии, когда более половины образовательных программ по родным языкам не представлены в реестре примерных основных общеобразовательных программ, более двух третей не обеспечены учебниками, а подготовка преподавателей не ведется по десяткам языков народов страны. Самое же принципиальное состоит, как думается, даже не в структурно-организационных параметрах. Изучение языков в качестве родных в рамках школьного образования само по себе не обеспечивает сколь-либо автоматическим образом функционально-коммуникативных параметров мощности языков и, соответственно, межпоколенческой преемственности в разных социально-поселенческих средах. Если бы верно было обратное, то не пришлось бы обсуждать сложности с состоянием русского языка и языковой культуры в российском обществе, с язы-

ковыми компетенциями разных поколений и социально-профессиональных групп. Или, к примеру, иностранные языки изучаются школьниками повсеместно и везде. Уровень же языковых компетенций и доля владеющих этими языками в нашей стране, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Как бы тривиально это ни звучало, язык без повседневного использования в качестве ли родного, государственного, иностранного, в контексте ли одно- или двуязычия поддерживать в своей витальности или коммуникативной мощности не может. Для этого требуются разносторонние усилия как инфраструктурного, так и культурного, просветительского, информационно-пропагандистского плана (включая массивные кампании в духе социальной рекламы и маркетинга), способные реально повысить ценностное восприятие и престижность многоязычия как достояния страны и привлекательности ее образа в глазах международной общестственности, особенно – как альтернативы западных постколониальных смысловых комплексов.

В заключение можно было бы отметить, что правовая политика применительно к языковому многообразию в российском обществе и, в свою очередь, языковая политика как таковая для системного и целостного формулирования и проведения нуждаются в авторитетном субъекте-инициаторе. Пока они пребывают, как иногда говорится, в состоянии «бесхозности» и ни за кем не «закреплены» в виде приоритетных направлений государственного управления. Не нуждается в специальной демонстрации и тот факт, что в этой области наблюдается рассогласованность между уровнями управления и ведомственными подходами, законодательными и исполнительными органами. В качестве гипотетического суждения уместно предположить, что роль инициатора в разработке основ законодательства и политико-правового регулирования («концепции», «государственные стратегии», «основы законодательства», «основы государственной политики», «национальный план действий» и пр.) могла бы взять на себя специальная Комиссия (рабочая группа) Государственного Совета Российской Федерации – органа высокого уровня авторитетности. Этот орган и предназначен, по Основному закону страны, обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти, определять основные направления внутренней политики и приоритетные направления социально-экономического развития госу-

дарства. Состояние языкового устройства российского общества обладает всей полнотой такой приоритетности.

Источники и литература

Белов С.А. Законодательное регулирование статуса государственного языка в Российской Федерации // Официальный сайт Санкт-Петербургского ун-та «Русский язык как государственный». [Электронный ресурс]. URL: http://rus-gos.spbu.ru/articles/С.А. Белов. Законодательное регулирование_537с978e1477.pdf.

Бондаренко Д.В. Краткий обзор по основным вопросам реализации языкового законодательства Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/analitika/detail.php?ELEMENT_ID=6778.

Бурдые П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки, 2005, № 2, С. 146–174.

Дмитрий Бондаренко: «Наше предложение – назвать государственные языки республик другим словом» // Бизнес Онлайн, 27 марта 2021 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/503757>.

Доклад Правительства РФ – Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. Москва, 2022. 142 с.

Замсекретаря Совбеза РФ *Олег Храмов* в интервью «РГ» – о сохранении духовно-нравственных ценностей России и попытках Запада разрушить их // Российская газета. 17.10.2022.

Замятин К.Ю. Обоснование необходимой финансовой, нормативно-правовой и организационной поддержки реализации мероприятий Программы сохранения и возрождения языков народов России (2021–2020 гг.) [Электронный ресурс]. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc6.pdf.

Колеров М. Старая русская азбука. М.: Издательство книжного магазина «Циолковский», 2020. 224 с.

Краснов Ю.К. Правовая политика России на современном этапе: Учебное пособие / Ю. К. Краснов; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: Прометей. 2019. 182 с.

Крысин Л.П. Очерки по социолингвистике. М.: ФЛИНТА, 2021. 360 с.

Марченко М.Н. Правовая политика: понятие, субъекты, механизм реализации // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2013. № 5. С. 26–37.

Мухарямов Н.М., Януш О.Б. Историческая интертекстуальность в российском правовом дискурсе о языках // Диалог со временем, 2020. Вып. 71. С. 39–48.

Мушинский М.А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 488–499.

Приказ Министерства образования и науки РФ – Приказ Министерства образования и науки РФ от 3 августа 2006 г. № 201 «О концепции национальной образовательной политики Российской Федерации» (Текст приказа опубликован в журнале «Вестник образования России», сентябрь 2006 г., № 18). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90016/>.

Проект «Языки России», 2020 / Институт языкознания РАН. [Электронный ресурс]. URL: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_concept2020.shtml.

Проект «Языки России», 2022 / Институт языкознания РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://jazykirf.iling-ran.ru>.

Региональный аспект возможной ратификации Российской Федерацией Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств. Аналитический вестник 25. М., 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://pda/iam.duma.gov.ru/node/8/4383/13958>.

Тишков В.А., Степанов В.В. Русский язык – язык гражданской нации // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / ред. *Мартынова М.Ю., Степанов В.В.* М.: ИЭА РАН, 2019.

ФЗ «О языках народов Российской Федерации» – Федеральный закон «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 года № 1807-1 (в ред. Федеральных законов от 24.07.1998 № 126-ФЗ, от 11.12.2002 № 165-ФЗ).

ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» – Федеральный закон от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями от 2 июля 2013 г., 5 мая 2014 г., 30 апреля 2021 г.).

Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4 (49). С. 49–59.

Borjian M. Language-education policies and international institutions. The World Bank's vs. UNESCO's global framework // Language Problems & Language Planning. 2014. No 38:1. P. 1–18.

Zamyatin K. The adoption of language policies in the republics of postSoviet Russia: actors, debates, decisions. Sociolinguistics, 2020, no. 2(2) [online], pp. 30–66. [Для цитирования: *Замятин К.* Принятие языковой политики в республиках постсоветской России: акторы, дебаты, решения [Электронный ресурс]. Социоллингвистика. 2020, № 2(2). С. 30–66.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРОПОРЯДКЕ (институционально-деятельностный аспект)¹

М.А. Аствацатурова

Актуализация культурного наследия в современном миропорядке

Правовые и политические интерпретации объектов культурного наследия человечества активно декларируются со второй половины XX в., хотя первые инициативы в этом направлении предпринимались уже в XIX в. Международные усилия привели к выработке критериев, по которым те или иные культурные или природные объекты относятся к *Всемирному наследию ЮНЕСКО*². Объекты из списка *Всемирного наследия Юнеско* не только сохраняются и оберегаются, но и популяризируются как источники информации, коммуникации, а также гуманизма и человечности. Почти 200 стран ратифицировали *Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия* (вступила в силу в 1975 г.), которая определила такие понятия, как «культурное наследие», «природное наследие», а также форматы международной и национальной (государственной) охраны культурного и природного наследия [Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия].

Россия как суверенное государство включилась в определение и сохранение объектов культурного наследия и участвует в пополнении соответствующего списка ЮНЕСКО [Россия будет ежегодно предлагать]. Помимо участия в международном дви-

---

¹ Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков). Проект «Патриотизм как интегрирующая ценность полиэтничного российского общества» (FSRN-2023-0025).

² Всемирное наследие ЮНЕСКО. (англ. World Heritage, фр. Patrimoine Mondial, исп. Patrimonio de la humanidad, нем. Weltkulturerbe).

жении сохранения объектов культурного и природного наследия на планетарном уровне РФ за постсоветский период предприняла масштабные усилия по формированию политико-правовой поддержки культурного наследия российских народов.

Постсоветский политический транзит показал, что отсутствие эффективных нормативно-правовых и политико-доктринальных условий для воплощения тенденций и закономерностей культурного наследия народов приводит к опасным последствиям – социальным (в том числе, этническим) конфликтам, гражданскому неповиновению, эксцессам в отношениях власти и граждан [Глазунов, 2007: 29, 32, 40, 55.]. В связи с этим российское государство рассматривает правовое и политическое обеспечение культурных интересов российских народов как важнейшее условие общественно-политической стабильности, конструктивных отношений государства и общества.

Уже на самых ранних стадиях формирования российской государственности в Федеративном договоре 1992 г. и Конституции 1993 г. были зафиксированы главные политико-правовые принципы отношения государства к культурному наследию народов с учетом полиэтничности российского общества, а также с учетом включенности этнического фактора в структуризацию федеративности российского государства [Лексин, 2013: 15–39]. Несмотря на провозглашение инновационных политико-правовых основ этнической идентификации в рамках нового отношения государства к этническим потребностям граждан и сообществ, в 90-х гг. XX в. культурное наследие народов бывшего СССР использовалось не только в оформлении культурного «этнического Ренессанса». Оно провокационно включалось в формирование «этнического партизанства», мотивирование этнических сецессий и противоправной борьбы за «подлинные этнические интересы» с этническими соседями и с государством. По периметру РФ и внутри страны образовались не просто этнические конфликты, а конфликты идентичностей со множеством составляющих (грузино-югоосетинский, Нагорно-Карабахский, грузино-абхазский, осетино-ингушский, чеченский, армяно-азербайджанский, Приднестровский и др.).

Предотвращая возможные дальнейшие возмущения этно-политических систем в регионах страны, российские политики и законодатели предприняли существенные усилия, которые бы-

ли зафиксированы в «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» 1996 г. и в законе РФ «О национально-культурной автономии» 1996 г., который в дальнейшем подвергся многим дополнениям и изменениям. Преодоление опасных центробежных тенденций, этносепаратизма, взаимной этнофобии в РФ осуществилось благодаря заявленным правовым и политическим позициям государства, а также усилиям верхушечного управления и народного самоуправления, народного миротворчества.

Современный уязвимый миропорядок составляет серьезную угрозу культурному наследию народов. В ходе военных действий и террористических акций уничтожаются значимые образцы человеческого созидания (архитектурные, живописные, литературные памятники), разрушаются природные и историко-культурные комплексы (заказники, заповедники, особо охраняемые, эколого-значимые территории, достопримечательные места), имеющие универсальную ценность, с которыми связана и в которых продолжается народная жизнь.

Повсеместным и опасным явлением стало расшатывание международной архитектуры, крах прежних согласованностей и взаимных договоренностей. Широко используются отказы от дипломатических техник и технологий, от языка переговоров и компромиссов, от соблюдения «красных линий» [Боришполец, 2022: 150–165]. Государства в отношении друг друга применяют экономические экспансии и блокады, политическое давление, ложные обвинения, провокационные националистические выпады, а также информационные войны [Сафранчук, Лукьянов, 2021: 14–25]. В отношениях между нациями распространяется система экономического и политического ostracism. Используются технологии экономических и политических санкций и ксенофобская «культура отмены» [Романо: Электронный ресурс]. Данная «культура отмены» из первоначальной направленности на конкретных персоналий трансформировалась в системную дискриминацию стран и народов. Она обусловлена претензиями на глобальное и безальтернативное управление миром со стороны США и стран коллективного Запада и сегодня применяется к России в связи с ее независимым геополитическим курсом, повышением ее роли в построении нового миропорядка взамен его уязвимых и исчерпавших себя конструкций.

Первая четверть XXI в. кроме механических угроз культурному наследию народов отмечена ощутимыми вызовами мировоззренческому и духовному суверенитету [Суверенитет государства в современном мире, 2018: 256]. Абсолютизация государственного суверенитета в его агрессивно-националистическом моделировании выражается в нацеленных дискриминационных мерах в отношении народов, этнических групп. Радикальные антигуманистические идеи внедряются методами циничного вторжения в личное пространство людей и представляют собой «агрессивный догматизм на грани абсурда» [Замахина, 2021].

Перечисленные и многие иные экспансионистские и изоляционистские практики не только наносят физический ущерб народам и затрудняют их социальную динамику, но и дезорганизуют их культурное наследие как жизнеобразующий и консолидирующий ресурс народной жизни, народного творчества. Под воздействием многих разрушительных факторов (терроризм, войны, конфликты, экономические и финансовые кризисы, COVID-19, разрушение прежнего миропорядка, антагонизм межгосударственных отношений и др.) культурное наследие народов терпит серьезный физический и моральный урон.

Угрозы социальному и нравственному здоровью современного общества, дифференцированного, в том числе, и по этноидентификационному признаку, акцентируют культурное наследие народов как необходимую базу социального равновесия, а также и политической стабильности. При этом целостность и сохранность культурного наследия, осознание его перспективности придают членам народного (этнического) коллектива уверенность в прочности группового будущего, представляемого в привлекательных образах. Они необходимы народам как противовес агрессии, жестокости, духовной экспансии, социальным девиациям, информационным фейкам, клиповому мышлению, равнодушию и прочим негативным проявлениям действительности. Обращение к сюжетам и образам культурного наследия позволяет народу: а) нейтрализовать воздействие негативных факторов (ожидаемых или непредсказуемых «черных лебедей»), б) подтвердить правильность поведенческих практик, в) сохранять рациональное здравомыслие и эмоциональную восприимчивость.

Стремясь к пониманию места и роли культурного наследия народов в современном уязвимом миропорядке, отметим, что,

с одной стороны, современная социальная и политическая реальность характеризуется высоким индексом разнообразия, креативности и инноваций. Это подталкивает народы к модернизации, поиску новых форм творческого самовыражения и современных путей приращения банка культурного наследия, но, с другой стороны, современная цивилизационная и культурная эпоха отличается высокой степенью подвижности, транзитивности, уязвимости. Это мотивирует этнические коллективы к сохранению консервативных стратегий и применению охранительных тактик в отношении культурного багажа, культурной традиции. В этой связи актуализируется политико-правовое оформление объектов культурного наследия народов, которое в узком плане может быть направлено на создание лучших условий для коллективного народного творчества, а в широком плане – на оптимизацию современного миропорядка через расширение общечеловеческих проекций народной культуры.

Культура народа или народная культура – результат всеобщей жизнедеятельности, а также целевой культурной творческой деятельности – мифологической, музыкальной, танцевальной, певческой и др. Культурное наследие народа включает создание жилищных комплексов, костюма, национальной кухни. Также народ становится автором особой народно-этнической этики, в которой сосредоточены многие неписанные правила поведения, предписания и нормы, закрепленные, разделяемые и воспроизводимые в сообществе. Культурное наследие народов противостоит опасной технократизации социальной жизни, которая, как отмечал К. Ясперс, приводит к превращению Земли во «всеобщую фабрику», и отрывает «человека от его почвы, от преемственности традиций» [Ясперс, 1991: 115]. Именно культурное наследие народов во многом предотвращает превращение народа в массу и публику и позволяет сохранять устои, традиции, мышление, а также «свою атмосферу» как «нечто субстациональное и качественное» [Ясперс, 1991: 142–143.].

Культурное наследие народа формируется в систему традиций и обрядов, которые имеют как стационарную, так и динамичную составляющие, и не только сохраняют, но и утрачивают свою актуальность. Символично, что в пределах культурного наследия народа складываются и изобретаются новые тради-

ции, отражающие новую реальность и событийность. Во вновь изобретенных традициях, как подчеркивал Э. Хобсбаум, фиксируются и формализуются символы, ритуалы, а также коллективные действия, к которым относится, в частности, народная музыкальная, песенная фестивальная архитектура. При этом Э. Хобсбаум увязывал изобретение традиций с целостным идентификационным общинным и национальным (этническим) сознанием [Хобсбаум, 2000: 53–56.]. Новые традиционные и обрядовые комплексы имеют не только культурную художественно-творческую, но и политическую объективизацию, так как они вмонтированы в общественно-политический процесс и испытывают на себе политическое и бюрократическое администрирование.

Культурное наследие народа формируется на основе причинно-следственных конструкций под влиянием объективных и субъективных факторов, которые не только интерпретированы в этнических категориях, но и имеют непосредственную этническую детерминацию. Как известно, национальность (этничность) рассматривалась Б. Андерсоном как комплекс культурных артефактов, как воображаемая субстанция, однако, воображаемая на основе представления об этническом коллективе в целом и о его отдельных членах, при этом «...в умах каждого из них живет образ их общности» [Андерсон, 2001: 30–31]. Культурное наследие народа может быть отождествлено с этносферой, которая по идее Л.Н. Гумилева, формируется этносом как особая сфера его особой культуры. Также он отмечал, что «народное искусство – это кристаллизация той же самой энергии живого вещества биосферы...», и его назначение состоит в «защите прекрасного, разнообразного мира от разрушающего Времени, ныне именуемого процессом энтропии» [Гумилев, 1993: 78, 77].

В.А. Тишков подчеркивает, что культурное наследие народа зафиксировано «во множестве феноменов нашей жизни: природно-географической среды, государственно-политических образований и этнической мозаики через призму понятий граница и культура» [Тишков: Электронный ресурс, 2009]. Эти феномены отражены в сочетании природно-географической, государственно-политической, этнокультурной карт. Накладываясь друг на друга, они не только отражают пространственную привязку и этно-территориальность культурного наследия народов, но и служат

индоктринации идеи исконных этнических территорий как мифологических компенсаторных образов и как программно-политических достиженческих целей. «Размещение» культурного наследия в пространстве, а также и во времени отражает собственно этнические начала историко-культурного творчества конкретного народа. В пространстве и во времени формируется национальный (как этнический) характер, национальный (как этнический) менталитет и психологические особенности данного народа, которые трактуются как «ядро» психологической антропологии – антропологической этнопсихологии» [Белик: 2001, 174–204; Лебедева: 1998, 56–85].

Рассматривая этническую идентичность как содержательную платформу культурного наследия народа, подчеркнем, что оно зафиксировано в групповой (этнической) памяти, которая выстраивается и пополняется как духовными, так и материальными образцами народного творчества. Этническая память, как и память вообще, это «создательница прошлого, историческая способность находиться во времени; в универсальном значении – это отбор, хранение и воспроизводство информации» [Шкуратов: 1994, 242]. Как отмечает В.А. Шкуратов, память не только собирает информацию, но и накапливает опыт, соединяет прошлое с настоящим и будущим, «индивидуальное с родовым, единичное с общим, преходящее с устойчивым» [Шкуратов: 1994, 242–243]. Данные возможности памяти, по нашему мнению, как нельзя лучше могут быть применены именно к этнической памяти, без которой невозможна передача культурного наследия народа [Аствацатурова: 2020, 742–748].

Культурное наследие народа составляет результат событийных данных об истории, мифологии, культуре, религии, языке, традициях, менталитете и внешнем облике конкретного народа и концентрируется в материальных и нематериальных образах-следах. Культурное наследие народа обладает, во-первых, культурно-гносеологическими, во-вторых, культурно-деятельностными резервами. Оно имеет творческую, декоративную, эмоциональную составляющую и в то же время выражается в живых, многомерных материально-осязаемых формах. Деятельностная ресурсность культурного наследия выражается в том, что в его пространстве:

– создаются и пополняются культурные (материальные и нематериальные) ценности народа, которые позволяют этни-

ческому коллективу осознавать свое место и свою роль в мировом сотворчестве;

– формируются компоненты культурной мозаики, которые презентуются народом другим этническим коллективам и предлагаются к обмену в рамках взаимной культурной ассимиляции и аккультурации;

– накапливаются информационные единицы и коммуникационные пласты, которые используются во внутриспоколенческом (синхронном) и межпоколенческом (диахронном) диалоге;

– подтверждаются культурные, морально-нравственные, ценностно-этнические, эстетические нормы, в которых репродуцируются родной язык, фольклорные образы, исторические герои, знакомые образцы музыкального и иного творчества, народного ремесла и жизненных умений и приемов;

– фиксируются значимые сюжеты, события, факты народной жизни в темпоральности и территориальности, которые пересекаются и накладываются друг на друга, формируя широкое пространство культурного наследия народа;

– осуществляется упрочение внутриэтнической симпатии и готовность к этнокультурной эмпатии, без которых народ как этническое сообщество не может консолидироваться, взаимодействовать с другими этническими коллективами, двигаться по пути модернизации и противостоять историческим, политическим, природным катастрофическим событиям.

Основываясь на приведенных соображениях, мы можем определить культурное наследие народа как *универсальный этнодетерминированный самовоспроизводящийся институционально-деятельностный результат-ресурс коллективного творчества этнического сообщества.*

Этнополитика РФ в интерпретациях права языка и права культуры

Политико-правовое обоснование культурных интересов народов России осуществляется на все более широкой и прочной легитимной основе и со все большим движением в сторону российской историко-культурной, общественно-политической и политико-управленческой специфики. Эта специфика сформулирована в категориях «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», которая стала не только эффективным теоретико-методологическим обос-

нованием, но и результативной организационно-управленческой платформой для оптимизации межэтнических отношений и упрочения единства российской гражданской нации [Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации»].

Политико-правовые обязательства государства по сохранению культур народов страны расширены в поправках в Конституцию РФ, которые в 2020 г. на всенародном голосовании поддержали почти 78% граждан. Так, в ст. 67.1 в п. 2 введены такие понятия, как «память предков», «идеалы», «вера в бога», «государственное единство», которые имеют не только прямые отсылки к культурному наследию народов России, но и политико-управленческие направленности к консолидации российского общества на традиционных духовно-религиозных основах. В ст. 68 Основного закона страны внесена существенная новация – русский язык назван *«языком государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации»*¹ [Новый текст Конституции Российской Федерации, ст. 68]. Данную поправку мы рассматриваем как развитие важнейшего сегмента этнополитики Российского государства – политики языка, которая имеет широкий спрос и широкое применение в государственной национальной политике федерального центра [Алпатов: Электронный ресурс].

Осмысление этой поправки на экспертном и общественном уровне вызвало и поддержку, и разночтения³ [Русский язык в современном мире, 2021: 215; Ремизов: 2016, 83–95]. В осмыслении русскости versus российскости отметим, что определяющая роль русского народа в национально-государственном строительстве и защите российской государственности не вызывает сомнений. Однако выскажем убеждение, что все народы страны приняли пропорциональное участие в формировании имперской, советской и современной российской государственности. Нет сомнений, что без их вхождения (разными путями) в

---

³ Владимир Емельяненко, Елена Новоселова. Почему в Конституции необходима поправка о русском языке // Российская газета. Рубрика «Власть». 2020 г. 4 марта; Путин призвал развивать и укреплять русский мир // Ведомости. 2022 г. 6 февраля.

состав России не сложилась бы современная российская гражданская нация и не выстроился бы институт общероссийской гражданской идентичности; и в этом смысле они все могут считаться государствообразующими.

Соотнесение русскости и российскости имеет как культурно-цивилизационное, так и общественно-политическое содержание и рассматривается нами как живая повестка общероссийского этнополитического пространства со многими аспектами и практиками. В частности, В.Ю. Зорин утверждает непротиворечивость и взаимную дополняемость этнической и гражданской идентичностей [Зорин: Электронный ресурс]. Развивая этот тезис, отметим, что:

– во-первых, противопоставление смыслов данных категорий представляется не только нецелесообразным, но и опасным;

– во-вторых, ясное понимание взаимной дополняемости и взаимной обусловленности русской и российской культур, русской и российской социальности, общей российской культуры и многих культур народов России важно для оптимизации идентификационных стратегий и тактик народов, этнических групп, а также отдельных граждан;

– в-третьих, в условиях демократического этнического самоопределения каждый гражданин волен считать себя русским или принадлежащим к иному народу и вместе с тем россиянином, или только россиянином в качестве гражданской идентичности, или вовсе не осуществлять этническую идентификацию.

Однако любое (идейно-мировоззренческое, политико-управленческое, организационно-бюрократическое) навязывание этнической или гражданской идентичности, любое педалирование приоритетов отдельных народов России над другими в части экономических, финансовых, политических территориальных, историко-культурных, статусных прав весьма сомнительно.

Политика языка как важный сегмент государственной национальной политики РФ отмечена многими впечатляющими результатами [Михальченко: 2015, 37–51] и поддерживается многими организационными действиями власти. В то же время в языковой сфере есть ряд статусно-функциональных, организационных проблем, требующих законодательного, правоприменительно-

го, управленческого и организационного обеспечения [Коротич, Мандрикова: 2017, 13–29]. Выделим среди них следующие:

– разностатусность языков народов России, вызванная разностатусностью субъектов РФ. Есть республики в составе России, где могут устанавливаться наряду с русским и другие государственные языки – языки титульных народов; в то время как в субъектах с другим статусом (край, область, город, автономный округ, автономная область) дополнительные государственные языки не устанавливаются; кроме того, статус русского языка как государственного регулируется федеральным законодательством, а статусы языков народов республик регулируются и федеральным, и республиканским законодательством;

– сокращение пространств, вплоть до возможного исчезновения почти 20 языков коренных малочисленных народов Севера (КМНС), Сибири и Дальнего Востока [Журавель, 2020: 851–855]; «14 языков исчезло на территории России за последние 150 лет. Из них 5 – в постсоветский период» [Панова: Электронный ресурс]; при этом языковые проблемы населения народов данных территорий часто вызваны общим ущербом привычной природно-климатической, историко-культурной среде проживания коренных народов, их традиционным занятиям и образу жизни [Эксперты: языки малых народов];

– отсутствие реальных возможностей сохранения и изучения языков диаспорных групп народов нероссийского этногенеза и представителей малочисленных народов и этнических групп, в отношении которых РФ предусматривает «содействие в организации различных форм получения образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации в соответствии с их потребностями и интересами» [Закон РФ «О языках народов Российской Федерации»];

– сокращение объема изучения родных языков в системе образования в силу отмены национально-регионального компонента государственного стандарта общего образования и увязывание права на изучение родных языков «из числа языков народов России» с «пределами возможностей, предоставляемых системой образований с учетом потребностей учащихся и их законных представителей (родителей)» [ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части изменения понятия и структуры государственного образовательного

стандарта»]. Далее проблема обязательности/добровольности изучения государственных языков в республиках⁴ обострилась в 2018 г. с принятием ФЗ, который разрешил обучающимся в школах РФ не изучать государственные языки республик, т.е. ввел принцип добровольности их изучения [ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»].

Политико-правовое обоснование культурного наследия народов России в Конституции РФ расширено в ст. 68. Так, культура в РФ определяется как «уникальное наследие ее многонационального народа». Данная поправка значима тем, что подчеркивает многонациональность народа России и акцентирует обязательства государства по ее поддержке и сохранению [Новый текст Конституции РФ, ст. 68]. В ст. 69 декларируется культурная самобытность народов и этнических общностей РФ и гарантируется сохранение их этнокультурного, языкового многообразия [Новый текст Конституции РФ, ст. 69]. Такие гарантии во многом обеспечивают благополучное социальное самочувствие этнических сообществ. Они, однако, не могут быть исчерпывающими, а должны постоянно наращиваться вслед за динамикой этнокультурных запросов народов, а также в связи с новациями международных отношений.

Новацией 2020 г. является конституционно закрепленное поддержание соотечественников за рубежом как носителей «русского мира». Субъектами этого широкого культурного пространства являются не только носители русского языка, но и иноэтничные симпатизанты России за рубежом. Именно в связи с русским зарубежьем отечественные эксперты практикуют сравнение масштабов русского и российского миров, включая в дискуссию такие аргументы, как историчность, пространство, духовность, патриотизм, особое мировосприятие. «Русский мир» и «Российский мир» конвергируются в общем евразий-

---

⁴Эта проблема интерпретирована в ФЗ № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» (последняя редакция), где указывалось, что изучение государственных языков республик РФ должно осуществляются на добровольной основе не в ущерб преподаванию и изучению государственного языка РФ – русского. КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

ском пространстве, которым, собственно, и является России, вовлекая при этом в свою геополитическую, культурную и духовную орбиту многие народы и страны [Русский мир – 2030].

Сегодня перспективы «русского мира» существенно затруднены в связи с обострением межгосударственных отношений. Это предполагает обновление соответствующей концепции и разработку новых проектов, адресованных как населению РФ, так и гражданам ближнего и дальнего зарубежья. Поэтому Конституция РФ провозглашает государственный интерес к соотечественникам, проживающим за рубежом в части включения их в горизонты российской культурной идентичности, которая ценна именно своей метаэтничностью, публичностью и открытостью для участия [Новый текст Конституции РФ, ст. 69].

Широкие возможности для сохранения культурного наследия народов РФ предоставляет ФЗ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. Верховным Советом РФ 09.10.1992 г. № 3612-1 (ред. от 30.04.2021 г.)). Считаем важным, что законодатель соотнес российский культурный процесс с гуманизацией общества и сохранением национальной самобытности народов, утверждением их достоинства, развитием демократии, укреплением целостности и суверенитета страны, а также с мировым культурным процессом. Эти векторы приобретают новое содержание в современных условиях, которые выводят на авансцену уязвимого миропорядка вопросы состоятельности, достаточности, перспективности российской суверенной демократии, российской политической системы, российского цивилизационного выбора, а также и российской национальной идеи, которая, по мнению В.А. Тишкова состоит в единстве русских и российских интенций [Тишков: 2021, 107–150].

Закон в ст. 6 декларирует «Равное достоинство культур народов и иных этнических общностей Российской Федерации, их прав и свобод в области культуры» и «равные права и свободы в области культуры всех проживающих в ней народов и иных этнических общностей» [ФЗ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»]. Особое назначение имеет раздел III «Права и свободы народов и иных этнических общностей в области культуры», в котором подтверждается право на сохранение и развитие культурно-национальной самобытности народов и иных этнических общностей и на культурно-национальную

автономии. Также декларируется протекционизм государства в отношении культур малочисленных этнических общностей и в отношении культурно-национальных организаций соотечественников за рубежом. В разделе IV «Национальное культурное достояние и культурное наследие народов Российской Федерации» в ст. 25 «Культурное достояние народов Российской Федерации» определяется содержание важнейших категорий, а именно – национальное культурное достояние и культурное наследие народов РФ, которые таким образом вводятся в правовое поле.

В современных условиях новым содержанием наполняется как общегосударственный суверенитет РФ, так и его составляющие, среди которых выделяется суверенитет РФ в сфере культуры. ФЗ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» актуализирует культурный суверенитет РФ через утверждение самостоятельности России «в отношениях в области культуры с другими государствами, объединениями государств, а также международными организациями» [ФЗ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»]. Данная правовая норма сегодня интерпретируется в контексте современных политических, социальных, идеологических, мировоззренческих вызовов России. Она создала правовую базу для креативного понимания культурного суверенитета в соотношении с обновленным пониманием экономического, политического, культурного и духовного суверенитетов России. Рельефы этого понимания включают следование традиционной российской морали и нравственности, противостояние духовной агрессии, сохранение национального характера.

Некоторые обобщения

Накопление и функционирование культурного наследия народов осуществляются в конкретном государственно-общественном контексте, важнейшими свойствами которого выступают правовые политико-доктринальные нормы, а также нормы правоприменения.

Политико-правовая проблематизация культурного наследия народов в общечеловеческом масштабе на современном этапе вызвана многими обстоятельствами негативной коннотации в условиях уязвимого и неустойчивого миропорядка. Кон-

фликты, гибридные войны, террористические атаки наносят существенный, а часто и непоправимый ущерб культурному наследию народов в физическом и нравственном смыслах. Интегративные ценности и гуманистические приоритеты культурного наследия народов подвергаются ревизии со стороны ультрарадикальных, неофашистских апологетов, которые допускают и популяризируют смещение традиционных идентичностей, разрушение устойчивых социальных структур, социальные девиации.

В этих условиях культурное наследие народов – масштабный гуманистический и гуманитарный ресурс, который противостоит социокультурным, идейно-мировоззренческим, духовно-нравственным распадам. Культурное наследие народов может трактоваться как *этнодетерминированная культура* – *altera natura*, так как оно складывается вокруг индивидуального этноидентификационного стержня.

Культурное наследие народа является не столько пополняемым хранилищем материальных и духовных народных достижений, сколько *целевым этнодетерминированным институционально-деятельностным результатом-ресурсом, который побуждает коллектив к новым творческим инициативам и обеспечивает его социальную синергетику*. Это в полной мере относится к культурному наследию народов России, которое является неисчерпаемой базой оптимального социального самочувствия и перспективного творческого настроения этнических сообществ.

Современные политико-правовые интерпретации объектов культурного наследия народов РФ в Конституции РФ, в федеральных законах, в политических концепциях гарантируют: поступательное этническое развитие; соотнесение мифологических и реалистических элементов народной жизни; сочетание архаических и модернизационных пластов народного творчества. Сохранение культурного наследия народов России – безальтернативный вектор этнокультурного самоопределения внутри российского гражданского самоопределения. При этом правовое обоснование, политическое оформление интересов народов России следует магистральной цели этнополитики РФ – сохранению этнокультурного разнообразия российского общества и упрочению российской гражданской идентичности.

Источники и литература

Алпатов В.М. Языковая ситуация в регионах современной России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/yazykovaya-situaciya-v-regionah-sovremennoyrossii>.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково Поле, 2001.

Аствацатурова М.А. Этническая память как фактор организации политического процесса Северо-Кавказского Федерального округа // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 15. Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2020.

Белик А.А. Психология культур: от архаических обществ к современной культуре // Личность. Культура. Этнос. Современная психологическая антропология / Под общ. ред. А.А. Белика. М.: Смысл. 2001.

Боришполец К.П. Конкуренция великих держав в XXI веке: российские подходы и российский дискурс // Полис. Политические исследования. 2022. № 1.

Глазунов О.Н. Общее понятие «транзитива» как перехода от одной формы организации социума к другой // Вопросы культурологии. 2007. № 11.

Гумилев Л.Н. Из истории Евразии. М.: Искусство. 1993.

Журавель В.П. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ: проблемы и перспективы дальнейшего развития и международного сотрудничества // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Москва. 2020.

Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» – Закон РФ от 25.10.1991 № 1807–1 «О языках народов Российской Федерации» (ред. от 12.03.2014) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 50. Ст. 1740; СЗ РФ. 2014. № 11. Ст. 1094.

Замахина Т. Путин сравнил продвижение западных ценностей с большевистской практикой // Российская газета. 2021. 20 октября.

Зорин В.Ю. «Слово "россиянин" не исключает нашу этническую принадлежность» [Электронный ресурс]. URL: <https://otr-online.ru/programm/segodnya-v-rossii/vladimiromzorinim-23246.html>.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html.

Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. I. Определения культурного и природного наследия. Ст. 1 и ст. 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf>.

Коротич С.А., Мандрикова Г.М. Правовой и функциональный статус языков Российской Федерации // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 3.

Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М. 1998.

Лексин И.В. Конституционно-правовые проблемы территориального устройства современного государства (особенности России и зарубежный опыт). Автореф. дисс...доктора юрид. наук. М., 2013.

Михальченко В.Ю. Языковое единство и языковое разнообразие в Российской Федерации // Языковая политика в контексте современных языковых процессов. М., 2015.

Новый текст Конституции РФ – Новый текст Конституции Российской Федерации с поправками 2020 года. Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/>.

Панова Е. 18 языков коренных народов России находятся под угрозой исчезновения // Российская газета. 2019 г. 23 марта.

Ремизов М.В. Государство в поисках нации: «русские» или «россияне» // Вестник экспертного центра. Всемирный русский народный собор. 2016. № 1.

Романо А. Вторая волна «культуры отмены». Как концепция эволюционировала, чтобы означать разные вещи для разных людей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vox.com/22384308/cancel-culture-free-speech-accountability-debate>.

Россия будет ежегодно предлагать объекты в список ЮНЕСКО, на очереди Псков и Свияжск // Интерфакс Туризм. 14 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/30945/>, <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf>.

Русский мир – 2030: каким он будет // Россия в глобальной политике. 2018. № 2. Март-апрель [Электронный ресурс]. URL: <https://glo-balaffairs.ru/articles/russkij-mir-2030-kakim-on-budet/>.

Русский язык в современном мире: настоящее и будущее: сб. статей / РАН. ИНИОН. Отв. ред. Раренко М.Б. Москва, 2021.

Сафранчук И.А., Лукьянов Ф. А. Современный мировой порядок: адаптация акторов к структурным реалиям // Полис. Политические исследования. 2021. № 4.

Суверенитет государства в современном мире. Актуальные проблемы научного и общественно-политического дискурса. Сб. статей. М.: АРГАМАК-МЕДИА. 2018.

Тишков В.А. Национальная идея России. Российский народ и его идентичность. М.: Изд-во АСТ, 2021.

Тишков В.А. Три карты. Доклад на пленарном заседании VIII конгресса российских этнографов и антропологов, г. Оренбург, 2009 г., 2–5

июля [Электронный ресурс]. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/novye_publicacii/vatishkov_html.

Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации» – Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (в ред. Указа Президента РФ от 06.12.2018 г. № 703) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949>.

Указ Президента РФ «О Совете по русскому языку при Президенте Российской Федерации» от 7.12.1995 г. № 1221 [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102038575&rdk=0>.

ФЗ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) (ред. от 30.04.2021). Консультант-Плюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/6948e011a269762e391879ff9e05c0f21cd35272/.

ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» – ФЗ № 309-ФЗ от 1 декабря 2007 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72965/.

ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» – ФЗ от 3.08.2018 г. N 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации"» // Российская газета. Федеральный выпуск. 2018 г. 7 авг. № 171(7634).

Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. Мифы. 2000 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy/viewer>.

Шкуратов В.А. Историческая психология. Ростов-на-Дону: «Город N», 1994.

Эксперты: языки малых народов Дальнего Востока находятся под угрозой исчезновения // Фонд сохранения и защиты родных языков народов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--d1acgejrfp6hc6b.xn--p1ai/?p=2419>.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат. 1991.

ОДИН ЯЗЫК ДЛЯ ВСЕХ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: РЕЦЕПТ *à la française*

Е.В. Кошелева

*Timeo hominem unius linguae*¹

«Единственным смертельным изъяном для общества является одиночество, а худшее из одиночеств – это один универсальный язык. В этом смысле "европейский Вавилон" в опасности», – предупреждает французский философ и политик Режи́с Жюль Дебре [Séminaire «La langue et la loi»: 25–31]. Одним из национальных законов, принятых на волне этого антиглобалистского страха, является Закон Французской Республики в отношении использования французского языка от 4 августа 1994 г. или Закон Тубона. Закон Тубона, названный по имени министра культуры того времени, Жака Тубона, который инициировал его принятие, пришел на смену уже неэффективного закона от 31 декабря 1975 года². По замечаниям критиков, закон 1975 г. не только не соответствовал реалиям времени, но уже в самом начале содержал в себе изъян – он имел крайне ограниченную сферу действия. Новый закон 1994 г. в продолжение конституционной реформы 1992 г., объявлявшей французский язык языком Республики, закрепил, что французский является ключевым элементом образа и культурного достояния Франции. Для обеспечения такого статуса закон вводит нормы об обязательном использовании языка в целом ряде сфер – в сфере образования, занятости, торговли и государственной службы. Отныне фран-

---

¹ С лат.: Я боюсь человека, говорящего на одном языке.

² Франция имеет давние традиции законодательного вмешательства в языковую практику: первым документом считается *Serment de Strasbourg* (842), в эпоху абсолютизма был издан королевский ордонанс *Villers – Cotterêts* (1539), во времена Первой Республики известен доклад *Abbé Grégoire* (1792), во время Пятой Республики был принят закон *Bas – Lauriol* (1975). Накануне принятия Закона Тубона помимо Закона 1975 г. положения об использовании французского языка содержались в разных иных нормативных актах Французской Республики.

цузский язык – язык этих сфер жизнедеятельности общества в Пятой Республике.

Принятие Закона Тубона сопровождалось сложными и длительными дискуссиями как в парламенте, так и среди широкой общественности. Франция вновь решала дилемму между потребностью в подлинном укреплении национальной идентичности и потребностью быть открытой процессам глобализации, дилемму национального и универсального. В первой пояснительной записке к законопроекту, представленной Комиссией по вопросам культуры Сенату³, задается ряд риторических вопросов, призванных убедить парламентариев в необходимости законодательного регулирования использования французского языка. Разве допустимо, чтобы научные мероприятия высокого уровня, проводимые государственными учреждениями, недвусмысленно игнорировали французский язык? Как не задаваться вопросами, когда французские кинематографисты, считающие себя носителем «культурной самобытности», предпочитают, для наискорейшего доступа на американский рынок, снимать свои фильмы сразу на английском языке? Что думать о народе, который, возможно, больше не будет петь на своем родном языке? Будем ли мы дальше смотреть на мир «по-французски», через язык, который сформировал наш национальный гений.

По мнению составителей доклада, парламент, выразитель «общей воли» народа, должен играть ключевую роль в укреплении позиций французского языка. Вместе с тем, докладчики предостерегли от неправильного понимания законопроекта: он не должен восприниматься односторонне, как переход к регулированию, закрытому в отношении других языков и культур. Открытость миру, мультилингвизм, повышение уровня владения и распространения родного языка – все это комплементарные задачи, – утверждает французский парламентарий Жак Лежандр [Rapport n° 309 fait au nom de la commission des Affaires culturelles].

В рамках общественных обсуждений также подчеркивалась принадлежность Франции к сообществу Франкофонии: все страны сообщества имеют права на французский язык как на средство коммуникации. Осознание этой общности, по мысли

---

³ Полный список подготовительных работ см. в переводе Закона n° 94-665 от 4 августа 1994 г. в отношении использования французского языка: <https://www.state-religion.ru/index.php?p=post&id=26>.

Катрин Таска, министра культуры в 2000–2002 гг., а в последующем (до 2011 г.) французского парламентария, усиливает ответственность Пятой Республики в отношении того, что происходит с французским языком на ее территории: последствия отражаются на всей Фракофонии [Séminaire «La langue et la loi»: 14]. Осознание этой ответственности нашло закрепление, среди прочего, в ст. 1 Закона Тубона: «Французский – основание особой связи государств, входящих в сообщество Франкофонии»⁴. Кроме того, бывший министр обратилась к проблематике другого сообщества – европейского: Франция вписана в мультилингвальный и мультикультурный контекст Европейского союза. Так, согласно п. 1 ст. 167 Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС), «Союз способствует расцвету культур государств-членов при уважении их национального и регионального разнообразия, одновременно выдвигая на передний план общее культурное наследие» [Versions consolidées du traité sur l'Union européenne]. Об этом же п. 3 ст. 3 Договора о Европейском Союзе (ДЕС): Союз «...уважает богатство своего культурного и языкового разнообразия и заботится о сохранении и развитии европейского культурного наследия». Не является ли карикатурным в таком случае сознательная или несознательная нацеленность на один общий англо-американский язык, не входит ли это в противоречие с духом европейского строительства, – задает еще несколько риторических вопросов Катрин Таска. Без вложения усилий в свой родной язык не может идти речи о подлинной мультилингвальной политике.

Примечательным является то, что во всех вопросах-восклицаниях звучит не столько языковая (французский язык не находится под угрозой вымирания), сколько культурная угроза⁵: будем ли мы дальше смотреть на мир «по-французски»?

О видении конкретных путей проведения комплексной культурной и языковой политики высказались многие общественные деятели, деятели науки и культуры, рядовые французы, европейцы... Некоторые делали акцент на необходимости

---

⁴ См. перевод Закона n 94-665 от 4 августа 1994 г. в отношении использования французского языка: <https://www.state-religion.ru/index.php?p=post&id=26>.

⁵ Отсюда название настоящей статьи: «Один язык для всех и мультикультурализм», а не «Один язык для всех и мультилингвизм».

усиления образовательной составляющей языковой политики [Séminaire «La langue et la loi»: 31, 78], другие – видели корень проблемы (и ее решения) – в коммерческой плоскости [Frangi: Электронный ресурс]. Одни – были настроены негативно и полагали, что новый закон останется «мертвой буквой» и не станет законом в полном смысле слова [De Broglie: Электронный ресурс], другие – возлагали разного масштаба надежды на законодателя и отмечали необходимость также активного политического вмешательства [Séminaire «La langue et la loi»: 38]. Одним из выступающих был итальянский писатель и ученый с мировой известностью Умберто Эко. Приведем здесь обширный отрывок из его доклада:

«Я итальянский гражданин, разговаривающий на итальянском, и я не вижу ни одной причины для своего вмешательства в обсуждение закона об использовании французского языка, но позвольте мне сделать несколько общих замечаний... Я замечаю, что те проблемы, которые есть у вас, есть и у нас... Много раз, когда я писал на французском, я использовал слово "éclatant", которое, на мой вкус, прекрасно... Для молодых итальянцев "eclatante" стало своим, итальянским. И на итальянском языке оно столь же ужасно, сколь на французском прекрасно. Во Франции я спросил одного студента: "Почему ты говоришь "eclatante", когда его нет в словаре итальянского языка?". На что он мне ответил: "Но это итальянское слово!". Он не знал, что слово-то французское. Битва проиграна, "eclatante" отныне прочно вошло в итальянский словарь, в то время как по ситуации, мы можем говорить и "chiaro", и "chiarissimo", и "folgorante", и "vistuoso"...

Глядя на это, остается лишь прийти к меланхолическому, но исторически точному заключению: в истории человеческих обществ никогда еще не было такой централизованной власти, которая могла бы изменить естественный язык, даже если это Римская империя. В противном случае, мы бы еще говорили на латыни. Этот феномен заслуживает внимания. Языки – живые организмы, которые реагируют так, как они хотят сами, совсем не так, как хочет говорящий. Вы знаете, фашизм вел самую настоящую борьбу за исключение из итальянского языка иностранных слов... Фашизм попытался заставить нас говорить "mescita", а не "bar", "desporto" вместо "sport".

Но итальянцы продолжают говорить "bar" и "sport". Это уже два итальянских слова, подчиняющихся правилам грамматики итальянского языка, по которым эти слова не изменяются в чис-

ле. Фашистские рекомендации также предписывали говорить не "chauffeur", а "autista" – к слову, "autista" является неологизмом, [по происхождению] очень изысканным архаизмом, который не так-то просто и произнести. По непонятным причинам итальянцы сегодня больше не говорят "chauffeur", они выбирают "autista". Тем не менее, мне кажется крайне понятной цель правительства защитить свой [национальный] язык, но проблема заключается не в принуждении к изменениям, а в предложении изменений⁶. Можно лишь предлагать, настойчиво демонстрировать использование неологизмов во французском языке. Рекламщики способны продать любое имя существительное, даже те, что не всегда просты. Лишь настойчивое и избыточное повторение формирует новые нормы и формы высказывания, даже если они англо- или франкоязычного происхождения. Проблема защиты языка, возможно, это проблема образования. Итак, настойчивое и длительное предложение новых языковых образцов – чтобы понять, будут ли они приняты обществом. Это своего рода супермаркет ... где предлагаются новые языковые образцы, в надежде, что потребитель решит их принять, если же нет, тем хуже ... нет, не для языка, потому что язык – это живой организм, он потребляет, что потребляет. Но здесь две проблемы, на которые я бы хотел обратить внимание: мы бы не хотели, чтобы языком-посредником в мире был английский, вместе с тем, мы боимся, что это уже будет не английский [а какой-то другой]. В течение уже нескольких лет немцы мне пишут на немецком, а я им отвечаю на итальянском. Коммуникация становится все более и более сложной, это означает, что что-то находится в процессе изменений. Есть лишь одно решение, решение, в которое я не верил до тех пор, пока не обратился к поискам одного общего совершенного языка, то есть к таким международным языкам-посредникам как эсперанто, который, в целом, с точки зрения лингвистической, с точки зрения внутренней структуры, функционирует очень хорошо. Его непринятие обусловлено проблемами исключительно политического характера. Если в аэропортах, в поезде, везде, мы начнем делать объявления, даже на эсперанто, по телевидению, ничего ему не помешает...

Это было невозможно ранее, потому что тогда мы не могли навязать принятие языка, но сейчас, через средства массовой

---

⁶ Прим.: в оригинале непереводаемая игра слов «...mais le problème ce n'est pas l'imposition, mais l'exposition [курсив наш – E.B.]».

информации, я считаю, что это сделать легче. То есть, мы можем срезать углы, которые раньше требовали 300–400 лет. Сейчас, в течение пяти или шести лет возможно, подчеркиваю, предложить, но не навязать⁷ [языковые] образцы в международном масштабе. Это [лишь] возможность. Вместе с тем, я знаю ее негативные стороны. Ваш соотечественник Фонтенель говорил, что наивно ждать от государства актов щедрости: одного универсального языка никогда не будет ... но это не является невозможным. Общий язык-посредник может быть способом ослабить власть естественного языка ... в течение тридцати лет Соединенные Штаты Америки, возможно, станут испаноязычной страной: английский язык постепенно уподобляется схоластической латыни, мертвому, но общему для всех языку. Но есть и другая сторона проблемы ... европейское сообщество никогда не будет построено без разрешения проблемы мультилингвизма. Единственный способ помещать тому, чтобы один естественный язык стал общим языком-посредником – это сделать граждан Европы способными, я не имею в виду способными говорить, но распознавать иностранные языки. Один из апостолов лингвистического образования, коммунист Коминский, говорил о необходимости учить языки. Он говорил: "Посмотрите, даже Цицерон не знал латынь во всех ее тонкостях!". Нет необходимости знать язык "целиком и полностью". Что означает, в действительности, "знать язык"? Это означает, что сегодня вечером, будучи в Испании, хоть я и не говорю по-испански, я могу общаться с испанцами. Они говорят на испанском, я – на итальянском, мы неплохо понимаем друг друга. И я их понимаю лучше, если они говорят на своем родном языке, потому что, как я считаю, язык – это всегда способ построения и категоризации окружающего мира. Если я останусь в Испании более чем на три дня, то потихоньку я смогу неуверенно бормотать несколько фраз, даже не только слов, по-испански. Это и есть мультилингвизм, о котором я говорю, это не про чудовищный мультилингвизм полиглота Рамбо, который бегло говорил на четырнадцати языках, это открытость другому. Вспомните Гумбольта, который говорил о переводе: переводить – это не только про знакомство с гением другого языка, но также обогаще-

---

⁷ Прим.: в оригинале непереводаемая игра слов: «...*d'exposer, j'insiste, pas d'imposer* [курсив наш – Е.В.], *des exemples d'emploi international*».

ние своего собственного. Именно в постоянном сравнении язык самообогащается и находит себя. Итак, это проблема для французского государства, проблема для Министерства образования и культуры, проблема обучения иностранным языкам... Обучение иностранным языкам – это единственный способ сделать Европу местом, где мы сможем спокойно говорить на нескольких языках, не став жертвами обмана или давления со стороны одного общего, универсального языка, которым может быть и исландский, и японский, я не знаю...». [Séminaire «La langue et la loi»: 78–83].

Рецепт разрешения этих проблем и предложил Закон Тубона. Нормы закона можно условно, в зависимости от цели законодателя, поделить на две группы: те, которые направлены на введение императивного и исключительного использования французского языка (в ст. 20 закона подчеркивается, что его нормы относятся к публичному порядку⁸) и те, которые имеют своей целью проведение мультилингвальной политики и развитие той открытости миру, о которой спел Умберто Эко. Рассмотрим проведение двух этих линий в каждой из заявленных в ст. 1 закона областей⁹. Выделенное ниже **жирным курсивом** будет указывать на принадлежность к первой группе норм, а *курсивом*¹⁰ – ко второй.

Образование

Как следует из ст. 6 закона любой участник любого типа публичного научного мероприятия, организованного на территории Франции, *имеет право* выступать на французском языке. То есть, закон не закрепляет обязанности выступать исключительно на французском языке. Программные материалы, распространяемые до или во время мероприятия, **должны быть** составлены на французском языке. Вместе с тем программа мероприятия *может быть* переведена на иностранные языки. Языковые требования к составлению иных раздаточных или рабочих материалов в законе

---

⁸ См. перевод Закона n 94-665 от 4 августа 1994 г. в отношении использования французского языка: <https://www.state-religion.ru/index.php?p=post&id=26>.

⁹ Основой анализа является закон в редакции 1 января 2022 г. Отступления от актуальной редакции обозначены в статье.

¹⁰ Далее курсивом в тексте также выделяются употребление *высказываний и наименований на иностранных языках*.

отсутствуют. Однако в случае редакции их на иностранном языке, они **должны** сопровождаться публикацией их краткого содержания на французском. В том случае, если мероприятие проводится юридическим лицом публичного права или частным лицом, которое осуществляет государственные функции, проведение мероприятия *должно быть* обеспечено переводом на один или несколько иностранных языков. Примечательно, что эта императивная норма относится ко второй группе формируемых Законом норм. Вводимые ст. 6 закона императивные нормы *не применяются* к мероприятиям, которые касаются исключительно иностранных граждан или посвящены развитию внешней торговли Франции.

В первоначальной редакции закона также содержалось положение ст. 11, в соответствии с которой **языком образования, экзаменов и конкурсов, дипломов и диссертаций является французский**. Закон предусматривал *целый ряд исключений*: преподавание иностранных и региональных языков и культур, случаи приглашения иностранных преподавателей, преподавание в иностранных школах или школах, специально созданных для иностранных школьников, в учебных заведениях, осуществляющих обучение международного характера. Здесь особенно можно заметить, что обозначенные законодателем исключения находятся в русле проводимой мультикультурной и мультилингвальной политики, а также, будучи разумными, защищают сам закон от абсурдного правоприменения. Сегодня введенная Законом Тубона норма продолжает действовать, однако, уже на основании ст. L121-3 Кодекса об образовании. Эта же статья Кодекса об образовании содержит сегодня положение, о котором говорил Умберто Эко: **изучение французского языка и знание двух других языков является** одними из приоритетов французского образования. Норма была введена в 1994 году.

Кроме того, в Закон Тубона включено положение ст. 21, действующее распространению региональных языков во Франции: «Положения настоящего закона не препятствуют использованию региональных языков, а также государственным и частным мероприятиям, проводимых в этих целях» [Loi n° 94-665 du 4 août 1994]. До 21 мая 2021 г. ст. 21 действовала несколько в иной редакции: «Положения настоящего закона применяются без ущерба для законодательства и иного регулирования, касающегося региональных языков Франции, и не препятствуют их

использованию». На практике условия преподавания и продвижения региональных языков определяются возобновляемыми соглашениями между Республикой и территориальными единицами. Например, 26 января 2017 г. между Францией, с одной стороны, и Новой Аквитанией и Окситанией, двумя южными регионами Франции, с другой стороны, было заключено рамочное соглашение о развитии преподавания провансальского языка [Convention cadre pour le développement]. В качестве заявленных целей в соглашении отмечаются достижение большинством учащихся в регионах владения провансальским языком на уровне A1¹¹ и увеличение числа обучающихся, которые владеют языками на уровне B1 и B2. Для достижения этого, среди прочего, были введены школьные классы с билингвальным обучением, на французском и провансальском языках. Необходимо отметить, что к региональным языкам французский законодатель относит и некоторые языки разбросанных по всей карте мира заморских территорий (так называемых *DOM – TOM*, от фр. *départements d'outre-mer et territoires d'outre-mer*¹²). Так, например 26 октября 2016 г. было заключен Протокол соглашения между Францией и Новой Каледонией, административно-территориальным образованием с особым статусом (*collectivité sui generis*), в целях реализации образовательного проекта Новой Каледонии, который предусматривал введение преподавания языка и культуры канаков.

Помимо образования, используются и иные потенциально эффективные каналы распространения региональных языков – средства массовой информации. Однако сегодня во Франции они пока не реализовали возложенных на них надежд. Так, в Приложении 9 ежегодного доклада приводится следующая статистика для телевизионного канала *France 3* [Rapport au Parlement sur l'emploi de la langue française 2017]: 94 часа вещания в год на эльзасском языке (*France 3 Alsace*), 12 часов в год на баскском языке (*France 3 Aquitaine*), 56 часов вещания на провансальском языке (*France 3 Aquitaine, France 3 Midi-Pyrénées, France 3 Languedoc-Roussillon*), 21 час на каталанском языке

---

¹¹ В соответствии с Общеввропейской системой оценки уровней владения иностранным языком, *Cadre Européen Commun de Référence pour les langues (CECRL)*.

¹² Сегодня существует три вида заморских территорий: *DOM, COM (collectivité d'outre-mer), collectivité sui generis*.

(*France 3 Midi-Pyrénées, France 3 Languedoc-Roussillon*), 73 часа на бретонском (*France 3 Bretagne*) и 81 на корсиканском языке (*France 3 Corse et de Via Stella*), что трудно назвать «настойчивым и избыточным предложением языковых образцов»¹³. «Продвижение» региональных языков в СМИ карикатурно, как отметил д.ю.н., профессор А.И. Ковлер [Открытое заседание Научного совета РАН], сводится к показу рецептов местной кухни... Совсем недавно по вопросу принят новый закон: Закон n° 2021-641 в отношении защиты регионального языкового и культурного наследия от 21 мая 2021 года [Loi n° 2021-641 du 21 mai 2021]. Продвижение следует...

Работа

Многие нормы, которые регулировали эти общественные отношения, отныне преимущественно находятся в Трудовом кодексе Пятой Республики. Речь идет о статьях 8–10 Закона Тубона в первоначальной редакции. Ст. 8 закрепляла **требование** составления письменного трудового договора на французском языке. Данное положение было признано противоречащим Конституции решением Конституционного Совета n° 94-345 DC от 29 июля 1994 г. в силу того, что оно не делало различий между юридическими лицами публичного права, юридическими лицами частного права, которые осуществляют государственные функции, и другими частными лицами. Конституционный Совет пришел к выводу о том, что игнорирование такого различия нарушает свободу выражения мыслей и мнений, закрепленную ст. 11 Декларации прав человека и гражданина 1789 года. Подобная аргументация с отсылкой к ст. 11 декларации была применена французским Конституционным Советом и в отношении других положений Закона Тубона [Décision n° 94-345 DC du 29 juillet 1994]. Например, в отношении составления внутренних трудовых регламентов (ст. 9 первоначальной редакции закона). Из иных положений ст. 8, которые впоследствии были перенесены в трудовое законодательство: в случае, когда работником выступает иностранный гражданин, то по его требованию **должен быть** сделан перевод письменного трудового договора. При этом в случае расхождения между версиями на француз-

---

¹³ См. выше перевод отрывка из доклада Умберто Эко на конференции в Центре международных конференций в Париже 4 декабря 1992 года.

ском и на языке иностранного работника, лишь последнюю версию работодатель может использовать против работника.

Отдельное внимание закон уделяет терминам, обозначающим профессии и работу: «Если предлагаемая работа может быть поименована только иностранным термином и нет подходящего слова на французском, то французский текст **должен содержать** [курсив наш – *Е.В.*] детальное описание работы на нем...» (ст. 10 первоначальной редакции закона). Эта норма в особенности злободневна в контексте появления во французском, и не только в нем, таких терминов, как «девелопер», «программер» и многих других. Французский законодатель оговаривает, что императивная норма об употреблении французских обозначений работы *касается лишь работы, осуществляемой на территории Франции, а также той работы, которая осуществляется за пределами национальной территории, но реализуется между французскими гражданами*¹⁴.

Последний критерий распространения действия нормы «по кругу лиц» особенно привлекает внимание: представляется, что такое решение отвечает поставленной французским законодателем цели защиты французского языка как ключевого элемента французской национальной идентичности... Безусловно, здесь идет речь лишь о специфических, трудового и гражданско-правового характера, общественных отношениях: в законе нет общего императива об использовании французского языка по персональному критерию принадлежности к гражданству, это противоречило бы ст. 11 Декларации 1789 г., которая предполагает «...право каждого выбирать термин, который он считает наиболее подходящим для выражения своих мыслей» [Там же]. Положения анализируемой ст. 10 закона вводят изъятия, необходимые для достижения баланса как между соблюдением прав и свобод человека и гражданина и другими конституционными ценностями, так и между обозначенными выше целями законодателя, которые он преследовал,

---

¹⁴ Достаточно того, чтобы одна сторона этих отношений (работник или работодатель) обладали французским гражданством. Под этими общественными отношениями закон имеет в виду как отношения, которые складываются на основании трудового договора, так и отношения по поводу осуществления услуг и оказания работ на иных правовых основаниях.

принимая Закон в отношении использования французского языка 1994 года.

Торговля

Коммерческие общественные отношения – как в экономике, так и в праве – особенно трудная область для нахождения баланса между открытостью международному сообществу и укреплением национальной идентичности. В контексте языковой политики торговля – эффективное средство, которое никогда не имеет нейтрального заряда, оно либо «работает на язык», способствует его продвижению и вместе с тем содействует репрезентативности тех государств, национальным языком которых он является, либо, наоборот, влечет за собой незначительность или отсутствие репутации с национальной привязкой, государства «не держат марку».

Товарным знакам посвящены сразу несколько положений Закона Тубона. Согласно ст. 14 юридическим лицам публичного права, а также юридическим лицам частного права, которые осуществляют государственные функции, **запрещено использовать** товарные знаки, содержащие в себе иностранные выражения или термины, *если* существует французский аналог, одобренный на условиях, предусмотренных нормативными положениями, касающимися обогащения французского языка. Иными словами, частные лица по французскому законодательству *могут* регистрировать товарные знаки на иностранных языках. Закон Тубона не вводит общего запрета. Также закон, в соответствии с общим принципом права *lex retro non agit*, поясняет, что положения *не применяются* к товарным знакам, первое использование которых пришлось на дату до вступления в силу закона. То есть законодатель также *не вводит требования* по переводу уже имеющихся в гражданском обороте товарных знаков на иностранных языках.

Вместе с тем, ст. 2 закона 1994 г. предусматривает, что сами наименования предлагаемых товаров и услуг, оферта, упаковка, руководства по эксплуатации, описание условий гарантии, любой вид рекламы **должны быть** на французском языке. Это вносит коррективы в экономические затраты на коммерциализацию, которые будут нести заинтересованные экономические субъекты. Данное положение об императивном использовании французского языка **также распространяется на те указания**

и сообщения, которые регистрируются вместе с товарными знаками (термин оригинала «*mentions et messages enregistrés avec la marque*»). Данная оговорка введена в качестве меры против злоупотреблений, сложившихся в период действия закона 1975 г., когда рекламные слоганы на иностранных языках регистрировались как товарные знаки. Между тем, некоторые исследователи [*Gastinel, Levalet*: Электронный ресурс] критикуют законодателя в расплывчатости формулировок: что именно имеется в виду под «указаниями и сообщениями, которые регистрируются вместе с товарными знаками»? В пояснительных записках сам инициатор закона 1994 г. Жак Тубон связывает «сообщения» с «рекламными сообщениями», например рекламными слоганами (на языке оригинала – «*messages publicitaires*»), а «указания» с «описательными или типовыми указаниями» (на языке оригинала – «*mentions descriptives et génériques*») [Там же]. Между тем, разница между ними и регистрируемым товарным знаком действительно очень тонка и требует большего разъяснения законодателя. Необходимость вмешательства обостряется еще в связи с тем, что положения закона об обязательном использовании французского языка в отношении «указаний и сообщений» не предусматривают изъятий на тот случай, когда во французском языке нет достойных аналогов. Неужели в таком случае используемый, например, рекламный слоган должен быть переведен на французский язык, даже если будет теряться игра слов, или он будет не понятен потребителю? Ведь перевод в таком случае приведет к разрушению коммерческого успеха товарного знака, обесценив или даже высмеяв его. Но даже в менее тяжелых случаях неизбежным является то, что регистрируемый товарный знак не отвечает эффекту, ассоциациям и, в конце концов, такому ценному нематериальному активу как деловая репутация, которые рассчитывал построить правообладатель. Подобное регулирование создает существенные преграды для регистрации товарных знаков иностранным и французским юридическим лицам, которые осуществляют свою деятельность на международном рынке.

Оправданно ли здесь такое регулирование, которое вносит диспропорцию в конкуренцию, создает еще более благодатную почву для паразитизма, и даже, возможно, препятствует реализации товарными знаками своих функций (по французскому за-

конодательству, ст. L713-1 Кодекса интеллектуальной собственности, главной функцией товарного знака является функция индивидуализации товаров и услуг в гражданском обороте) [Basire, 2011: 54]? Вспомним здесь и о том, что законодательное решение не может быть оправдано целями защиты прав потребителей: во Франции уже существует обширное специальное законодательство [Code de la consommation]. Итак, регулирование коммерческих правоотношений оставляет вопросы в части искомого баланса между защитой французского языка и открытостью глобальным процессам. Снижая остроту обозначенной проблемы, дополним, что положения ст. 2 *не распространяются* на продукты народного производства, а также на общеизвестные иностранные средства индивидуализации.

На специальных субъектов правоотношений (юридических лиц публичного права и частного права, осуществляющих государственные функции) ст. 5 также возлагает **обязанность по использованию** французского языка при составлении договоров, вне зависимости от их целей или формы. Закон вводит серьезные санкции на случай нарушения данной нормы: нарушившая сторона **не может ссылаться** на положение, составленное на иностранном языке, против другой стороны. Договоры, которые юридические лица публичного права и лица частного права, осуществляющие государственные функции, заключают с иностранными участниками *могут*, помимо французской версии, иметь версии на иностранных языках. Из обязательства по использованию французского языка как языка договоров специальных субъектов законодатель предусмотрел *ряд исключений*: договоры, заключаемые Банком Франции, Кассой депозитов и консигнаций, иными юридическими лицами публичного права, осуществляющими промышленную или коммерческую деятельность, которые должны быть в полном объеме исполнены за пределами национальной территории. Последние новеллы Закона Тубона коснулись именно этого положения. С 1 января 2022 г. действует уточнение о том, какие договоры в целях Ззкона считаются договорами, исполнение которых в полном объеме осуществляется за пределами Франции: к таким договорам относятся только «договоры о предоставлении инвестиционных услуг, по смыслу ст. 4 Закона n 96-597 от 2 июля 1996 г. о модернизации финансовой деятельности, и кото-

рые, в целях своего исполнения, задействуют иностранную юрисдикцию» [Loi n° 94-665 du 4 août 1994].

Государственная служба

В настоящем законе нормы об обязательном использовании французского языка сосредоточены на введении дополнительных требований в отношении юридических лиц публичного права, юридических лиц частного права, осуществляющих государственные функции, а также в отношении лиц частного права, которые получают государственные субсидии. Ст. 15 закона закрепляет положение о том, что в случае нарушения такими специальными субъектами закона полученные ими субсидии подлежат полному или частичному возврату.

Итак, французский язык – язык образования, работы, торговли и государственной службы. Помимо этих четырех сфер, Закон уделяет внимание средствам массовой информации. Регулирование общественных отношений в этой сфере, в основном, осуществляется иными нормативными актами. Закон Тубона расставляет некоторые акценты и, среди прочего, вводит Закон n°87-1067 в отношении свободы средств массовой информации (Закон Леотара) от 30 сентября 1986 года. Согласно ст. 7 Закона Тубона публикации, журналы и сообщения, распространяемые специальными субъектами на территории Франции на иностранных языках, **должны**, по меньшей мере, **содержать краткое резюме на французском языке**. Законодатель не вводит общего обязательства по использованию в публикациях французского языка даже в отношении специальных субъектов. Однако в области публичного информирования в местах общего пользования законодатель принимает иное решение: «Любая запись или объявление, размещенные на дорогах общего пользования, в открытом для широкой публики месте или на общественном транспорте и предназначенные для информирования общественности, **должны быть** [курсив наш – *Е.В.*] сделаны на французском языке» (ст. 3)¹⁵. Допускаются *отклонения от императива* в области международных перевозок.

Закон Тубона предусматривает контрольный механизм: нарушения ряда положений закона выявляются и фиксируются

---

¹⁵ См. перевод Закона n 94-665 от 4 августа 1994 г. в отношении использования французского языка: <https://www.state-religion.ru/index.php?p=post&id=26>.

должностными лицами (ст. 16 закона). В действительности Закон Тубона стал основанием для создания целой сети административных органов, находящихся в ведении правительства, которые ответственны за проведение соответствующей политики¹⁶. Правительство представляет на рассмотрение парламента уже упоминавшиеся выше ежегодные доклады о применении закона [Rapports au Parlement sur l'emploi de la langue française] и положений международных договоров, которые касаются статуса французского языка в международных учреждениях (ст. 22 закона). Отметим, что преимущественно все доклады разделены на две части: «французский язык в самой Франции» и «французский язык в мире». Первая часть, как правило, содержит рубрики «французский язык как язык Республики» (именно здесь раскрываются результаты продвижения французского языка в заявленных Законом Тубона областях) и «мультилингвизм во Франции», остальные рубрики зависят от актуальной проблематики. Так, например в отчет 2017 г. включен раздел «Социальная сплоченность». Главными рубриками второй части являются «французский язык в международных институтах» и «продвижение франкофонии в мире».

В 2019 г. Закон Тубона отметил свое 25-летие. За это время были достигнуты значительные практические результаты, отметим некоторые из них. На постоянной основе предлагаются замены слов иностранного происхождения терминами из французского словаря [France Terme]. Такие сводки регулярно публикуются в Официальном вестнике (*Journal officiel*). Так, например, были предложены и сегодня широко используются «*tout en ligne*» вместо «*pure player*», «*logiciel*» вместо «*software*», «*commerce équitable*» вместо «*fair trade*» или «*mécénat*» вместо «*sponsoring*». На подходе новые «языковые образцы»: «*joueur en direct*» (англ. «*streamer*»), «*jeu vidéo de compétition*» (англ. «*e-sport*») и многие другие [Caubet: Электронный ресурс]. Был создан специальный орган, координирующий эти и другие проекты, связанные с сохранением и развитием французского языка, – Комиссия по обогащению французского языка (фр. *La Commission d'enrichissement de la langue française*). Среди прочего, ею был запущен проект «*Les Veilleurs*» («Сторожи») по выявлению неологизмов во французском языке и по контролю за

---

¹⁶ Примеры см. ниже.

имплементацией французской терминологии. С 2000 г. во Франции также существует Национальное агентство по борьбе с безграмотностью (фр. *L'agence nationale de lutte contre l'illettrisme*). Со времен его создания наблюдается устойчивая тенденция сокращения безграмотности (приведенные далее данные представлены без учета статистики по заморским территориям Франции [Ministère de la culture de la République française]): если в 2006 г. среди молодежи насчитывалось 12,4% [Bilan de l'application...] тех, кто имел серьезные проблемы с чтением на французском языке, то через 10 лет, в 2015 г. процент составил 8,7% [Rapport au Parlement sur l'emploi de la langue française 2017], а к 2019 г. общий процент безграмотного населения составил 7%, что составляет около двух миллионов человек [Bélier: Электронный ресурс]. В отношении мультилингвальной политики длительные времена положения ст. 21 Закона Тубона считались недействующими, исключительно формальной нормой. В 2016 г. произошли серьезные сдвиги в этой сфере: с 2016 г. преподавание первого иностранного языка начинается с подготовительных школьных классов, а преподавание второго языка – с 5 класса [Rapport au Parlement sur l'emploi de la langue française 2017: 106], увеличено количество часов преподавания. Наблюдается также улучшение практики в области труда и занятости, однако некоторые нарушения из зафиксированных случаев имели тяжкие последствия для жизни и здоровья иностранных работников [Rapport au Parlement sur l'emploi de la langue française 2017: 33]. Что касается коммерческой сферы деятельности, то статистические данные также указывают на тенденцию снижения уровня нарушений закона [Rapport au Parlement sur l'emploi de la langue française 2017: 20]. В приоритетном порядке контроль осуществлялся в отношении предложения тех товаров и услуг, которые могут представлять угрозу здоровью и безопасности потребителей [Rapport au Parlement sur l'emploi de la langue française 2017: 17]. Французский язык продолжает оставаться вторым изучаемым иностранным языком в мире, такое же место французский занимает среди переводных изданий. Он является официальным языком ООН (одним из 6), официальным языком Европейского союза (одним из 24), Африканского союза (одним из 6) и Совета Европы (вместе с английским) [Ministère de la culture de la République française].

Вместе с тем Закон Тубона оставил многие проблемы нерешенными, например, проблему использования французского языка в ходе научных мероприятий, бюджет специально созданного для обеспечения перевода фонда «*fonds Pascal*» не покрывает необходимых издержек [Bilan de l'application: 16]. Также, несмотря на снижение уровня безграмотности, количество безграмотных составляет 2 млн человек, и это без учета населения заморских территорий. Формально действующей нормой остается норма о содействии продвижению региональных языков. Несмотря на заявленную роль СМИ в таком продвижении, их использование на настоящий момент не представляется эффективным. Правоприменение Закона Тубона в данной области является даже абсурдным. Как уже отмечалось, французский законодатель совсем недавно принял новое регулирование по вопросу. В отношении регулирования других общественных отношений, например, в части использования французского языка в праве товарных знаков, закон также остается несовершенным. В рамках институтов Европейского союза продолжает наблюдаться снижение процента переводов издаваемых актов на французский язык, даже несмотря на Брексит. Кроме того, нужно учесть и дату принятия Закона Тубона – 1994 год. Как замечают критики, с законом *Allgood* (калька с французского языка «*tout bon*», омонимичное фамилии инициатора *Toubon*) уже давно не все хорошо, все чаще звучат предложения о модернизации «рецепта» регулирования [*Gastaud, Lacroix-Riz, Sanfelieu, et al: Электронный ресурс*], в том числе в части соотношения его императивных и диспозитивных норм.

Источники и литература

Открытое заседание Научного совета РАН – Открытое заседание Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений «Правовая защита культурного наследия народов России» 23 июня 2022 г. в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ [Электронный ресурс] URL: <https://izak.ru/institute/announcements/otkrytoe-zasedanie-nauchnogo-soveta-ran-po-kompleksnym-problemam-etnichnosti-i-mezhnatsionalnykh-otn/>.

Bélier Arnaud. 2,5 millions de personnes souffrent d'illettrisme en France [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ouest-france.fr/education/>

2-5-millions-de-personnes-souffrent-d-illettrisme-en-france-c2c00590-0f21-11ec-9a44-75f6deb9d765#:~:text=«%20Apprendre%2C%20c'est%20réapprendre,la%20lecture%20ou%20l'écriture.

Bilan de l'application – Bilan de l'application de la loi du 4 août 1994 relative à l'emploi de la langue française [Электронный ресурс]. URL: https://www.culture.gouv.fr/Espace-documentation/Rapports/Bilan-de-l-application-de-la-loi-du-4-aout-1994-relative-a-l-emploi-de-la-langue-francaise_.

Basire Yann. Les fonctions de la marque essai sur la cohérence du régime juridique d'un signe distinctif. Luxembourg, LexisNexis, 2011. P. 673.

Caubet Kattalin. Langue française : ne dites plus 'streamer', mais 'joueur-animateur en direct' [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tf1info.fr/high-tech/langue-francaise-ne-dites-plus-streamer-mais-joueur-animateur-en-direct-2221698.html>.

Code de la consommation [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006069565/.

Convention cadre pour le développement et la structuration de l'enseignement contribuant à la transmission de l'occitan dans les académies de Bordeaux, Limoges, Montpellier, Poitiers et Toulouse (2017–2022) [Электронный ресурс]. URL: https://disciplines.ac-toulouse.fr/langues-vivantes/sites/langues-vivantes.disciplines.ac-toulouse.fr/files/fichiers/convention_cadre_occitan_signee_260117_vd_2.pdf.

Gastinel V., Levalet C. Marques et slogans étrangers : que faut-il traduire? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cairn.info/revue-legicom-1995-3-page-57.htm>.

De Broglie Gabriel. La loi Toubon, débat grave et querelle oiseuse [Электронный ресурс]. URL: <https://www.revuedesdeuxmondes.fr/wp-content/uploads/2016/11/fd5a77cc146a6f134600cd07be153941.pdf>.

Décision n° 94-345 DC du 29 juillet 1994 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1994/94345DC.htm#:~:text=Le%20législateur%20ne%20saurait%20imposer,et%20télévisuelle%20qu'ils%20soient.>

France Terme [Электронный ресурс]. URL: <http://www.culture.fr/franceterme>.

Frangi Marc. Le consommateur français entre loi Toubon et droit communautaire [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cairn.info/revue-internationale-de-droit-economique-2003-1-page-135.htm>.

Gastaud Georges, Lacroix-Riz Annie, Sanfelieu Jany, Colovray Bernard, Djament Aurélien, Saladin Thierry, Houseaux Jean-Claude, Flament Vincent, Mutel Dominique, de Staërck Gilliatt, Ravat Régis, Debray Michel. Langue française : moderniser la loi Toubon, ou renforcer et l'appliquer enfin avec rigueur [Электронный ресурс]. URL: <https://www.initiative-communiste>.

fr/articles/langue-francaise-moderniser-la-loi-toubon-ou-la-renforcer-et-lappliquer -enfin-avec-rigueur/.

Loi n° 94-665 du 4 août 1994 relative à l'emploi de la langue française [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGIARTI000006421218/1994-08-05/#LEGIARTI000006421218>.

Loi n° 2021-641 du 21 mai 2021 relative à la protection patrimoniale des langues régionales et à leur promotion [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/dossierlegislatif/JORFDOLE000041575354/>.

Ministère de la culture de la République française. Actualités : 20 ans de la loi Toubon [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.gouv.fr/Thematiques/Langue-francaise-et-langues-de-France/Actualites/20-ans-de-la-loi-Toubon>.

Rapport au Parlement sur l'emploi de la langue française 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.gouv.fr/Thematiques/Langue-francaise-et-langues-de-France/Nos-missions/Garantir-l-emploi-du-francais-dans-la-societe/Rapports-au-Parlement-sur-l-emploi-de-la-langue-francaise/Rapport-au-Parlement-sur-l-emploi-de-la-langue-francaise-2017>.

Rapports au Parlement sur l'emploi de la langue française [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.gouv.fr/Thematiques/Langue-francaise-et-langues-de-France/Nos-missions/Garantir-l-emploi-du-francais-dans-la-societe/Rapports-au-Parlement-sur-l-emploi-de-la-langue-francaise>.

Rapport n° 309 fait au nom de la commission des Affaires culturelles (1) sur le projet de loi relatif à l'emploi de la langue française par M. Jacques Legendre, sénateur [Электронный ресурс]. URL: http://www.senat.fr/rap/1993-1994/i1993_1994_0309.pdf.

Séminaire «La langue et la loi». Centre de Conférences Internationales. Vendredi 4 décembre 1992 [Электронный ресурс]. URL: https://www.culture.gouv.fr/content/download/124727/file/rencontres_toubon_annexe%20la%20langue%20et%20la%20loi.pdf?inLanguage=fre-FR.

Versions consolidées du traité sur l'Union européenne et du traité sur le fonctionnement de l'Union européenne – Traité sur l'Union européenne (version consolidée) – Traité sur le fonctionnement de l'Union européenne (version consolidée) – Protocoles – Annexes – Déclarations annexées à l'acte final de la Conférence intergouvernementale qui a adopté le traité de Lisbonne signé le 13 décembre 2007 – Tableaux de correspondance. Journal officiel n° C 326 du 26/10/2012. P. 0001 – 0390.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ КАК ПРИОРИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т.К. Ростовская, Е.А. Князькова

Значимость темы исследования определена прежде всего тем, что на современном этапе особую остроту приобретают вопросы, связанные с обеспечением национальной безопасности, преодолением экспансии западной цивилизации и утверждением права на собственную идентичность и уникальный исторический путь развития России. Реализация установки на благополучное развитие России и ее многонационального народа, сохранение и приумножение культурного наследия на основе традиционных российских ценностей являются надежным противодействием разрушительным факторам окружающей среды – терроризму, экстремизму, политическому радикализму, национализму, ксенофобии, русофобии, политическому абсентеизму и т.д. На сегодняшний день масштабы угроз национальной безопасности России, геополитическая турбулентность определяют необходимость развития гражданской идентичности молодежи как стратегического ресурса развития, главного носителя будущего, важнейшего фактора сохранения традиций и их преемственности, основного источника инноваций. В этой связи актуально формирование гражданской идентичности молодежи как ключевого приоритета государственной политики Российской Федерации.

Анализ современного состояния исследований в изучаемой области показывает, что исследовательский интерес к формированию гражданской идентичности современной молодежи присутствует периодически и связан в основном с исследованиями в сфере государственной национальной и государственной молодежной политики. Актуальными для исследования гражданской идентичности молодежи в контексте социально-управленческой деятельности являются работы зарубежных авторов [Холл, 2001; Гибсон, Иванцевич, Доннелли, 2000]. Российские исследователи [Зубок, Ростовская, Смакотина и др., 2018] рассматривают гражданско-патриотическое воспитание моло-

дежи как направление государственной молодежной и семейной политики и механизм формирования гражданской идентичности молодого поколения. Также Т.К. Ростовская и Т.Б. Калиев, будучи авторами Международного социологического исследования, проведенного в 2017–2018 гг. в России и Казахстане, исследовали ценностные ориентиры современной молодежи. Исследователи среди традиционных ценностей (семья, воспитание как привитие идеалов, образование, работа) отметили также национальную и культурную идентичности, свойственные российской и казахстанской молодежи [Ростовская, Калиев, 2019:45–46]. Проблемам формирования национальной идентичности российской молодежи посвящены исследования Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, на основе которых разработаны рекомендации органам государственной власти и управления, общественным организациям по формированию гражданской идентичности российской молодежи [Мартынова, Степанов, Тишков, 2015].

Рассмотрим теоретический базис категории «гражданская идентичность». С точки зрения психологии идентичность определяется как осознание личностью своей принадлежности к той или иной социально-личностной позиции в рамках социальных ролей и эго-состояний.

3. Фрейд отмечал, что идентичность – это бессознательный процесс подражания поведению или качествам того лица, с которым индивид себя отождествляет [Гальперин, Ждан, 1980:184–188]. В материалах статьи Е. Морозовой «К вопросу о структуре гражданской идентичности» отмечаются формы идентичности, к одним из которых автор относит гражданско-государственную, гражданско-правовую, идеологическую [Морозова, 2018: 157–165]. По мнению А. Тэшфела, Дж. Тернера, гражданская идентичность является элементом социальной идентичности, выполняет функцию систематизации своего социального опыта [Tajfel, Turner, 1986].

Гражданскую идентичность личности можно определить как осознание ее принадлежности к сообществу граждан государства, а гражданская идентичность общества проявляется как коллективное сознание, признак гражданской общности и единства.

Следует отметить, что гражданская идентичность включает в себя не только знания истории, культуры, языка, традиций,

гражданско-правового устройства общества, но и активный деятельностный компонент как желание и готовность принимать участие в гражданской жизни страны. Данный подход зародился еще в XVIII в. в трудах отечественных философов М.В. Ломоносова, Н.И. Новикова, А.Н. Радищева, В.Н. Татищева и др. и продолжил свое оформление в трудах идеолога советского образования

Н.К. Крупской, а также отечественных педагогов А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского и др., рассматривающих развитие гражданской ответственности и патриотизма подрастающего поколения как воспитательную задачу семьи, школьного и трудового коллективов.

На современном этапе ценностные характеристики личности как представителя гражданской общности, многонациональной и многоконфессиональной страны, отражены в Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и поименованы в нем в качестве *традиционных духовно-нравственных ценностей, представляющие собой ...нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.*

Формирование гражданской идентичности россиян является направлением государственной национальной политики, регулируется *Стратегией государственной национальной политики до 2025 г.* (утверждена Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666), которая дает определение общероссийской гражданской идентичности (гражданскому самосознанию) – «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества».

В разделе Стратегии «Современное состояние межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации» отмечается: «Общероссийская гражданская идентичность осно-

вана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию. В основе российской идентичности заложен социокультурный архетип русского мира, который представляет уникальное социогенетическое образование, мощный сплав верований, смыслов и ценностей русской национальной культуры, особого типа мировосприятия и мышления. Этот сплав многие столетия и тысячелетия служил верной защитой национальных основ русского государства и общества, породил своеобразные социальные скрепы, не позволяющие внешним воздействиям разрушить этническое единство российского государства и общества, объединяющее более 190 этносов и народностей. Таким образом, следует подчеркнуть, что современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации и в котором заключены такие основополагающие общечеловеческие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру. Значимым событием для укрепления общероссийской гражданской идентичности стало принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и образование в составе Российской Федерации новых субъектов. Вызванный этим патриотический подъем способствовал реализации мер государственной национальной политики Российской Федерации, активизации участия институтов гражданского общества в гармонизации межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений, снижению рисков и угроз возникновения в стране межнациональных конфликтов» [О Стратегии государственной национальной политики РФ].

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации содержит основные направления деятельности в сферах укрепления общероссийской гражданской идентичности и гражданского единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации).

В качестве одного из ожидаемых результатов реализации Стратегии государственной национальной политики определено укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации) и общероссийской гражданской

идентичности, формирование единого культурного пространства страны.

Пункт 5 «Формирование у детей и молодежи общероссийской гражданской идентичности, патриотизма, культуры межнационального общения» Плана мероприятий по реализации в 2022–2025 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года содержит мероприятия, направленные на воспитание гражданственности и патриотизма подрастающего поколения с учетом и на основе опыта образовательных организаций, местных и региональных сообществ.

Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» (утверждена Постановлением Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 (ред. 24.12.2021) в качестве одного из приоритетов также отмечает необходимость повышения уровня общероссийской гражданской идентичности и доведение ее уровня до 90% к 2030 г. в качестве решения основных проблем в сфере государственной национальной политики, поименованных в п. I «Оценка текущего состояния государственной национальной политики Российской Федерации». Следует отметить, что с 1 января 2022 г. утратила силу подпрограмма «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России», а вместо нее реализуются федеральные и региональные проекты. Однако отмечается, что «проектное управление применяется только отдельными субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями, что не позволяет обеспечить системный подход в вопросах финансового обеспечения, а также комплексность мероприятий, направленных на решение задач государственной национальной политики» [Об утверждении государственной программы РФ].

Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» в качестве приоритетных направлений реализации молодежной политики определяет «воспитание гражданственности, патриотизма, преемственности традиций, уважения к отечественной истории, историческим, национальным и иным традициям народов Российской Федерации» и «обеспечение межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия в молодежной среде, профилактика и предупреждение проявлений экстремизма в

деятельности молодежных объединений». Между тем, следует отметить, что политика России направлена на приобщение не только российских, но и иностранных граждан, включая иностранных студентов, а также соотечественников, в систему формирования гражданской идентичности посредством гражданско-патриотического воспитания и продвижения традиций и идеалов, присущих т.н. «Русскому миру» – историческому, политическому, религиозному и культурному объединению русскоязычного населения по всему миру. Данные цели утверждены в Указе Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. №611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом».

Анализ изменений в российском законодательстве в части формирования гражданской идентичности населения в целом и молодежи, в частности, обнаруживает единство общегосударственных целей и приоритетов в этой сфере, а также новые возможности в части использования перспективных и уже показавших свою эффективность технологий работы с молодежью. Школы и вузы активно реализуют уроки гражданственности и патриотизма. Задачи формирования гражданской идентичности и патриотического настроения личности стоят также перед всей системой воспитания и молодежной политики, а также закладываются в т.н. «полезные путешествия по России» (программа Росмолодежи «Больше, чем путешествия»).

В последние годы активно развиваются государственные и гражданские инициативы, способствующие формированию гражданской идентичности и патриотизма молодежи:

- закрепляется ответственность органов государственной власти, местного самоуправления за проведение работы по военно-патриотическому воспитанию молодежи;

- осуществляется государственная поддержка военно-патриотических молодежных и детских объединений, поисковых движений;

- увековечивается Победа советского народа в Великой Отечественной войне, а также память погибших при защите Отечества; принимаются дополнительные меры по увековечению памяти участников специальной военной операции;

– отмечаются дни воинской славы и памятные даты России; городам, в том числе на вновь присоединившихся территориях, присваиваются почетные звания Российской Федерации – «Город воинской славы» и «Город трудовой доблести»;

– развиваются просветительские проекты, направленные на знакомство молодежи с героями прошлого и настоящего;

– развиваются региональные военно-патриотические туристские маршруты для молодежи;

– уточняются школьные учебники по истории и обществознанию;

– пропагандируются институты семьи, материнства, отцовства и детства, молодой благополучной семьи (в том числе отмечаются День семьи, любви и верности, День матери, День отца), присваивается высшее звание Российской Федерации «Мать героиня» и государственная награда Российской Федерации – орден «Родительская слава», в регионах также вручаются награды (например, почетные знаки «Слава матери» и «За верность отцовскому долгу» в Липецкой области).

Усилия российского государства и общества должны продолжить консолидироваться вокруг решения проблемы формирования общегражданских ценностей в молодежной среде, развития патриотизма не только в отношении малой родины, но и всего государства через формирование доверия к органам государственной власти, укрепление престижа российской армии, развитие общероссийской идентичности, воспитание гражданской зрелости и единства, в т.ч. через единые учебные программы и учебники, СМИ, детские и молодежные общественные движения патриотической направленности и молодежные массовые мероприятия.

Источники и литература

Гибсон Дж.Л., Дж., Дж.Х. мл. Организации: поведение, структура, процессы. М.: ИНФРА-М, 2000. 356 с.

Луков Вал. А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ: науч. монография / Вал. А. Луков. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2012. 528 с.

Методические рекомендации органам государственной власти и управления и общественным организациям России по формированию гражданской идентичности молодежи (Мартынова М.Ю., Степанов В.В., Тишков В.А.). Пермь: ОТ и ДО, 2015.

Молодежная политика в системе формирования гражданской идентичности современной молодежи: Коллективная монография / Т.К. Ростовская, А.В. Бугаев, Т.Э. Петрова [и др.]. Москва: Российский государственный социальный университет, 2018.

Морозова Е. К вопросу о структуре гражданской идентичности // Этнодиалоги № 2 (56) 2018. С. 157–165.

О молодежной политике в Российской Федерации (Ст. 6. Основные направления реализации молодежной политики): Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328>.

О Стратегии государственной национальной политики РФ – О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512>.

О Стратегии национальной безопасности РФ – О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>.

Об утверждении государственной программы РФ – Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики»; Постановления Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 (ред. от 24.12.2021) (П III Задачи государственного управления и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, способы их эффективного решения в сфере государственной национальной политики Российской Федерации) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420388022>.

Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом – Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом: Указ Президента РФ от 05.09.2022 № 611.

Фрейд З. // Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: МГУ. 1980. С. 184–188.

Холл Р.Х. Организации: структуры, процессы, результаты. СПб.: Питер. 2001. 512 с.

Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции: монография / Т.К. Ростовская, Т.Б. Калиев. М.: РУСАЙНС. 2019.

Чупров В.И. Социология молодежи // Социология молодежи: энциклопед. словарь. М.: Academia, 2008. С. 463–464.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс. 1996.

Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations / Ed. by S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Hall Publishers, 1986. P. 7–24.

Часть 2

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

DOI: 10.33876/978-5-4211-0316-5/2023-9/125-162

ПРОШЛОЕ КАК НАСЛЕДИЕ: РОМАНОВЫ И СУСАНИН В КОСТРОМСКОЙ ПАМЯТИ¹

П.С. Куприянов

Популярный тезис о культурном наследии как ресурсе идентичности, давно ставший общим местом культурологической рефлексии, в известной степени определяет интерпретацию ключевого понятия и направление исследований в этой области. В частности, привычная концептуализация наследия как ресурса ретуширует его конструктивистскую природу и способствует его эссенциализации. Наследие в этой парадигме всегда уже существует и как-то используется социальными акторами. Тогда как процесс его *производства* – наделения определенных культурных явлений особой ценностью и качеством наследия для последующего использования – остается в тени. Другой особенностью *heritage studies* в российском поле является преобладание этнокультурного ракурса в исследовании наследия. Наследие, как правило, – «народное», «национальное», «этнокультурное». Иные «масштабы» и рамки его функционирования – локальный, региональный, микросоциальный, индивидуальный – привлекают внимание исследователей заметно реже. Наконец, в большинстве случаев наследие подразумевает разнообразные формы традиционной культуры, материальные и нематериальные.

Настоящая статья выпадает из этих магистральных трендов. Она посвящена не сохранению и развитию национальных или этнических традиций, а тому, как события и персонажи местного прошлого конструируются в качестве локальных героев – иначе говоря, тому, как в обыденном сознании осмысливается и осваивается местная история и как локальное прошлое становится наследием. Обозначенные вопросы будут рассмотрены на примере событий и персонажей костромской истории – подвига Ивана Сусанина и призвания на царство Михаила Романова. Оба они

---

¹ Статья написана в соответствии с планом научно-исследовательских работ ИЭА РАН (Народы России: социально-антропологические, этнологические, этнодемографические и историко-культурные исследования).

давно и прочно входят в локальный «пантеон», а названные сюжеты не только являются центральными для местной истории, но и позволяют описать интересующие нас процессы и механизмы на разных уровнях, от локального до регионального. Наконец, сравнительно недавнее 400-летие Дома Романовых заметно актуализировало тему Смутного времени, что способствовало появлению разнообразных и содержательных материалов².

***

Местное прошлое – важнейшее средство культурного производства локальности. Исторические события и персонажи широко и активно используются в качестве символического ресурса при конструировании локального/регионального мифа и текста. При этом интерпретация местного прошлого во многом задается именно данной прагматикой: исторические образы выстраиваются в местной традиции в соответствии с логикой и потребностями локальной мифологии. Под воздействием такого «силового поля» локальности так или иначе оказывается всякая репрезентация местной истории, вне зависимости от ее формы, жанра или масштаба самого локуса (это может быть и городская улица, и целый регион). Но в разные периоды разные темы и сюжеты могут быть подвержены локальной мифологизации в большей или меньшей степени. В данной статье на примере Романовых и Сусанина речь пойдет о локально-ориентированной репрезентации исторических персонажей и событий в современной костромской традиции³, об особенностях локально-

---

² Данная статья представляет собой переработанную версию текста, опубликованного в: *Логика трансформаций: региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов* // отв. ред. И.А. Морозов, И.С. Слепцова. М., Индрик. 2019. С. 116-143.

³ Вслед за С.Ю. Неклюдовым под традицией здесь понимается совокупность текстов и стоящих за ними представлений, принадлежащих определенному (в данном случае – локальному) сообществу [Неклюдов, 2016: 17]. Традиция в этом смысле охватывает разные сферы публичной коммуникации: не только фольклор (собственно устную традицию), но и литературу, и современные медиа. Это определяет широкий круг источников, в который входят данные наблюдений и интервью, художественные и публицистические тексты, изобразительные материалы, газетные публикации, посты и обсуждения в соцсетях и др. Основная часть использованных в статье полевых материалов собрана в 2011-2016 гг., более поздний период не рассматривается. В работе используются данные анкетного опроса среди студентов костромских вузов в 2015 г. (250 анкет).

исторического нарратива, о механизмах освоения исторического материала в локальном контексте⁴. Рассмотрение этих вопросов предваряется кратким обзором локальной мемориализации указанных исторических персонажей и событий, составляющим необходимый контекст для предпринимаемого анализа.

При том, что в центре внимания находится, во-первых, костромской регион, а во-вторых, современность, следует заметить, что многие рассматриваемые культурные механизмы, во-первых, не представляют собой исключительно костромскую особенность, а носят универсальный характер (что подтверждается анализом иных аналогичных кейсов [Куприянов, 2013, 2019]), а во-вторых, не являются исключительно современным явлением, а напротив традиционны и восходят к XVIII и XIX вв., тем более, что разговор о Романовых и Сусанине *в связи с Костромой* имеет весьма долгую историю.

Бехи локальной мемориализации

Началом истории, по-видимому, следует считать 1767 год, когда, как уже отмечалось исследователями [Киселева, 1997; Зонтиков 1997; Велижев, Лавринович, 2003], во время посещения Костромы Екатериной II призвание на царство Михаила Романова и подвиг Ивана Сусанина были впервые представлены в публичном пространстве в официальной ситуации, причем, именно в связи с Костромой, как события местной истории. Эта первая репрезентация рассматриваемого исторического сюжета во многом стала основополагающей для

---

⁴ Данная статья не содержит исчерпывающего анализа костромского дискурса о Романовых и Сусанине, а посвящена лишь проблеме конструирования локальности на историческом материале. За пределами рассмотрения остаются многие другие аспекты и грани этой темы, среди которых: фольклорные параллели и повествовательные модели, использующиеся в исследуемых текстах, разного рода повседневные и ритуальные *практики*, связанные с сакрализацией, материализацией, визуализацией рассматриваемых событий и персонажей; разные регистры и контексты их восприятия (от смехового до религиозного), наконец, весьма значимая для данного дискурса тема *аутентичности / достоверности / подлинности* – как самих исторических сюжетов (один из наиболее устойчивых мотивов, особенно в текстах о Сусанине), так и памяти о них («искусственно» конструируемой в ходе регионального брендинга).

«романовско-сусанинского текста». Прежде всего в обращенных к императрице речах костромского епископа Дамаскина (Аскаронского) и генерала-поручика А.И. Бибикова спасение и призвание Михаила представало главным эпизодом местного прошлого, а сам он неоднократно именовался «предком», «прадедом» и «прапрадедом» императрицы [Козловский, 1840: 174–175, 177, 181]. По справедливому замечанию М. Велижева и М. Лавринович, это наименование (носившее, разумеется, чисто символический характер) было частью идеологической программы императорского визита в Кострому, призванной легитимизировать Екатерину как полноправную наследницу московских государей [Велижев, Лавринович, 2003: 192].

Таким образом, с самого начала актуализация данного исторического сюжета была обусловлена насущными идеологическими потребностями, что будет характерно для этой темы и в последующем. Столь же устойчивыми элементами нарратива о Сусанине и Романовых окажется и гиперболизация значимости этих фигур и связанных с ними событий как в локальном, так и в общенациональном масштабе, и использование концептов вертикального родства (предков и потомков). Наконец, примечательно, что уже в 1767 г. Романовы и Сусанин упоминаются вместе: на протяжении всего последующего времени (за исключением советского периода, когда о Романовых старались не говорить вовсе) два хоть и связанных между собой, но в целом отдельных, самостоятельных исторических эпизода – подвиг Сусанина и призвание Михаила на царство – в локально-историческом контексте чаще всего будут привычно восприниматься и преподносятся как части одной истории. В частности, при всех последующих посещениях Костромы членами царствующего Дома имя Ивана Сусанина будет упоминаться в связи с именем Михаила Романова.

Зафиксированная поначалу лишь в законодательных памятниках (жалованных грамотах потомкам Сусанина 1619, 1644, 1692, 1723, 1724, 1731 и 1767 гг.), с конца XVIII в. «сусанинская история» появляется и в исторических справочниках, и в беллетристике – «Русском анекдоте» (1805 г.) и текстах С.Н. Глинки (1810 и 1812 гг.), а затем получает художественное воплощение в опере К. Кавоса – А. Шаховского, стихотворении К.Ф. Рылеева

и опере М.И. Глинки – Е.Ф. Розена⁵. На 1830-е гг., по мнению Н.А. Зонтикова, приходится становление государственного культа Ивана Сусанина как наглядного символа официальной народности [Зонтиков, 1997: 110]. Для локальной мемориализации Сусанина и Романовых особое значение имел приезд в Кострому в 1834 г. Николая I. Именно после него начались работы по реконструкции «царских чертогов» в Ипатьевском монастыре (палат, в которых проживали Михаил с Марфой в 1613 г.) и по созданию памятника Михаилу Романову и Ивану Сусанину. Установленный в 1851 г. на главной площади города памятник В.И. Демут-Малиновского композиционно объединял двух персонажей и утверждал особый статус событий 1612–1613 г. как главного эпизода костромской истории. В Палатах Романовых в Ипатьевском монастыре после реставрации был открыт музей.

Значимой вехой в поддержании и развитии памяти о Романовых и Сусанине в Костроме стали события 1866 г., во время которых земляк Ивана Сусанина, уроженец села Молвитино О.И. Комиссаров предотвратил убийство Д.В. Каракозовым Александра II. В костромском обществе это событие получило большой отклик и было интерпретировано в ожидаемом историческом ключе: поступок молодого костромича опознавался как повторение подвига его знаменитого земляка, а сам Осип Комиссаров прямо именовался «вторым Сусаниным» [Зонтиков, 1997: 159–161]. История Комиссарова, таким образом, способствовала актуализации романовско-сусанинской темы и утверждению представления об особой значимости Костромы и ее особой связи с царствующей династией. Показательны в связи с этим слова костромского епископа Платона, обращенные к великим князьям Владимиру и Александру Александровичам в августе 1866 г.: «Вся Россия Вам своя; но дерзаем сказать, что костромская страна Вам преимущественно своя и Вы преимущественно наши». Основанием для такого заключения, по мысли епископа, были не только события 1613 г. и двухсотлетняя память о них на костромской земле, но и то, что «из числа миллионов верноподданных, исполненных беспредельной преданности и любви к царю, Господь Бог избрал сына костромской

---

⁵ О генезисе литературно-художественного канона «сусанинской истории» см. [Киселева, 1997; Живов, 1999; Велижев, Лавринович, 2003].

страны в орудие сохранения безценной жизни Государя Императора» [Цит. по: *Зонтиков*, 1997: 164].

Пожалуй, пик мемориализации рассматриваемой темы пришелся на 300-летие царствующей династии, отмечавшееся в 1913 г. по всей стране и особенно масштабно праздновавшееся в Костроме. Кульминацией юбилея здесь стало посещение города императорской семьей, во время которого Николай II осмотрел Ипатьевский монастырь и принял участие в торжественной закладке и освящении будущего памятника в честь 300-летия династии Романовых по проекту А.И. Адамсона. В распорядок визита традиционно входила и встреча императора с потомками Ивана Сусанина – коробовскими белопахцами. Разумеется, центральной мемориальной темой этих мероприятий было призвание на царство Михаила Романова и предшествовавший ему подвиг костромского крестьянина. К приезду императорской семьи Кострома заметно преобразилась: были расчищены улицы и площади, отремонтированы многие дома, построены временные павильоны для выставки, а также – новые здания: Романовского музея и больницы Общества Красного Креста. Масштабное празднование юбилея надолго сохранилось в памяти костромичей [ПМА 2: 1, ПМА 4:1] в том числе и потому, что в городском пространстве Костромы наряду с Ипатьевским монастырем и памятником на Сусанинской площади появились новые «романовские» точки: музей, больница и место будущего памятника. Волна мемориализации 1913 г. дошла и до легендарной родины Ивана Сусанина, деревни Деревеньки: здесь на средства костромского Александровского братства была построена памятная часовня.

После революции 1917 г. в соответствии с новой идеологией память о Романовых и Сусанине в Костроме подверглась сознательному искоренению. Прежний локальный «пантеон» был кардинально пересмотрен, в результате чего призвание на царство Михаила Романова, равно как и подвиг Ивана Сусанина, утратили статус центрального события костромской истории. Согласно плану монументальной пропаганды, предусматривавшему уничтожение памятников «царям и их слугам», памятник на Сусанинской площади был разрушен, а сама площадь переименована в Площадь Революции. Схожая судьба постигла и

незаконченный монумент в честь 300-летия династии Романовых: предназначенные для него скульптуры, долго валявшиеся около постамента, были отправлены на переплавку, а на пьедестале в 1928 г. установлена фигура В.И. Ленина. Музей в Палатах бояр Романовых был закрыт.

Впрочем, если Романовы были изъяты из местного «пантеона» вплоть до 1990-х гг., то Ивана Сусанина «реабилитировали» уже в конце 1930-х на волне национально-консервативного поворота в советской идеологии. 1 января 1937 г. А.Н. Толстой в статье в «Известиях» упомянул его в качестве одного из «последних богатырей» народного эпоса, а через год в костромской прессе была развернута кампания по прославлению Ивана Сусанина, теперь уже, разумеется, не в качестве верноподданного крестьянина, жертвовавшего жизнью ради царя, а как горячего патриота своей страны, пылавшего ненавистью к иноземным захватчикам. Примечательно, что в этих газетных заметках говорится о необходимости мемориализации народного героя и отмечается, что память о нем сохраняется в сердцах земляков [Никитин, 1938; Самойлов 1938; Рейпольский 1938]⁶.

В 1939 г. «ре-мемориализация» Сусанина продолжилась на региональном и на всесоюзном уровне. Как будто в ответ на газетные призывы, Молвитинский район Ярославской области⁷ (к которому относилось село Домнино – место действия исторических событий 1613 г.) был переименован в Сусанинский, а село Молвитино – в Сусанино. В том же году в репертуаре оперных театров страны появилась «обновленная» опера М.И. Глинки под новым названием «Иван Сусанин», преобразованная С.М. Городецким из «верноподданническо-монархической» в «народно-патриотическую», где «царь Михаил заменен на народного

---

⁶ По словам одного из авторов, «славный патриот» не только служит примером «беззаветной любви к родине и беспощадной ненависти к врагам народа» для «колхозной молодежи», но и является персонажем детского фольклора: «В селениях Якимово, Деревеньки, Холм и других наиболее излюбленной считается у детей игра, отражающая геройский подвиг Сусанина» [На родине Ивана Сусанина, 1938] Ивана Сусанина // Ленинская правда (Молвитино). 1938. 14 октября.

⁷ В 1929-1936 гг. эта территория относилась к Ивановской промышленной области, в 1936-1944 гг. – к Ярославской области, с 1944 г. по наст. вр. – к Костромской области.

героя Минина, жизнь за царя – жизнью за Родину» [Живов, 1999: 57]. В годы войны, когда Сусанин стал одним из признанных исторических героев, символизирующих самоотверженную борьбу с врагом, на его родине были собраны народные средства на именную «сусанинскую» танковую колонну.

После войны память о Сусанине в Костроме продолжала поддерживаться: в 1945 г. в городском музее была открыта выставка «Иван Сусанин – патриот земли русской», в 1952 г. одна из улиц города была названа его именем, в 1967 г. в центре Костромы был поставлен памятник работы Н.А. Лавинского. В том же 1967 г. в Сусанино также был открыт небольшой музей и в 1971 г. поставлен памятник (одна из версий костромского монумента). Следующей вехой стал 1988 год, когда в рамках празднования 375-летия сусанинского подвига было проведено несколько мероприятий: в Ипатьевском монастыре исполнена опера «Иван Сусанин», у бывшей деревни Анферово на краю Иуповского болота установлен памятный камень с лаконичной надписью «Иван Сусанин. 1613», а в самом райцентре в здании церкви Воскресения Христова открыта новая музейная экспозиция, посвященная подвигу Ивана Сусанина. С этого времени началась и «ре-мемориализация» Романовых – о них стали говорить все больше и не только в связи с призванием Михаила и Сусаниным. В 1990 г. в Палатах Романовых в Ипатьевском монастыре была открыта историко-художественная выставка «Последние годы Дома Романовых. Семейная хроника», пользовавшаяся, по свидетельству очевидцев, огромной популярностью, как у местных жителей, так и у туристов [ПМА 2:2; ПМА 4:1].

Своего рода кульминацией локальной мемориализации Романовых и Сусанина в постсоветский период стал историко-художественный фестиваль «Вехи», приуроченный к 380-летию династии. Он проходил на волне освобождения от советской идеологии и возрождения исторической памяти, и характерно, что центральной темой фестиваля стали именно Романовы и Сусанин. Эмблемой фестиваля было выбрано стилизованное изображение памятника В.И. Демут-Малиновского, а в качестве почетных гостей его посетили потомки Романовых, побывавшие не только в Костроме, но и в «сусанинских» местах области. Таким образом, возрождение локальной исторической памяти

означало прежде всего возвращение на символический пьедестал персонажей и событий 1613 года.

Локальная мемориализация: новейший этап

Новейшая история мемориализации рассматриваемой темы началась с 2001 г., когда в Костроме был создан фонд 400-летия династии Романовых, в задачи которого входило возрождение местной памяти о Романовых в Костроме и координация предстоявшего празднования юбилея в 2013 году. Создание фонда было связано с деятельностью мэра города Б.К. Коробова, одного из активных поборников памяти о Романовых и Сусанине. За время существования фонда под его эгидой был издан большой объем художественной, научной, популярной литературы по теме, сувенирной продукции, проведено множество мероприятий и акций [*Костромской*, 2006]. В частности, в 2002 г. был открыт специализированный филиал централизованной библиотечной системы Костромы – Историческая библиотека Дома Романовых, миссия которой заключалась в «раскрытии 300-летнего периода правления в России императорского **Дома Романовых**, исторической значимости Костромы как «колыбели» династии» [Историческая библиотека династии Романовых].

Важным направлением деятельности фонда стало восстановление памятника В.И. Демут-Малиновского на Сусанинской площади. Этот вопрос широко освещался в местной прессе, особенно после открытия в 2007 г. в Ипатьевском монастыре выставки «История российского государства в памятниках Костромы». В многочисленных публикациях рассказывалось о судьбе оставшейся от памятника гранитной колонны, обнаруженной в свое время Б.К. Коробовым на окраине города, приводились фотографии скульптурных эскизов и макетов будущего памятника (фигуры Ивана Сусанина и бюста Михаила Федоровича) и выражалась надежда на его восстановление к 2012 или 2013 году [*Гурьянова*, 2007; *Скор*, 2007; *Сокольникова*, 2007]. Уверенности в реализации этих планов способствовала и фанерная пирамида с изображением памятника и информацией о нем, размещенная на Сусанинской площади и служившая знаком будущего монумента.

Другая мемориальная инициатива исходила от общественной организации «Семья России» и заключалась в установлении в Костроме памятника «Родительское благословение», изображающего момент благословения инокиней Марфой своего сына Михаила на царство. Усилия по продвижению этого проекта увенчались созданием скульптуры (авт. А.И. Рукавишников), которую пока удалось привезти и установить в Костроме лишь на один день 18 мая 2013 года [ПМА 5: 1, 2; Родительское благословение].

Большой резонанс получила история с проведенными по заданию губернской администрации археологическими раскопками некрополя села Исупово, где были обнаружены останки, приписанные Ивану Сусанину. Результаты этих работ были представлены на конференции «Смутное время в контексте становления российской государственности и личность Ивана Сусанина: мифы и реальность» в марте 2006 г., широко освещались в прессе и получили неоднозначную оценку как у специалистов, так и у обывателей [*Петров, Беляев, Бужилова*, 2011].

Так или иначе, мемориализация Романовых и Сусанина в Костроме в 2000-е гг. происходила довольно активно. В различных публикациях, мероприятиях, музейных экспозициях и программах (как Костромского музея-заповедника, так и Церковно-историко-архитектурного музея в Ипатьевском монастыре, и даже Костромского музея деревянного зодчества) романовско-сусанинская тема звучала все чаще, особенно в 2007–2012 гг., когда костромским губернатором был И.Н. Слюняев. По его инициативе в Костроме началась разработка региональных брендов, среди которых центральное место занял бренд «Кострома – колыбель династии Романовых». В 2010–2012 гг. едва ли не вся деятельность, относящаяся к теме Романовых и Сусанина, проходила в рамках «Романовского фестиваля», формально ставшего главным культурным событием региона.

Активное развитие (и популяризация) фестиваля на протяжении трех лет обещали масштабные мероприятия в юбилейном 2013 г., однако этим ожиданиям не суждено было сбыться. В 2012 г. со сменой губернского руководства изменились и культурные приоритеты: по инициативе нового губернатора С.К. Ситни-

кова были свернуты все «романовские» программы, закрыт Романовский фестиваль, прекращено бюджетное финансирование «Фонда 400-летия дома Романовых» [Малова, 2012; Скудаева, 2012] и 2013 год, вопреки давним ожиданиям, не ознаменовался никакими значимыми мемориальными акциями. Изменение культурного «курса» не прошло незамеченным. Так, в ответ на исчезновение фанерной стелы с Сусанинской площади в «Костромских ведомостях» была опубликована заметка с заголовком «Костромичи прощаются с брендом "Кострома – родина Романовых"?» [Шевченко, 2012], сопровождавшаяся стихотворным экспромтом:

«Обещал когда-то мэр нам,
Что годочков через пять
Вместо стелы той фанерной
Будет памятник стоять.
Стелы больше я не вижу
(хоть кричи, хоть слезы лей),
И фанерой над Парижем
Пролетает юбилей...» [Тишинков, 2012]⁸.

Словом, уже в 2012 г. стало понятно, что Романовы вновь «сдали позиции» в локальном «пантеоне»: «...И вот, как только пришли они (команда нового губернатора – П.К.), тут же прям [их] первые слова [были], что мы не будем праздновать Романовых, а будем праздновать возрождение российской государственности. Или День российской государственности. То есть Романовы –уже всё...» [ПМА 2: 3].

Между тем, потеря ключевой символической позиции не означала полного запрета (как в первые годы советской власти): тема Романовых и после 2012 г. продолжает уверенно «звучать» в Костроме, пусть не в качестве «центральной», но одной из основных. Об этом свидетельствуют данные анкетного опроса, проведенного в 2015 г., согласно которым бренд «колы-

---

⁸ В настоящее время небольшой мемориальный комплекс обустроен во дворе дома Б.К. Коробова на Горной улице (д. 20-а). Здесь находится вышеупомянутая гранитная колонна от памятника В.И. Демут-Малиновского и уменьшенная копия самого памятника, торжественно открытая 22.02.2013 г. Фоторепортаж с открытия см.: <http://xn--100-5cd3cmnarjl.xn--p1ai/korobov/romanovs-400/otkritie-pam>.

бели династии Романовых» продолжает восприниматься как один из перспективных для Костромы, а наиболее значимой достопримечательностью города считается Ипатьевский монастырь, связываемый с Романовыми. Кроме того, подтверждением актуальности романовской темы могут служить, например, открывшаяся в июне 2018 г. в Костромском музее-заповеднике выставка «Романовы. Россия. Кострома», представляющая масштабные живописные полотна на исторические сюжеты, а также прошедшие в центральном городском парке фестиваль «Царские дни», посвященный 100-летию гибели царской семьи, и уличная выставка «Кострома под покровом первых лиц государства», рассказывающая о связи города с правителями России.

Камни в оправе

В тех исторических репрезентациях, которые создаются в рамках локального мифа и выстраиваются в соответствии с его логикой и потребностями, местное прошлое, как правило, предстает не длительным как процесс, а дискретным, в виде ограниченного набора неких значимых точек – сюжетов, событий и персонажей, в большей или меньшей степени заслоняющих или поглощающих все остальное. В полной мере это относится и к нашему случаю. В 2000-е гг. тема Романовых и Сусанина уверенно доминирует в качестве центрального исторического сюжета в разных сегментах публичного пространства Костромы: в местных СМИ, в сувенирной продукции, в музейных экспозициях, в городском пространстве. В 2010–2012 гг., в период активной разработки этой темы, едва ли не 80% газетных публикаций на историческую тематику были посвящены Романовым и Сусанину. Тема Романовых «звучит» на региональных краеведческих конференциях, большая часть литературы по местной и региональной истории непосредственно связана с Романовыми, и на обложках городских путеводителей непременно присутствует какое-то изображение, отсылающее к данной теме: Ипатьевский монастырь, снесенный памятник В.И. Демут-Малиновского или образ Ивана Сусанина.

С 2010 г. это доминирование центральной темы поддерживается также концепцией Романовского фестиваля, согласно которой он служит своеобразной формальной рамкой, объединяющей разные, не всегда связанные с Романовыми мероприятия⁹. В результате едва ли не любое культурное событие города и области, а особенно – тематически связанное с местной историей, проходит «под шапкой» фестиваля и тем самым получает маркер (и статус!) «романовского».

Еще более отчетливо (чем в большом городе) «поглощение» центральным сюжетом (или персонажем) всех прочих проявляется в небольшом поселке Сусанино. Главный местный герой Иван Сусанин уверенно «заслоняет» собой всех остальных связанных с этим местом лиц, в том числе и А.К. Саврасова, создавшего здесь знаменитую картину «Грачи прилетели». Местная история оказывается лишь фоном для центрального события и центральной фигуры. В связи с этим характерно, что в Сусанине нет краеведческого музея, а есть лишь «Музей подвига Ивана Сусанина» (к слову, располагающийся в той самой церкви, что изображена на хрестоматийном саврасовском полотне), где не находится места ни для местных промыслов, ни даже для военной темы [ПМА 2: 4]¹⁰.

---

⁹ На официальном портале Государственных органов Костромской области сообщалось, что всего в 2012 г. в рамках Романовского фестиваля было проведено 350 (!) мероприятий (<http://www.adm44.ru/news/2012/03/a04c1f8b-0285-4809-a8d2-3d498118660e.aspx?dis=>). Среди них не только конференции, выставки и публикации, но и довольно неожиданные в романовско-сусанинском контексте мероприятия вроде соревнований по бегу на собачьих упряжках, праздничной программы «Славим женщину» или офицерского бала для сотрудников костромского УВД (<https://pandia.ru/text/79/363/5048.php>; <http://geum.ru/next/art-342353.php>).

¹⁰ В силу такой тематической концепции музея более органичной для нее, чем сюжеты собственно местной истории, оказывается тема Романовых (исторически имевших весьма опосредованное отношение к этим местам): после закрытия в Ипатьевском монастыре нашумевшей выставки «Последние годы Дома Романовых. Семейная хроника» она была частично перевезена именно сюда (что неудивительно в контексте привычного для костромского текста объединения романовского и сусанинского сюжетов).

Такая ситуация не уникальна и вполне закономерна в условиях целенаправленного территориального брендинга, требующего одного яркого образа, а не многослойной и неоднозначной картины местного прошлого. Примечательно, что в рассуждениях на эту тему местные жители, даже признавая непропорциональное распределение исторического материала в образе места, как правило, не склонны драматизировать ситуацию, характеризуя ее иногда с помощью нетривиальных метафор: «Ну, знаете, это как... касты и камень. Вот "губернский город" – это каст, в котором стоит "бриллиант" Романовых <...> Но все идет к тому, что останется только камень. И сегодня, к сожалению, это, вот, и происходит...» [ПМА 4: 1].

Заметим, что даже обеспокоенность за судьбу «оправы» не заставляет сомневаться в бриллиантовом статусе «камня»: для автора этого высказывания (как и для многих других костромичей) Романовы вполне заслуженно занимают центральное место в костромской истории. На чем зиждется такое представление? Каковы основания этого статуса (разумеется, не исторические, а – «локально-мифологические»)? За счет чего Романовы и Сусанин оказываются центральными фигурами местного прошлого? Иными словами, как создается этот «бриллиант», каковы механизмы и приемы его «огранки» и каким образом он закрепляется в «оправе»?

***

Опыт изучения локальных текстов вообще и репрезентации в них местного прошлого в частности показывает, что отбор наиболее важных / «достойных» сюжетов, участвующих в формировании образа места, происходит не случайно. «Претенденты» на ключевые позиции должны обладать совершенно определенными качествами. С одной стороны, они должны быть очевидно «привязаны» к месту, *локальны*. А с другой стороны, значимыми оказываются, как правило, те из них, которые имеют отношение к национальной истории. *Местное* прошлое ценно постольку, поскольку включено в «большую» историю; причастность к ней – непереносимое условие для попадания в локальный исторический пантеон. В него входит не просто то, что выделяет место из других мест, но в первую очередь то, что делает его значимым в глобальном масштабе. В этом «магнитном поле» между *глобальным* и *локальным* «полюсами» и осу-

ществляется конструирование ключевых локально-исторических сюжетов / персонажей. Их функция в рамках локального мифа заключается не просто в репрезентации локуса, но в том, чтобы сделать его различимым и узнаваемым в национальном (или мировом) историко-культурном пространстве. Это своего рода пропуск в «большую» историю, обеспечивающий не много не мало – символическое существование места, извлекающий его из небытия, спасающий из реки забвения. И фигуры Романовых и Сусанина, несомненно, соответствуют этим требованиям: устойчиво репрезентируемые и воспринимаемые как герои, «прославившие Кострому» [ПМА 5: 1,2]¹¹, они представляют собой мощный символический ресурс, вполне пригодный для указанных целей.

Очевидно однако, что для успешного функционирования этого «спасательного механизма» необходимо его надежное крепление на обоих концах: и глобальном, и локальном. Иначе говоря, важно, чтобы этот сюжет / персонаж, с одной стороны, занимал как можно более значимые позиции в той самой «большой» истории, а с другой, – чтобы он был надежно и уверенно связан с самим местом. Именно эти два условия и являются основными факторами, определяющими локальную интерпретацию данного исторического фрагмента, именно на них направлены основные усилия по конструированию соответствующего образа прошлого. Все это относится и к рассматриваемому случаю.

Единственное в летописях отечества...

Прежде всего, в многочисленных костромских текстах и репрезентациях последовательно и настойчиво подчеркивается *исключительная значимость* данного сюжета в глобальном масштабе – в российской и мировой истории. Это проявляется в соответствующих характеристиках основных действующих лиц – главных героев событий – Ивана Сусанина и Михаила Романова (а также родителей последнего Марфы и Филарета), но особенно – в оценке и характеристике самого события – призвания Михаила на царство 14 (27) марта 1613 года. Этому событию приписывается первостепен-

---

¹¹ Ср.: «Много славных страниц было в истории Молвитина-Сусанина, но знаменито оно стало именно подвигом Ивана Сусанина, отдавшего жизнь за царя, за Русь» [Поленов, 2011].

ное значение не просто в истории Костромы, но именно в судьбе всей России и даже мира:

«Акт призвания на царство М.Ф. Романова, состоявшийся в Костромском Ипатьевском монастыре 14 марта (ст.ст.) 1613 г., поставил Кострому и ее древнюю обитель в ряд главных достопримечательностей России, связанных с историей царской династии Романовых» [Литография].

«В Костроме, в стенах Ипатьевского монастыря, перед ликом чудотворной иконы Божией матери Феодоровской, совершилось событие, которое определило путь нашего государства на следующие триста лет...» [Исторический день, 2009].

«...четыре столетия назад на Костромской земле произошло событие, определившее дальнейший ход российской, да, пожалуй, и мировой истории» [Поленов, 2012].

Надо заметить, что такого рода утверждения, в изобилии встречающиеся в разнообразных текстах, не просто констатируют факт избрания нового царя, а содержат определенную интерпретацию этого события. Речь идет о том, *что*, собственно, считается призыванием Михаила на царство. В данном случае решающее значение приписывается не его избранию на Земском соборе, не въезду его в Москву и не венчанию на царство – но именно выражению согласия перед московским посольством в марте 1613 года. Вне зависимости от того, насколько такая версия корректна с исторической точки зрения, она, конечно, абсолютно обоснованна прагматически: ведь только в такой интерпретации призывание Романовых на царство оказывается связано с Костромой. Вопрос о том, что именно и почему следует считать призыванием на престол, в рассматриваемых текстах возникает редко. Но если и возникает, то решается однозначно:

«Многим хорошо известен факт избрания 16-летнего костромского боярина Михаила Романова Земским собором на московский престол в феврале 1613 года. <...> Но если быть точным, то точкой отсчета 300-летней эпохи царствования династии Романовых должно быть не избрание Михаила, а его согласие занять царский трон» [Абакшин, 2009].

Закономерным образом именно это событие и становится главным объектом мемориализации. Встреча Михаилом и Марфой московского посольства в Ипатьевском монастыре описывается и упоминается в самых разных формах и на разных носителях: не только в газетных, краеведческих, информационных текстах, но и в рассказах экскурсоводов, и в музейных экспозициях, и в произведениях местных художников, и в детских рисунках и поделках, и в туристических буклетах, и в другой сувенирной продукции. Наряду с изображениями монастыря и царскими портретами, призвание Михаила на царство – наиболее популярный сюжет художественных иллюстраций в разных костромских изданиях (чаще всего в разных видах и вариациях воспроизводится известная миниатюра из «Книги об избрании Михаила Федоровича на царство...», изображающая встречу московского посольства у монастырских ворот). Кроме того, день 27 марта является организующей точкой для коммеморации: наиболее значимые события «Романовского фестиваля» («Романовские чтения», парламентский форум «Историко-культурное наследие России» и др.) приходятся именно на конец марта, а кульминацией, естественно, становится мероприятие с характерным названием «Исторический день», которое проводится непосредственно 27 марта и заключается в театрализованном воспроизведении ключевого исторического события у стен Ипатьевского монастыря.

Презентация рассматриваемого сюжета на «Историческом дне» весьма показательна и содержит ряд характерных моментов. Во-первых, здесь подчеркивается *уникальность* описываемого события:

«14 марта... в том месте, где река Кострома сливается с Волгой, соединились Москва и Кострома в лице святынь их, освященных соборов, сановников и множества народа в одну знаменитую процессию, единственную в летописях нашего отечества» [ПМА 2: 7].

Представление избрания Михаила Федоровича как уникального явления, не имеющего аналогов в отечественной и мировой истории, является важным элементом «романовского мифа», акцентирующего богоизбранность нового царя [*Уорт-*

ман, 1995: 56; Назаров, 2016]¹² и воспроизводится в костромском тексте, постольку, поскольку уникальность события здесь подчеркивает и уникальность места. Во-вторых, согласно сценарию «Исторического дня», главные сцены действия предваряются описанием предшествующих событий, выдержанном в патетическо-драматическом ключе и изображающим впечатляющую картину разрушения страны в годы Смуты:

«И казалось, не будет больше царства московского, казалось, погиб третий Рим, и четвертому не бывать! И шел великий стон по Руси: что вера гибнет, что враг нас одолел, что православным тесно, что стон и плач сирот и горьких вдов как дымный столб на небеса восходит, что легче смерть от острого ножа, чем видеть, как ругаются святыни! Что лучше умереть, но Русь от иноземцев и воров очистить!..» [ПМА 2: 7].

Следует отметить, что довольно продолжительное описание разорения (кажущееся избыточным и по длительности, и по эмоциональному накалу) не представляет собой особенность именно данного сценария, а напротив, оказывается довольно традиционным для популярных и особенно – художественных текстов о Смутном времени¹³. Однако в данном случае впечатляющее описание разрушения и запустения выполняет особую функцию, подчеркивая исключительную важность центрального события – призвания царя – знаменующего окончание Смуты и возрождение страны. Контраст между предшествующим разорением и последующим процветанием становится в локальных репрезентациях одним из инструментов конструирования исключительной важности события 14 марта 1613 г., позволяющей представлять его именно как *переломный момент*, как день, «повернувший историю вспять» [Абакшин, 2009].

---

¹² Заметим, что в исследовательской литературе, напротив, подчеркиваются структурные, содержательные и процедурные сходства основных элементов избрания на царство Михаила с предшествующей традицией – см., например [Лаврентьев, 2011; Антонов, 2009: 152].

¹³ Схожая композиция – в спектакле костромского исторического театра «Ряд» «Хроники Смутного времени» (ПМА 2: 6). См. также: Воцарение Дома Романовых. Избрание на царство Михаила Федоровича Романова в 1613 году / под общ. Ред. Б.К. Коробова. Кострома. Костромаиздат, 2010. С. 3.

Ценность этого перелома обосновывается двояко. С одной стороны, избрание нового царя знаменует начало *новой династии*, с которой связываются многочисленные «победы» России: «она возвеличила Россию, образовав одно из величайших государств мира, когда-либо существовавших на земле» [Воцарение Дома Романовых, 2010]. Фигура Михаила в этой конструкции становится как бы провозвестником грядущего процветания¹⁴, на которого проецируются все будущие достижения династии. С другой стороны, призвание царя приравнивается к окончанию Смуты, которое и определяет непреходящую значимость события. И в этом ракурсе важно уже не начало новой династии, а *возрождение государственности*. По словам президента Фонда 400-летия династии Романовых М.В. Валовой:

«...это была не просто смена правящей династии (в Древнем Египте было 33 династии, они сменяли друг друга, и от этого практически ничего не менялось), но и решение проблемы существования Российского государства как такового» [Меркурьева, 2008].

Интерпретация событий 1613 г. как обеспечивших само существование страны (а не просто положивших начало новой династии) позволяет говорить о Костроме как о колыбели не только династии Романовых [Молоканова, 2002], но и – российской государственности [Меркурьева, 2010] или, как сказал И.Н. Слюняев на «Историческом дне», – Российской империи:

«Многие золотые буквы вписаны в книгу истории государства Российского костромичами. Две династии – Годуновых и Романовых! Многие победы, поэты, литераторы, военачальники – Кострома должна гордиться своими земляками! Но главная дата отмечается сегодня. К тем брендам, о которых мы любим вспоминать, добавился еще один: Кострома – это колыбель Российской империи» [ПМА 2: 7].

Важно отметить, что в подобных высказываниях осуществляется едва заметный переход разговора из хронологической в пространственную модальность: в результате определенных смысловых акцентов, смещений и умолчаний начало новой ди-

---

¹⁴ В этом смысле ошибочное с исторической точки зрения именование его первым русским царем является вполне закономерным (<http://semyarossii.ru/2013/pamyatnik/846-rotonda.html>).

насти и возрождение государственности оказывается атрибутом места:

«С костромской земли началось возрождение разоренного "Смутным временем" российского государства. Именно из Костромы, из Ипатьевского монастыря, приглашен на царствование в 1613 году Михаил Романов» [За веру].

«Роль Костромы должна стать ключевой. Возрождение началось здесь, в Ипатьевском монастыре, поэтому роль города очевидна. С Костромой связано возвращение государственности на нашу землю» [Меркурьева, 2010б; Слюняев, 2012].

Такой дискурсивный поворот обнажает прагматику мемориальных текстов и акций в локальном контексте, заключающуюся в «продвижении» самого места, которое и оказывается главным героем повествования, в данном случае обеспечившим процветание и развитие государственности. Однако для символической репрезентации места посредством исторического сюжета или персонажа недостаточно указать на их значимость в локальном и глобальном масштабе – необходимо продемонстрировать их локальную укорененность. Поэтому следующим шагом в конструировании костромского нарратива о Романовых и Сусанине становится обнаружение и манифестация их неразрывной связи с Костромским краем.

КостРомановы

Эта связь конструируется разными способами. Один из них – устойчиво повторяемое совместное упоминание места и персонажа. Регулярное появление имени Романовых вместе с названием города Костромы формирует в сознании воспринимающего зрительное или слуховое клише, объединяющее эти два понятия. Очевидно, этому же способствует и постоянное «звучание» романовской темы на общественных мероприятиях [ПМА 2: 1] и в СМИ, а также присутствие имени Романовых в городском пространстве Костромы – на растяжках, билбордах и городских афишах, а также – на расположенной в центре города «Аллее признания», где доски с именами Михаила Романова и Ивана Сусанина появились одними из первых.

Иногда совместное употребление названия места и имени значимого персонажа перерастает в языковую игру, порожд-

дающую довольно остроумные неологизмы вроде слова «костромановский», или заголовки вроде «Роман Костромы с Романовыми» [Рубанков, 2005; Шанина, 2012]. Такие удачные языковые находки, буквально реализующие «срастание» Романовых с Костромой, также способствуют закреплению соответствующего представления.

«Романная» метафора, как и в целом постоянная эксплуатация темы *связи* между *Романовыми* и *Костромой* закрепляет мифологическое по сути представление о них как о неких вневременных и неизменных феноменах, вступающих между собой в определенные *отношения*. Репрезентация Романовых не как условной совокупности правителей, объединяемых в одну династию по формально-родовому признаку, а как самостоятельной *коллективной сущности*, единой во многих лицах, – основополагающая черта романовского мифа, во многом строящегося на абсолютизации династической преемственности и игнорирующего исторический контекст. Прямое визуальное воплощение этот образ находит в жанре коллективного портрета всех правивших представителей династии, в котором цари и императоры разных столетий изображаются вместе, в одном интерьере. Костромской вариант такого портрета – картина художника Н. Габидуллина, написанная по заказу фонда 400-летия Династии Романовых – экспонируется в одном из залов Исторической библиотеки Дома Романовых и воспроизводится на сувенирных открытках.

Точно такой же единой и неизменной, «равной себе» в разные исторические периоды, как династия Романовых, предстает в данном дискурсе и Кострома, в этом смысле представляющая собой аналогичный мифологический конструкт: подобно тому, как идея единства династии является основой романовского мифа, представление об идентичности (= самоидентификации) *места* является фундаментом локального мифа.

Еще одним действенным инструментом является использование словесных формул, таких как «Колыбель династии Романовых» – по свидетельству местных жителей, эта фраза давно навязла в зубах и «уж то, что Михаила Федоровича призвали на царство в Ипатьевском монастыре уж точно все знают» [ПМА 3: 1].

Так или иначе, под воздействием в том числе указанных языковых механизмов связь Михаила Романова и Костромы в

сознании костромичей закрепляется настолько сильно, что даже памятник Юрию Долгорукому иногда называют памятником Михаилу Романову [ПМА 2: 7]. Эта *приватизация* исторического персонажа ярче всего проявляется в соответствующем локальном эпитете: Михаил Романов периодически именуется *костромским* боярином [ПМА 2: 7; Абакшин, 2009]. В этой связи характерно открытие в 2009 г. в Костромском музее-заповеднике выставки с броским названием «Костромское боярство: кадры для трона». Помимо того, что концепция выставки, выраженная в названии, задает уже знакомую локально-глобальную перспективу, она примечательна еще и тем, что как бы заигрывает с распространенным представлением о костромских корнях Романовых¹⁵:

«...Поэтому попытались и в оформлении поиграть немножко, и в то же время выстроить экскурсию таким образом, что начать [с того], почему именно с Костромой связано, да, и потом уже продолжить теми событиями, которые произошли в Москве <...> Ну и, собственно говоря, Кострома получается: Годунов, по официальной версии, и Романовы, да... то есть, собственно говоря, Лжедмитрий тоже по одной из версий...

– Тоже ваш?

– Тоже наш! Собственно говоря, из костромских вотчин. Поэтому мы посчитали такое вот название уместным» [ПМА 2: 5]¹⁶.

Привычное обозначение Михаила Романова как *костромского боярина* в обыденном восприятии недвусмысленно указывает на Кострому (в том числе в широком значении – костромскую землю) как место его рождения:

---

¹⁵ Ср. аналогичную языковую игру, основанную на многозначности слова «дом», в названии статьи [Тишинков, 2010].

¹⁶ Судя по записям в книге отзывов, локальный акцент, сделанный авторами в этой исторической экспозиции, безошибочно считывается посетителями: «...Очень эффектно воздействие красного зала, подлинных царевых грамот, подлинных вещей, которыми пользовались такие далеки уже наши предки <...>. Романовы и Кострома неразделимы!» [ПМА 2: 8. Запись 28.01.2009).

- В Москве тоже есть Палаты Романовых, на улице Варварке – где Михаил Федорович родился...
- Как это?
- Ну, царь Михаил Федорович, которого здесь призвали на царство – он там родился...
- Он разве в Москве родился? Он же у нас родился! В этом, вот... в Домнино! Он же наш, костромской... [ПМА 1: 1. Запись 29.03.2011]¹⁷.

Идея о костромском происхождении Михаила Федоровича легко обобщается до Романовых вообще, так что в местных текстах они предстают «нашими земляками», а костромская земля – их «родными местами» [Абакшин 2008; Сироткин, Веденеев 2011]. Представление о том, что Романовы родом из Костромы, становится своего рода аксиоматическим фоновым знанием, порой служащим основой для наивных культурологических построений, примечательным образом связывающих Кострому, Романовых и Россию:

«Город, действительно, грязный, прием таковым был всегда <...> Есть даже такая бредовая (а может, и нет) идея, что эта особенность уже всей России обусловлена тем, что Романовы именно отсюда. То есть приоритета чистоты, порядка, этакой обустроенности, не было у правящей династии, а значит не было и у страны» [Никитинский, 2017].

Важно подчеркнуть, что представление о костромском происхождении Романовых не имеет серьезных фактических оснований. Что касается Михаила, то вотчина в Домнине и дом в Костроме принадлежали его матери Ксении (Марфе) Ивановне Шестовой и в качестве приданного перешли к его отцу Федору (Филарету) Никитичу. Вероятнее всего, осенью 1612 г. Михаил появился в Костромском крае впервые, и после посещения Макарьево-Унженского монастыря уехал в Кострому, а затем и в Москву. Сведения же об обширных владениях бояр Романовых в приунженском крае в XVI в., встречающиеся как у дореволюционных, так и у современных авторов [Васенко 1913: 53, Волкова 2010: 7, Торпов 2011], не находят досто-

---

¹⁷ По данным анкетного опроса, эту точку зрения разделяют около 10% опрошенных. Около трети считают Романовых костромскими боярами [ПМА 4: 2].

верного подтверждения [ПМА 2:3, *Хохлова* 2012]. Поэтому, строго говоря, имеющиеся исторические данные не позволяют говорить о костромских корнях Романовых до XVII в. – это представление конструируется исключительно в соответствии с потребностями и логикой локального мифа, непременно требующего прочной связи между местом и персонажем.

Как нельзя лучше этим потребностям отвечает маргинальная гипотетическая версия, высказанная еще в 1907 г. макарьевским историком В.В. Беляевым [*Беляев*, 1907], о пребывании Михаила Романова в Макарьево-Унженском монастыре в 1601–1606 гг. под присмотром старца Давида Хвостова. Она позволяет компенсировать недостаток исторических оснований, подтверждающих пресловутую связь Романовых с костромским краем, поэтому охотно воспроизводится современными авторами, подчеркивающими особую важность именно этого периода в становлении будущего царя:

«Под руководством очень грамотного и мудрого старца маленький Михаил рос и укреплялся духовно, креп физически в общении с дивной нетронутой природой» [*Лебедева*, 2008]¹⁸.

Примечательно, что в других интерпретациях детские годы Михаила связываются не с Макарьевым, а с самой Костромой:

- А вот это что за сюжет [на картине]?
- Это вот Михаил Федорович со своим наставником.... Это вот они жили у нас, там, где я показывала.
- В Кремле?
- В Кремле, да. А это его наставник. Вот он с детства его воспитывал, да [ПМА 3: 4].

Основной посыл данных фрагментов заключается не просто в том, что детство Михаила прошло на костромской земле, а в том, что здесь он смог *укрыться* от всех невзгод Смутного времени. Мотив *спасения будущего государя*, известный, прежде всего, по сусанинскому сюжету, оказывается актуален и для других костромских мест, причем, как в «положительном», так и в «отрицательном» варианте:

---

¹⁸ См., также [*Исаченко, Старова* 2009; *Волкова, Коробов* 2012: 34].

«Макарьевской обители молодой царь был обязан всем: жизнью, здоровьем и возведением на царство» [Волкова, Коробов, 2012: 79];

«Существует предание, что Михаил Федорович Романов, спасаясь от поляков, просил жителей Буя укрыть его; те отказали, за что Михаил Федорович проклял их словами: "Будьте вы ни богаты, ни бедны!"» [Приезжий, 2012].

Однако в региональном масштабе существенно не то, какое именно место дало приют будущему царю, а то, что это произошло на костромской земле:

«То, что Михаил стал царем, большая заслуга Костромского края. Здесь он скрывался в самые опасные годы Смутного времени, сумел выжить и стать основателем новой династии» [Волкова, 2010: 17].

«По существу из шестнадцати лет до своего восшествия на престол он восемь лет жил здесь. Хотя вопрос достаточно спорный, но тем не менее. Это очень важно. Историк Беляев писал: "Если бы в тот период времени не был Михаил Романов на Костромской земле, он бы непременно погиб. И тогда, вероятно, не было бы всей династии и того величия и развития России"» [Тишинков, 2010].

Последняя цитата содержит два элемента, крайне типичных для анализируемого дискурса. Во-первых, это формула «если бы не..., то...», прямо указывающая на исключительную роль места в судьбе героя (если бы не Кострома, то Михаил бы погиб). А во-вторых – столкновение локального (костромская земля) и глобального (Россия), обычно строящееся на контрасте между незначительностью, удаленностью и провинциальностью места (ср.: «Домнино было далеко от столицы, затерялось в глубокой провинции» [Волкова, б.г.] и его неоценимой роли в судьбе страны. Такая игра масштабами, обнаруживающая «*великое в малом*» – довольно распространенная в локально-исторических нарративах – обычно имеет схожую структуру и использует концепты сердцевины или чаще – начала, рождения, зарождения, возрождения. В костромском материале этот прием встречается довольно часто; именно по названной модели строятся уже упоминавшиеся формулы «Кострома – колыбель династии Романовых / государственности / Российской импе-

рии», «Маленькая родина великой державы», а также «Кострома – душа / сердце России» [Воинов, 2010, ПМА 1]¹⁹.

Сусанин – из Сусанина

Другой главный герой рассматриваемой темы Иван Сусанин также последовательно «привязывается» к месту, однако это осуществляется несколько иначе, чем в случае с Михаилом Романовым, что обусловлено главным образом особенностями «биографии» героя и связанного с ним сюжета. По-видимому, в силу очевидности места происхождения Сусанина этот момент не является значимой точкой приложения риторических усилий. Сусанин присутствует не только на гербе, но и – что гораздо важнее – в названии места (района и села), поэтому тот факт, что он местный житель, не требует специального дополнительного подтверждения. Важнее оказывается другое – показать, что его появление именно здесь неслучайно, что оно обусловлено **уникальными качествами самого места**. И как нельзя более подходящим для этого оказывается фигура Осипа Ивановича Комиссарова. Появление еще одного спасителя государя в *этих же самых* местах убедительно указывает на их – *этих мест* – неповторимые особенности:

«И вот на нашей костромской земле жили всегда такие именно патриотичные люди, верноподданные, значит, своему государю. <...> И вот на нашей земле подвиг Ивана Сусанина, вот именно за веру, царя и отечество, был повторен Осипом Комиссаровым» [ПМА 4: 3].

Стройный образ особого места, «порождающего» спасителей царей и героев-патриотов, несколько размывается многочисленными фактами повторения подвига Ивана Сусанина, часто упоминаемыми в контексте данного сюжета. Но и они не отменяют особого статуса места – поскольку он может обосновываться как уникальностью героических фигур, так и наоборот их типичностью:

---

¹⁹ Ср. также название школьного конкурса рисунков: «Кострома. Россия начинается здесь» / План мероприятий Романовского фестиваля на 2012 год на территории муниципальных образований Костромской области (<http://geum.ru/next/art-342353.leaf-3.php>).

«И Сусанин, и Комиссаров олицетворяют самую суть, значат, духовной жизни и самую суть верноподданничества русского народа, потому что любой человек, который был бы на месте Комиссарова, сделал бы то же самое» [ПМА 3: 5]²⁰.

Вне зависимости от оснований, на которых зиждется исключительный статус сусанинских уроженцев, их подвиги указывают на локальные вневременные константы, которые проявляются или порождаются культурными героями и в той или иной степени оказываются присущи всем жителям этих мест, в том числе – современным. Так, сусанинцам (или костромичам – в зависимости от «уровня» нарратива) приписывается особая верноподданность или патриотизм:

«... как я успел заметить, в Сусанине все – патриоты. И по-другому быть не может! Ведь именно из этих мест вышел великий предок, давший имя поселку и району, – Иван Сусанин, здесь он совершил свой подвиг, ставший синонимом патриотизма» [Самойлов, 2013].

Несмотря на казенную риторику (а возможно, как раз благодаря ей), эта короткая фраза содержит важные элементы локально-исторического нарратива вообще, и сусанинского в частности. Во-первых, она фиксирует превосходный статус персонажа (совершенный подвиг – образец патриотизма), во-вторых, отмечает его связь с местом («вышел из этих мест»). А кроме этого, Сусанин здесь характеризуется как «великий предок, давший имя поселку и району», благодаря чему его образ обретает явные архетипические черты. Важно подчеркнуть чисто символический характер как родственной, так и территориальной связи Ивана Сусанина с современным поселком и его жителями: как известно, он жил в Домнине, и к Молвитино (совр. Сусанино) отношения не имел, так же, как и его потомки, уже в XVII в. переселившиеся в с. Коробово за сотню верст от места легендарного подвига. Однако, как и в случае с Романовыми, соответствие историческим данным не является необходимым

---

²⁰ Немаловажно и то, что Сусанин выступает основоположником героической традиции. Чаще всего упоминается о его последователях [Борисов, 1987] и редко – о предшественниках [Григорьева, 1990: 10-11].

условием для успешного конструирования и функционирования мифологического образа.

Репрезентация Сусанина как **предка** – довольно устойчивая и традиционная составляющая его образа, восходящая еще к XIX в. – в настоящее время активно эксплуатируется в разнообразных текстах и практиках. В частности, едва ли не обязательным элементом публичных мероприятий в районе и поселке является приветствие и обращение легендарного героя в исполнении одного из местных жителей к землякам. По особым случаям в эту речь включается стихотворение современного автора Н.Ф. Малой²¹, крайне показательное в рассматриваемом контексте. Знаменательным образом начинается оно с описания места:

«Край былинный, Сусанинский древний,
Все холмы, да леса, да поля,
Перелески, проселки, деревни,
Это наша родная земля.
Все здесь русской историей дышит,
В каждом камне – бывшее живет,
И торжественной поступью – слышите –
К нам история наша идет».

Соединение «природной» и «исторической» темы здесь отражает не столько особенности авторской поэтики, сколько характерную черту сусанинского локального текста, в котором (после свертывания в 1990-е гг. шапочного и сырного производства) именно они являются основными составляющими:

– Красоты у нас: болото какое! Такого нигде нет. Болото, озера... <...> У нас туристы приезжают, встанут на наше крыльцо: «Ох! Русская Швейцария!». А сколько художников-то едет сюда, рисуют.
– Приезжают тоже, да?
– Да, да, да! И храм рисуют, и местность... Конечно, мы и гордимся-то вот – историей и природой [ПМА 2: 4].

Вслед за короткой прамбулой, представляющей место действия, в стихотворении следует речь Сусанина:

«Вы помните, я тоже пращур ваш...»

---

²¹ В частности, оно звучало на открытии 16 Сусанинских краеведческих чтений в Сусанино в 2013 году [ПМА 3: 5]. Далее стихотворение цитируется по этой аудиозаписи.

По той же я земле ходил когда-то,
Но в край болотистый забытый наш
Пришли они, лихие супостаты.
Веди, мол, нас, старик, через снега...».

Далее идет лаконичное описание самого подвига и гибели главного героя, после чего он обращается к слушателям со своим завещанием:

«Что внукам завещать бы я хотел?
Вот этот лес, и холм, и наше поле...
Родную землю эту берегите!
За память, за почет – поклон примите...
Поклон за то потомкам-землякам,
Что край родной Сусанинским назвали.
Вы все мне словно сыновьями стали,
Одной семьей великой на века!
Живите гордо, счастливо и вольно!..
Услышьте голос мой через века...».

Нельзя не заметить, сколь настойчиво здесь воспроизводится мотив родственной связи Сусанина с потомками, для акцентирования которой автор использует разные термины родства: «пращур», «внуки», «сыновья», «семья». Вместе с тем, важно подчеркнуть, что это родство имеет не генетическую, а пространственную природу; «родственная» связь здесь обусловлена местом – именно оно является основанием, объединяющим «пращура» Сусанина в одну «семью» с нынешними сусанинцами, которые неслучайно именуется не просто «потомками», а «*потомками-земляками*». Таким образом мотив родства связывается с другим столь же важным мотивом – родной земли. Представленный в прамбуле «холмами, лесами, полями, перелесками, проселками», он получает развитие в основной части стихотворения, где упоминаются «земля», «снега», «болотистый край». «Родной край», «родная земля», «вот этот лес, и холм, и наше поле» предстают главной ценностью, которую герой и завещает беречь своим потомкам. Такая «экологическая» заинтересованность и сентиментальная привязанность именно к родной земле выглядит неожиданной для общепринятого образа Ивана Сусанина, но в контексте локального

мифа является, как видим, вполне закономерной. Если «дореволюционный» Сусанин умирает за царя, а «советский» – за Родину (=страну) [Живов, 1999: 54–58], то «местный» – за свой родной край. Именно таким предстает Сусанин в спектакле костромского исторического театра «Ряд» «Хроники Смутного времени»:

– Вот и она, березонька моя!
Была издалека ты мне видна...
Вишь, как, дуреха, на ветру простыла.
Не зря, видать, меня к себе манила,
Придется мне теперь остаться с ней.
Пришел конец моих последних дней...

<...>

– Помочь ты согласился нам не зря,
За будущего ратую царя!
– Спасал я не царя.
– Тогда кого же?
– Спасал я то, что мне всего дороже:
Вот эту землю бедную мою,
На коей перед вами я стою! [ПМА 2: 6]

Таким образом, место становится важнейшим элементом локального сусанинского дискурса: оно порождает героя, оно оказывается главной ценностью, ради которой он жертвует жизнью, и оно связывает его с потомками.

Связь Сусанина с землей демонстрируется по-разному и в разных контекстах. Так, в описаниях памятника Н.А. Лавинского общим местом являются слова о том, что именно из земли, на которую посохом опирается герой, он черпает мужество и волю» [Зонтиков, 1997: 268] / «силу и решительность» [Камкина, 2012]. Также часто в описании внешности Сусанина используется «природный код», благодаря чему он не просто предстает «вышедшим из лесов» [Терпелов, 2011: 28], но и сам уподобляется дубу и изображается как полумифический персонаж «богатырской лесной породы» [Старшинов, 2011: 17]²². Кроме того, Сусанину приписывается не только привя-

---

²² По замечанию С.Ю. Неклюдова, фольклорный образ Сусанина сам по себе связан с мотивами лесной глуши, топи, бездорожья [Неклюдов, 2016: 27].

занность, но и хорошее знание своего края – или как просто местному жителю²³, или даже как леснику: «он был как егерь, лесник, знал хорошо местность» [ПМА 3: 2].

Устойчивые мотивы вертикального родства и связи с местом в локальном сусанинском дискурсе дополняются мотивом уподобления герою или даже *воспроизведения, повторения* Ивана Сусанина в его потомках. По-разному освоенный «царской» и «советской» версиями сусанинского мифа, в локальной интерпретации этот мотив приобретает свои специфические черты: едва ли не главной воспроизводимой чертой здесь становится не спасение государя и не уничтожение врагов, а связь с местом, укорененность в родной земле и знание местности. Таким, например, изображается в художественном очерке «На родине Сусанина» Михаил Тимофеевич Шустин, домнинский старожил, сопровождающий на болото столичного геолога:

«Это был старичок лет 70, невысокий, но плечистый и коренастый <...> Старик шел быстро, опираясь на палку. Он знал каждый кустик, малейшую извилину тропинки, едва заметную складку местности и, казалось, мог пройти в любом направлении, закрыв глаза. Обутый в кирзовые сапоги, он двигался по крутым склонам оврага, крепко, по-солдатски ставя на землю ногу <...>

Даже отрешившись от места действия и ситуации (очевидно отсылающим к известному сюжету), в фигуре проводника легко узнать сусанинские черты, не ускользающие и от главного героя очерка:

«Может быть, такой же ядреный, жилистый и подвижный, как этот Михаил Тимофеевич, был его далекий предок, тот, что этой же заветной тропой вел на погибель отряд польских шляхтичей, – думал Мясников.

– Наша порода – кремень, – словно отгадав мысли спутника, заговорил Михаил Тимофеевич. – Люди у нас спервоначалу рождаются вроде щуплые, а вырастут – на медведя один

---

²³ Экскурсовод по выставке в Костромской библиотеке с негодованием отвергла шутовское предположение одного из слушателей, что Иван Сусанин «просто заблудился»: «Он не мог просто так заблудиться! Потому что он был местный, и это глупо так думать, что он заблудился» [ПМА 3: 4].

на один идут. В нутре у них особый корень имеется. Его ничем не вытянешь» [Хрящев, 1948: 160–161].

Таким же кряжистым и коренастым описывается современными местными жителями их земляк Владимир Ш., исполняющий роль Сусанина в театрализованной сцене, разыгрываемой для туристов на болоте. Однако главное, что роднит его с Сусаниным, – не внешнее сходство и не убедительная актерская игра, а ... знание местности. Как и Сусанин, он оказывается егерем [ПМА 3: 3], хорошо ориентирующимся в лесу и в пресловутом болоте, и знающим, в отличие от приезжих, опасные и безопасные пути:

– А что, опасно там [на болоте? – П.К.]

– Ну, для Сусанина-то, для Володи, не опасно, а вот для тех, кто идет [без сопровождения – П.К.] – да.

<...>

–У нас тут приехала сборная [туристическая группа – П.К.]: американцы, французы, как раз поляки были, немцы. Володя их повел по тропе. Немец идет за Володей: «Ну, тут утонуть невозможно, тут вон кусты растут!». Он Вовке так надоел, и он говорит: «Да вот и иди прямо!». Ну, тот шагнул метров десять и так: «Бульк!». А Володя мужик здоровый, его – за шиворот и так, по-мужски: «Ну, дальше пойдешь?» – «О, найн, найн, найн!». И – к колодцу. У колодца его полчаса отмывали [ПМА 3: 2].

Отмечая, что знание местности оказывается одним из атрибутов легендарного героя в его локальной интерпретации, нельзя не упомянуть, что вообще разговор о Сусанине часто переходит в «топографическую модальность» и предполагает обсуждение местной «карты» и особенности территории. Нередко топографическая компетентность служит аргументом в исторических реконструкциях происходивших здесь событий²⁴. И это, очевидно, имеет свои основания. В сусанинской истории топографическая, пространственная тема задается уже самим сюжетом, в котором концепт места, локуса играет едва ли не

---

²⁴ «Там даже если предположить, что они шли, и потом его похоронили на этом исуповском кладбище, то какой-то непонятный маршрут-то получается. Потому что я, как охотник, те края я знаю» [ПМА 3:3]. Ср. [Домнинский, 1871: 7].

главную роль. Как в самом сюжете интрига строится вокруг знания / незнания местности Сусаниным и поляками, так и в богатой традиции его изучения, описания и репрезентации (как художественной, так и беллетристической, и академической) вопросы о месте встречи Ивана Сусанина и поляков, их маршруте и месте гибели, а также месте захоронения народного героя являются основными пунктами полемики.

Одним из распространенных способов «прикрепления» персонажа или события к пространству является *локализация* – при которой они получают конкретную пространственную «привязку», часто произвольную или малообоснованную. Таких точек может быть несколько, но, как правило, есть какое-то одно главное место. Так, среди костромских «романовских» мест «главным», очевидно, является Ипатьевский монастырь. В случае же с Иваном Сусаниным такого главного места фактически нет. Сусанинское мемориальное пространство как бы распределено по нескольким точкам, среди которых памятный камень, часовня на предполагаемом месте дома героя, памятник и Музей подвига Ивана Сусанина в поселке Сусанино, сосна на болоте, у которой, по преданию, он погиб, само болото, Домнинский храм и другие возможные места захоронения останков.

С одной стороны, эта ситуация как нельзя лучше отражает отсутствие достоверных сведений и общепризнанной версии развития событий, а с другой, демонстрирует настоятельную потребность в пространственной фиксации памяти о них. Собственно, почти все перечисленные точки возникли в свое время как мемориалы, каждый раз заново фиксирующие памятные события в пространстве и тем самым создающие все новые и новые сусанинские места. Часовня 1913 г., памятник в поселке 1971 г., мемориальный камень 1988 г. и сусанинская сосна 2003 г. знаменуют вехи локальной мемориализации Сусанина.

Закономерным следствием такой рассредоточенности мемориального пространства стало появление на автомобильной трассе специальных указателей: одного – с надписью «Место подвига Ивана Сусанина», другого – со схемой расположения «Сусанинских мест». При всей своей непосредственности и некоторой курьезности, эти щиты весьма *уместны и показательны*. Функционируя одновременно и в качестве индексов (маркирующих данное пространство как «сусанинское»), и в каче-

стве инструментов (помогающих найти дорогу), они не только отсылают к собственно сусанинскому сюжету (актуализируя мотив ориентирования в лесу), но и наглядно демонстрируют значимость *места* в локальной исторической памяти.

***

Место – центральный концепт локального текста. Все, что включается в локальный текст, так или иначе «работает» на место, в том числе и история. В «силовом поле» локальности прошлое оказывается «задано» местом, исторические события и персонажи получают специфическую интерпретацию. Прошлое конструируется в соответствии с логикой и потребностями локального мифа, а не с историческими источниками и фактами. При этом речь идет именно об определенной логике и технологии: образы исторических лиц и событий создаются не произвольно, а с помощью конкретных механизмов, по определенным моделям, в соответствии с конкретными задачами. Именно так происходит с Романовыми и Сусаниным в костромском тексте.

Между тем, очевидно, что их присутствие в костромской традиции не исчерпывается рассмотренной выше специфической «локальной» интерпретацией. Романовы и Сусанин «живут» и в анекдотах, и в молитвах, и в детских поделках костромичей. Это прошлое осваивается в разных регистрах, контекстах и практиках, что отражает многогранность, динамизм, полиморфизм наследия и открывает новые направления и горизонты в изучении даже старых и хорошо знакомых сюжетов.

Источники и литература

Абакшин С. Наши земляки цари Романовы // Костромские ведомости. 2008. 3–9 июня. № 23.

Абакшин С. День, повернувший историю вспять // Костромские ведомости. 2009. 31 марта–6 апреля. № 13. С. 5.

Антонов Д.И. Смута в культуре средневековой Руси. Эволюция средневековых мифологем в книжности начала XVII века. М., РГУ, 2009.

Беляев В.В. История города Макарьева на Унже и о пребывании в Макарьевском монастыре царя Михаила Федоровича. СПб., Издание И.М. Чумакова, 1907.

Борисов Н.В. Они повторили подвиг Сусанина. М., Просвещение. 1987.

Васенко П.Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Феодоровича / изд. Комитета для устройства празднования 300-летия царствования дома Романовых. СПб., 1913.

Велижев М., Лавринович М. Сусанинский миф: становление канона // Новое литературное обозрение. 2003 № 63. С. 191–193.

Волкова Е.Ю. Костромской край и династия Романовых: учебное пособие. Кострома. Изд-во Костромского гос. технолог. ун-та. 2010.

Волкова Е.Ю., Коробов Б.К. «Тяжела ты, шапка Мономаха!»: жизненный путь Михаила Романова к престолу. Кострома. Костромаиздат. 2012.

Волкова Е.Ю. Жизненный путь Михаила Романова к престолу. Б.г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kostromka.ru/russia/volkova/michail.php>.

Воцарение Дома Романовых. Избрание на царство Михаила Феодоровича Романова в 1613 году / под общ. ред. Б.К. Коробова. Кострома. Костромаиздат, 2010.

Живов В.М. Иван Сусанин и Петр Великий. О константах и переменных в составе исторических персонажей // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. С. 51–65.

Зонтиков Н.А. Иван Сусанин: легенды и действительность. Кострома, 1997.

Григорьева Т.Н. Патриот земли русской. Кострома, 1990.

Гурьянова Н. Сусанин возвращается в Кострому? // Новые Костромские ведомости. 2007. 4 апреля. № 13. С. 9.

Домнинский А.Д. Правда о Сусанине (свод местных преданий) // Русский Архив. 1871. № 2. Стлб. 1–35.

«За веру, царя и Отечество». Интерактивная программа. (буклет). Кострома. ООО «Турсервис». Б/г.

Исаченко В. Старова О. (сост.) Макарьев на Унже. Исторические очерки. Кострома. Изд-во КОИРО, 2009.

Историческая библиотека династии Романовых // Централизованная библиотечная система г. Костромы [Электронный ресурс]. URL: <https://cbs-kostroma.ru/filials-cbs/romanovs>.

Исторический день. Призвание на царство Михаила Феодоровича Романова. Кострома. Креатив. 2009.

Камкина С. Михаил Романов и Иван Сусанин: чудесное спасение или случайное совпадение? Исследовательская работа ученицы 5 класса МОУ Гимназия № 15 (рукопись).

Киселева Л.Н. Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник. Вып. 2. М., РГУ 1997. С. 299.

Козловский А.Б. Взгляд на историю Костромы составленный трудами князя Александра Козловского. М., 1840.

Костромской «Фонд 400-летия династии Романовых»: пять лет на страже исторического наследия России // Комсомольская правда. 2006. 23–30 марта. С. 15.

Куприянов П.С. Ныробский узник: исторический персонаж как «гений места» // Фольклор XXI века: Герои нашего времени: Сб. ст. / Сост. М. Д. Алексеевский. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора. 2013. С. 39–54.

Куприянов П.С. Исторический персонаж как локальный бренд, или сказочная история Дуняши Стрешневой // Воображаемая территория: от локальной идентичности до бренда. Сб. ст. / Сост. М. В. Ахметова; отв. ред. Н. В. Петров. М. Неолит, 2018. С. 107–133.

Лаврентьев А.В. Выборы царя 1598, 1606 и 1613 гг.: опыт Смутного времени (к постановке вопроса) / Смутное время и земские ополчения в начале XVII века: к 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П.П. Ляпунова: сб. трудов Всероссийской научной конференции, Рязань, 11–12 апреля 2011 г.. Отв. ред. В.Н. Козляков. С. 91–103.

Лебедева Г. Неизвестные страницы истоков царской династии Романовых // Благовест. 2008. № 7–8. Сентябрь–Октябрь. С. 9.

Литография – Литография «Встреча Великого Московского Посольства Михаилом Феодоровичем Романовым у Святых ворот Костромского Ипатьевского монастыря 14 марта 1613 года» Середина XIX в. (репродукция на открытке).

Малова Л. Сергей Ситников: «Если будем работать вместе, будет намного лучше» // Костромские ведомости. 2012. 31 июля – 6 августа. С. 4–5.

Меркурьева Ю. Маленькая родина великой державы // Северная правда. 2008. 02.02. С. 8.

Меркурьева Ю. Кострома – колыбель государственности // Северная правда. 2010. 18.01. С. 6 (а).

Меркурьева Ю. Связь времен. II Парламентский форум «Историко-культурное наследие России» прошел в Костроме 27 марта // Северная правда. 2010. 31.03, № 26. С. 3 (б).

Молоканова Т. Колыбель Дома Романовых // Северная правда. 2002. 20.08. С. 8.

На родине Ивана Сусанина // Ленинская правда (Молвитино). 1938. 14 октября.

Назаров В.Д. «Ближний приятель» царя Михаила Федоровича – Михаил Романов. Как конструировался начальный миф Романовых // 400-летие дома Романовых. 1613–2013. Политика памяти и монархическая идея. Сб. статей. Под ред. В.В. Лапина и Ю.А. Сафроновой. СПб., Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. С. 23–49.

Неклюдов С.Ю. Литература как традиция. Т. 1. Темы и вариации. М., Индрик, 2016.

Никитин И. Восстановить памятник // Северная правда. 1938. 30 июня.

Никитинский ЖЖ.РФ.? Во что превратилась «Колыбель Дома Романовых». Комментарий. 01.02.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://dobriy-vasya.livejournal.com/506030.html?page=4#comments>.

Петров А.Е. Беляев Л.А., Бужилова А.П. Между наукой и областной администрацией: опыт фальсификации останков Ивана Сусанина с помощью заданной интерпретации археологических и судебно-криминалистических исследований / Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М. Институт археологии РАН, 2011. С. 247–267.

ПМА 1 – Экспедиция в Кострому, март 2011 г. Дневник.

ПМА 2 – Экспедиция в Кострому и Сусанино (Сусанинский р-он), март–апрель 2012 г. Информанты: 1 – Н.Ф. Басова, 1942 г.р.; 2 – С.Г. Виноградова 1956 г.р.; 3 – С.А. Уткин, 1964 г.р.; 4 – Т.А. Груздева, 1954 г.р. (Сусанино); 5 – Р.Ю. Мальцев, 1981 г.р., Л.Н. Новожилова 1963 г.р. 6 – уличный спектакль «Хроники Смутного времени» исторического театра «Ряд». 27.03.2012. 7 – «Исторический день» 27.03.2012 г. 8 – Костромской Государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Книга отзывов.

ПМА 3 – Экспедиция в Кострому и Сусанино, март, сентябрь 2013 г. Информанты: 1 – О.В. Хохлова, 1989 г.р.; 2 – А.Н. Сизов, 1940 г.р. (с. Домнино Сусанинского р-на); 3 – А.В. Павлов, 1950 г.р. 4 – Экскурсия по выставке в Костромской областной научной библиотеке 25.03.2013. 5. – Сусанинские краеведческие чтения 27.03.2013 г.

ПМА 4 – Экспедиция в Кострому, сентябрь 2015 г. Информанты: 1 – Л.И. Сизинцева, 1958 г.р. 2 – Анкеты (250 шт.). 3 – Уличная экскурсия по Костроме, 30.09.2015 г.

ПМА 5 – Экспедиция в Кострому, март–апрель 2016 г. Информанты: 1 – Л.В. Ерофеева, ок. 70 лет; 2 – Г.В. Попова, 1940 г.р.

Поленов И. Край былинный, сусанинский, древний // Сусанинская новь. 2011. 29 марта. С. 1.

Поленов И. Есть чем гостей к нам завлечь // Сусанинская новь. 2012. 23 августа. С. 3.

Приезжий. Как железную дорогу строили // Сусанинская новь. 2012. 20 сентября. С. 4.

Рейпольский С. Народный герой // Северный рабочий. 1938. 26 октября.

Родительское благословение // «Семья России» [Электронный ресурс]. URL: <http://semyarossii.ru/2013.html>.

Рубанков К. Роман Костромы с Романовыми // «Московский комсомолец» в Костроме. 2005. 23–30 марта. № 11. С. 4.

Самойлов В. Кострома в середине XVIII в. // Северная правда. 1938. 21 июля.

Самойлов О. В Сусанине все – патриоты // Костромские ведомости. 2013. 20–26 августа. № 33. С. 10.

Слюняев И. Сусанин на Джипе: живая история // Культура [Электронный ресурс]. URL: <http://portal-kultura.ru/articles/history/susanin-na-dzhipe-zhivaya-istoriya/>.

Сироткин И., Веденеев П. Родные места Великой династии. Исследовательская работа учащихся «Профессионального лицея № 15» г. Костромы. 2011 г. (рукопись).

Скор А. Кострома – OldВасюки, или город трех Сусаниных // Костромская народная газета. 2007. 28 февраля. № 8. С. 4;

Скудаева А. Власти Костромы прекратят финансировать фонд 400-летия дома Романовых // РИА Новости. Кострома [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/culture/20120615/673935367.html>.

Сокольников М. Сусанина увековечат еще раз // Аргументы и факты. Кострома. 2007. 4 апреля № 14 (172). С. 1.

Старшинов Е. Сказ об Иване Сусанине // Северная правда. 13.03.1973. С. 1.

Терпелова Т.К. Образ Ивана Сусанина в живописи и скульптуре // 14 Сусанинские краеведческие чтения. Сусанино. 2011. С. 21–36.

Тишинков Д. Борис Коробов: Дом Романовых – в Костроме // Северная правда. 2010. 10 февраля. № 15. С. 9.

Тишинков Д. Не царское дело? // Костромские ведомости. 2012. 28 августа – 3 сентября. № 34. С. 3.

Торопов С.Н. Бояре Романовы и Приунженский край // Страницы времен. Историко-краеведческий альманах. Кострома. 2011. № 2 (9). С. 33–34.

Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т.1–2. М.: ОГИ, 1995.

Хохлова О.В. Землевладения бояр Романовых в Приунженском крае в XVI – XVII вв. // Романовские чтения. Кострома и судьбы российской государственности. Материалы конференции Кострома, 15–16 марта 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kon.libed.ru/1konferenciya-istoriya/160448-32-romanovskie-chteniya-kostroma-sudbi-rossiyskoj-gosudarstvennosti-materiali-konferencii-kostroma-15-16-marta-20.php>.

Хрящев В.А. На родине Сусанина. Очерк / Литературный сборник. Кострома, 1948.

Шанина Д. КостРОМАНовская –= 2012: время разбирать медали // Северная правда. 2012. 4 апреля. № 25. С. 8.

Шевченко В. Костромичи прощаются с брендом «Кострома – родина Романовых»? // Костромские ведомости. 2012. 28 августа – 3 сентября. № 34. С. 3.

РУКОПИСИ РЕЛИГИОЗНОГО СОДЕРЖАНИЯ В НАРОДНОЙ СРЕДЕ

О.В. Кириченко

В 1990-е гг. для занимающихся религиозной тематикой этнографов-полевиков открылось многое из того, что прежде, в советское время, не представляло никакого интереса. Обилие информации, возможность работать в рамках больших, крупных тем по православию в народной среде, – вызвало тогда к жизни много сопутствующих явлений в Институте этнологии и антропологии РАН, в отделе русского народа: появился весьма популярный семинар, издавались сборники и коллективные монографии, стал выходить журнал «Традиции и современность» и т.д. Мы торопились все успеть собрать, чувствуя, что двери, которые открыли нам в богатейший мир религиозного народного мировоззрения, культуры и самобытной традиции, – это счастливая историческая случайность, особое время, которое неизвестно сколько продлится.

Мне лично трудно до сих пор оценить масштабы собранного тогда материала и лишь частично пока введенного в научный оборот. Вместе с нами восхищались тогда богатством неизданного филологи из института славяноведения РАН, собиравшие народный нарратив на западном пограничье России и Белоруссии [*Лабынцев, Щавинская, 2012: 68–122*]. Мы обсуждали найденные экспедиционные материалы и сближались во мнении, что собрать все имеющееся в наличии просто нет сил и возможностей. Всеми нами ощущалось, что эпоха «хранения знаний» в народной культуре на глазах уходит вместе с ее носителями, большей частью «старушечками» из самых разных мест. И действительно, кроме того, что привозилось нами из экспедиций (в основном из региона Центрального Черноземья), мы стали свидетелями и такого явления: в московских храмах стали нередко попадаться оставленные после кончины очередной носительницы традиции рукописные материалы, положенные, как правило, в притворе храма, вместе со старыми религиозными журналами, бумажными иконками, календарями, старыми молитвословами. Такие, отличающиеся ветхостью, раритеты

нельзя было относить на помойку, и наследники приносили их в храм как святыню, чтобы люди или забрали их, или же храмовые работники сожгли. Вот такие случаи особенно ясно указывали на то, что наступало новое время и что мы расстаемся с целым народным институтом церковной памяти, сформировавшимся в советское время, появившись тогда так же естественно, как после он умирал на наших глазах.

В целом, речь пойдет о полевых материалах, народном религиозном нарративе, религиозных рукописных сборниках, которые мы (участники экспедиций) собирали среди русского сельского населения в Воронежской, Тамбовской и Липецкой областях. В данной статье, написанной на основе доклада, прочитанного на конференции памяти И.А. Морозова¹, будут использованы те рукописи, которые отложились в личном архиве автора, собранные в 1990–2000-е годы. Подчеркнем, что собирание рукописей религиозного содержания не являлось тогда специальной задачей, это происходило ситуативно, по мере работы в рамках программы опроса «Православие и русская народная культура». К слову сказать, обилие общей работы так и не позволило нам в ту пору выделить собирание рукописей в отдельное направление, отдельную задачу, поэтому до сих пор нет смысла говорить о системном характере имеющегося материала, его анализа, охвата всего советского периода. Рукописи были разных рубежей советского времени, но естественно, что большая часть их относилась к позднесоветскому периоду 1970–1980-х годов. Собирался нарратив как сельский, так и городской.

Нам доселе неясна разница городской и сельской среды бытования народных текстов, лишь отдельные наблюдения позволяют делать осторожные выводы. В общем, сегодня это малоизученное направление исследования народной религиозной мысли и традиции, которое следует поддерживать, поскольку за ним стоит та *самостоятельная* религиозная активность, которая и может во многом служить объективным критерием функционирования народного сознания в условиях господства советской репрессивной деятельности по отношению к

---

¹ Всероссийская конференция памяти доктора исторических наук И.А. Морозова. 29–30 ноября 2021 г., Москва. Организатор ИЭА РАН (отв. М.Л. Бутовская, П.С. Куприянов, И.С. Кызласова).

Церкви и вере. Этот источник обязательно должен быть использован в сумме других источников, большей частью архивных, собиравшихся в ту пору специальными советскими органами под руководством уполномоченных по делам религий, а также воспоминаний (частично уже опубликованных за текущие три постсоветских десятилетия). Словом, в полной мере рукописные народные сборники будут оценены лишь в контексте всего массива источников информации об этой эпохе.

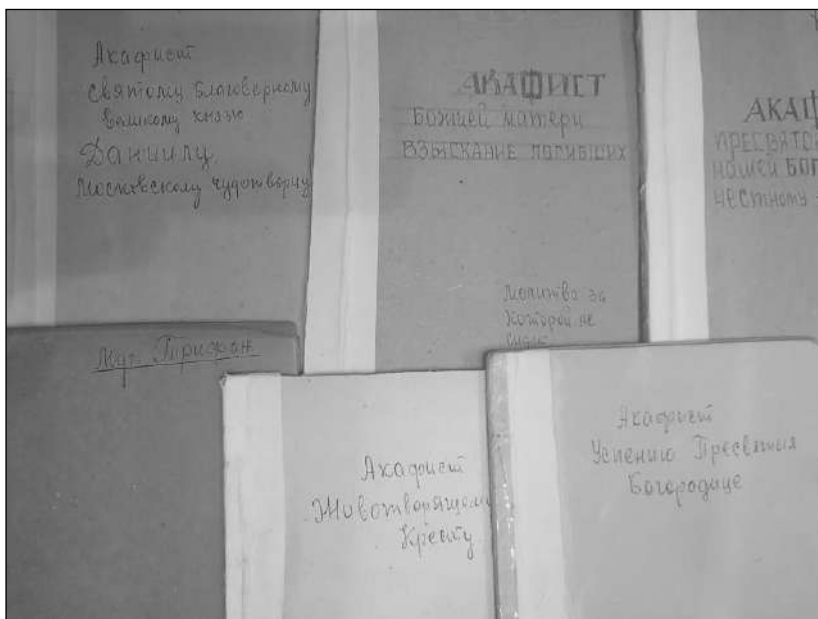
Рукописи церковных акафистов

Наиболее объемным материалом в нашей коллекции оказались *акафисты* церковным святым и чудотворным иконам. В коллекции их собралось 29². Ценность этой коллекции в том, что нам ее передали из одной семьи, а значит она собиралась в одном месте и потому отражает некую цельную картину, отражающую общее положение вещей. Поскольку ее собирали в Москве, т.е. в городской, столичной среде в 1970–1980-е гг., – налицо и качество этих рукописных книжиц (у двух акафистов тексты набраны на машинке) и оформление, аккуратный почерк и разнообразие акафистов. Но в целом, нам важен здесь состав святых, т.е. к кому обращались в те годы верующие. Набор предпочтений в чем-то общий для всех православных этого периода. Почти половина акафистов – это акафисты Божьей Матери, ее разным чудотворным иконам, что отражает факт особого почитания Богородицы, как отмечала в своих работах Т.А. Листова.

---

² Это следующие акафисты: иконам Богородицы: 1) «Федоровская»; 2) «Неувядаемый цвет»; 3) «Почаевская»; 4) «Боголюбская»; 5) «Утоли моя печали»; 6) «Семистрельная»; 7) «Споручница грешных»; 7) «Нечаянная радость»; 8) «Успение»; 9) «Тихвинская»; 10) «Взыскание погибших»; 11) «Знамение»; 12); «Отрада и утешение»; 13) «Иверская». Далее: 14) Духу Святому; 15) Канон о распятии Господа и на плач Пресвятой Богородицы; 16) Животворящему Кресту. Далее идут акафисты отдельным святым: 17) Иоану Богослову; 18) Первоапостолам Петру и Павлу; 19) Просветительнице Грузии равноапостольной Нине; 20) Вологодскому чудотворцу Димитрию Прилуцкому; 21) Киево-Печерским святым; 22) Великомученице Варваре; 23) Сорока Севастийским мученикам; 24) Мученику Вонифатию; 25) пророку Божию Ильи; 26) Мученику Трифону; 27) Мученику Иоанну Воину; 28) Великому князю Даниилу Московскому.

Набор акафистов, посвященных отдельным святым, также указывает на московскую специфику, автор рукописей очевидно не раз бывал в незакрывавшихся в советское время московских храмах Мученика Трифона на Рижской, Иоанна Воина на Октябрьской, ходил в Даниловский монастырь к святому князю Даниилу Московскому после его открытия в 1983 году. Можно наблюдать и другое: это любимые народные праздники – день памяти Сорока Севастийских мучеников, празднуемый во время Великого поста; день памяти мученика Вонифатия, которому молились об избавлении от пьянства; день памяти святой Варвары, к которой обращались с просьбой не дать умереть без причастия. Святой апостол Иоанн Богослов, Илья пророк, равноапостольная Нина, Димитрий Прилуцкий – собеседник преподобного Сергия Радонежского, апостолы Петр и Павел, Киево-Печерские святые – все это круг любимейших народом святых.

Как известно, акафисты – это гимнографический жанр молитвенных песнопений, получивший в советское время необычайную популярность и распространение. По полевым материалам нам известно, что акафисты широко распространились тогда в приходской среде, начиная с послевоенных лет, когда часть хра-

мов власть разрешила открыть и были сделаны некоторые послабления в отношении посещения храмов и проведения особо популярных внебогослужебных религиозных действий (крестных ходов, торжественного захоронения покойников с «выносом», т.е. с несением церковных хоругвей). Тогда же многие заказывали в церкви чтение акафистов любимым и почитаемым святым. Эта треба выполнялась сразу после окончания литургии, по воскресным, большей частью, дням.

Поскольку число заказанных акафистов, как правило, превышало все допустимые нормы (по времени, отведенному молебну и панихиде), то священник благословлял на чтение акафиста самих верующих. Они стояли группками, каждая у иконы, перед которой и читался нараспев акафист. Вот тогда и был нужен переписанный заранее для таких случаев текст акафиста. Хотя акафисты могли читаться и дома, церковное чтение считалось особым, это был «голос Церкви», звучащий от Церкви земной, «воинствующей», к Церкви небесной, «торжествующей». Еще в начале 1990-х гг. в Рязанской области, в сельском храме с. Ферюлевка мы воочию застали этот осколок недавнего советского прошлого – люди здесь продолжали заказывать по многу акафистов, и священнику приходилось петь в центре храма только акафисты праздничным святым, остальные же заказчики были распределены по периметру храма, перед соответствующими иконами, каждый имея от руки написанный акафист.

Что можно сказать о технической стороне таких рукописных книжиц? Переписывались они хорошим почерком, нередко с использованием чернил двух цветов: синего и красного. Красный был нужен для выделения подзаголовков: «кондак», «икос» с соответствующим номером. Каждый акафист (а это около 25 страниц текста), как правило, переплетался в картонный переплет, сшивался суровыми нитками и был заклеен по корешку. Словом, оформлен как книжица. С настоящим искусством оформления таких небольших рукописных книжиц мы столкнулись в г. Ельце. Там при Преображенском городском соборе среди служителей клира, людей разносторонних и умелых, воспитанных известным духовником архимандритом Исаакием (Виноградовым), – из старинной дворянской семьи, пожившим после 1917 г. за границей и вернувшимся в СССР после войны, – мы и нашли одну такую пожилую женщину – мастера

оформителя рукописных сборников. Она копировала дореволюционные сюжеты и узоры из старых религиозных сборников, и делала это очень тонко и умело. Ее духовный отец архимандрит Исаакий, сам человек творческий, имевший художественный талант, поощрял сохранение тонких образцов церковного искусства и смог подготовить ряд подлинных мастеров своего дела. Напомним, что религиозная литература, начиная с 1943 г. и вплоть до послевоенного времени середины 1950-х гг., издавалась крайне ограниченным тиражом, по-

этому основной массе верующих приходилось самим переписывать доступные им книги.

Данный пример народных художников-оформителей, конечно, был редким, большая часть рукописей не имели художественного статуса, но все же создавались не наспех, хотя бы с минимумом художественной ценности.

Причина популярности акафистов в советский период могла быть вызвана некоторыми осо-

быми обстоятельствами «времени», в котором тогда находилась Церковь, в том числе – это бесправие духовенства, выпячивание «народного начала» при управлении церковной приходской жизнью. До

революции акафист не был так популярен. К тому же акафист, в отличие от канона – другого важного молитвенного словословия святому – является облегченной формой коллективной молитвы, здесь есть мелодия, коллективное пение в храме. Эмоциональный фон при чтении акафистов был совершенно иной, чем при чтении канонов, с их глубоко богословской, но

сухо выраженной мыслью. В советское время, при обилии лишений, скорбей, болезней, нестроений в семьях, форма такого эмоционального коллективного песнопения, как акафистное песнопение, оказалась более востребованной. Акафист стал народной формой церковного песнопения.

Рукописные молитвословы и отдельные молитвы

Вторая группа религиозных рукописей из нашей коллекции – это рукописные молитвы. Часть их – самодельные молитвословы. В них есть утреннее и вечернее правило для мирян, правило к причащению и другие молитвы. Наш сборник состоит из 25 страниц убористого четкого почерка. Но «Правило к прича-

щению» чаще всего оформлялось в виде отдельной книжицы. Здесь кроме молитв, были каноны и акафисты к причащению. С 1943 г. Московская патриархия получила разрешение издавать молитвословы и церковные календари, но тиражи церковных изданий были небольшие и потребности церковного народа явно не удовлетворялись. Большая часть встреченных нами рукописных молитвословов были переписаны с советских изданий, где присутствовал русифицированный, «гражданский» шрифт.

В второй части рукописей находились и переписанные молитвы, которые обычно не встречаются в молитвословах; это явно были выписки из каких-то дореволюционных изданий, посвященных тому или иному святому. Молитвы отдельным святым, иногда подвижникам благочестия, порой соседствовали с самодеятельными молитвами. Большая часть таких молитв – о здоровье, душевном покое, желания здоровья для детей, защите со стороны Бога «от злых людей». Но были и вполне канонические, например, известная молитва Оптинских старцев о прощении душевного покоя на день грядущий.

Неканонические, самодеятельные молитвы отличались низкой церковной культурой составления и своего рода утилитаризмом, что, возможно, было связано с особым контингентом лиц, составителей таких молитв. «Утилитарный дух» явно присутствует, например, в молитве «От злых людей», ориентированной на малоцерковного человека (и написана таковым): «Семистрельная Божия Матерь, Семистрельная Умиленная Пресвятая Божья Матерь, умили, умягчи сердца злющих, ненавидящих рабу Божью Ирину. А обидящих ее – дай им, Господи, доброго здравия и душевного спасения. И мне, дай, Господи, великих утешений, укреплений, усмирений, доброго здоровья, душевного спасения. Аминь». Такой же простодушной простотой, но и мелочной настырностью отличалась и самодеятельная молитва «На освящение дома». Напомним, что существует каноническая молитва, которую читает священник при освящении дома, но здесь человек хотел сам прочитать молитву, с несколько иным содержанием: «Все, что находится в этом доме, кто к ним входит, и кто выходит от них: да благословит Пресвятая Троица и сохранит от зла, чтобы никакое нечистое не приблизилось к ним». Исследователю, к которому попала такая молитва, более понятным становится путь составления заговоров в такой же точно среде людей, отделившихся от Церкви и рассматри-

вающих ее «энергетический потенциал» как достояние не только церковное, но и общее, употребляемое для самых разных целей, порой не совсем благих. С подобной деградацией молитвенных текстов (даже богослужебных, литургических) Русская Церковь столкнулась в начале XIX в., когда в лоно православия на западных рубежах России вернулись униатские приходы, долгое время жившие без епископской опеки. Епископы ужаснулись тому невежеству и даже кощунству, с которым они столкнулись в священнической среде, не говоря уже о рядовых прихожанах. Поэтому подобная практика составления неканонических молитв и в нашем случае, была, очевидно, результатом насильственного отторжения в советские годы людей от Церкви, малочисленности храмов и духовенства и отсутствия достаточного числа архипастырей в стране.

Духовные стихи, «псалмы», видения, эсхатология

Немало среди рукописей народной эсхатологии. Религиозное народное творчество, оформленное художественными средствами, – это содержательно обширный пласт народной идиоматики, с разными направлениями религиозной мысли. «Классический» для фольклористов духовный стих здесь соседствует с церковно оформленными *псалмами*, песнопениями, вышедшим из монашеского репертуара; сближается с видениями, представленными большей частью языком прозы; и, наконец, находит выражение в чисто эсхатологических произведениях, где обязательно присутствуют некоторые детали «Апокалипсиса» Иоанна Богослова. Все это вместе и в целом, объединено эсхатологической тематикой, контекст которой разнится в духовных стихах, псалмах, видениях, – но и ориентирует народного читателя и слушателя на один смысловой ритм.

Жанр духовного стиха, весьма популярный во все времена, и в советское время сохранял свое значение. Но в то же время заметно, как изменились его форма и качество. По форме многие духовные стихи обрели рифму, от чего изменился их ритм, тональность, глубина смысла. Да и содержание советского духовного стиха стало подчинено одной большой теме – эсхатологии, близости конца света. Нередко в этих стихах звучит тема разрушения христианской нравственности, неблагополучного положения в семьях, нарушения норм брака, непочитание родителей детьми, отход православных от веры. Выделяется еще

группа стихов с темой церковных гонений на Бога, на Христа. Этому посвящены псалмы «Псалом Спасителю» и «Слово миру». Впрочем, в монашеской среде и в советские годы продолжал храниться и воспроизводиться традиционный духовный стих, известный до революции. В нашей коллекции есть такой сборник, состоящий из 17-ти псалмов. Пение их приветствовалось в советское время такими известными старцами как о. Николай Гурьянов, издавший их отдельным сборником [Слово жизни, 1994], или схиархимандрит Серафим (Томин) [Старец Серафим], выпустивший аудиодиск с песнопениями под старинную фисгармонию. Иными словами, со стороны Церкви монашеский духовный стих продолжал сохраняться в чистоте и дореволюционной аутентичности, что было зафиксировано нами, как на уровне письменных сборников, так и на уровне практикующей традиции песнопений в женской и мужской монашеской среде.

Часть духовных стихов обращена к более узкой, злободневной тематике: теме аборт, отступления от веры и Церкви. Этот покаянный духовный стих подробно разобран в трудах Т.А. Листовой [Листова, 2021: 144–166]. Но эти стихи везде разные за счет разнообразия народного творчества. Например, в нашей коллекции есть «Правило», состоящее из 12-ти пунктов, 12-ти покаянных обращений к Богу, составленных самостоятельно, а с точки зрения церковной, не очень умело и не канонично. Хотя налицо определенный уровень церковной грамотности. В этих обращениях есть призывы к святым с просьбами помочь умершим без крещения абортированным младенцам. То есть мать, совершившая когда-то грех аборта, молится не только о прощении своей души, но и хочет, чтобы ее нерожденный ребенок был лишен участи нехристиан в загробной жизни.

Нам известно, что в советское время в 1960-е гг. существовал такой подвижник как схиархимандрит Виталий (Сидоренко) [О жизни схиархимандрита Виталия, 2002], который брал на себя миссию молиться о таких детях и в таком контексте. Церковь безусловно не приветствовала такую практику, считала ее личным заблуждением этого человека, а подобный опыт ошибочным. Но никаких письменных решений Синода не было по этому поводу, ни в советское время, ни потом. Молитвы из 12-ти пунктов, похоже, создавались под влиянием позиции, которую выражал о. Виталий. Например, молитва, обращенная к св. Иоанну Крестителю: «Святой, Великий Иоанн Креститель, окре-

сти моего младенца во чреве томящего, в темнице сидящего». Написано, что молитву надо произнести 40 раз. Такое же обращение к великомученице Варваре и Богоприимцу Симеону. Тот же рефрен есть и здесь: «во чреве томящегося, в темнице сидящего». Пять обращений из двенадцати направлены к Спасителю Иисусу Христу.

Мы нашли подлинную молитву о. Виталия и там действительно есть эти слова: «Святой Иоанне Крестителю, окрести моего младенца во чреве томящего, во тьме сидящего». Отдельно переписывалась молитва митрополита Ленинградского и Новгородского Григория, называемая «О безымянных младенцах». Пафос ее тот же, что и в предыдущем обращении: просьба к Богу помянуть безымянных младенцев и «привести к святому крещению и вере Христовой, упокоить их души со всеми святыми». Сравнивая это обращение с оригиналом молитвы митрополита Григория, можно заметить, что народный текст несколько искажен³. В молитве митрополита Григория все же другой акцент обращения к Богу. Там речь идет не вообще о «безымянных младенцах», а абортированных *неумышленно*. Это очевидно и служит в данном случае основанием для обращения к Богу.

На книжице, куда было помещено правило из 12-ти пунктов, мы нашли любопытное посвящение. Рукопись была подарена «на долгую память близкой подруге от Пелагеи Михайловны Иванниковой», со словами: «Читать шесть недель, каждый день, все по порядку. Сперва читай молитвы, потом – дальше. 2 июня 1971 года».

Особая тема в рукописях – описание *видений*. Это тоже, как и духовный стих, весьма устойчивый, традиционный жанр православного народного нарратива, популярного в народной среде. В нашем распоряжении оказалось пять текстов на эту тему. Одна тетрадь с четырьмя текстами видений состояла из: 1) видения монахини о загробной жизни; 2) видения Иоанна Кронштадтского; 3) о преподобном Макарии; 4) Стояния Зои. Рукопись

---

³ В оригинале он звучит так: «Помяни, Человеколюбче, Господи, души отшедших рабов Твоих, младенцев, кои во утробе православных их матерей умерли, нечаянно от неведомых действий или от трудного рождения, или от некоей неосторожности. Окрести их, Господи, в море щедрот Твоих и спаси неизреченною Твоею благодатию».

переписана корявым почерком, с ошибками, заметна не книжность переписчика.

Собранные в сборнике видения относятся к разным временам. Первое, относимое к началу XIX в., посвящено мытарствам души после смерти человека. Здесь есть и своя мораль для читающего, чтобы он строго исполнял нормы монашеской жизни. Второе видение, связанное с именем св. праведного Иоанна Кронштадтского, умершего в 1910 г., обращает внимание читающих, что видение имело место 1 января 1907 года. В нем речь идет о будущем России, революции, насильственном насаждении безбожия, кощунствах против Церкви, «реках крови», пролитых при преследовании христиан. Здесь же указывается, что в тексте говорится о времени, начиная с 1914 г. и заканчивая 1934 годом. В центре видения – приход Антихриста под видом большевика-революционера. В видении действуют святые Серафим Саровский и Иоанн Богослов. Заканчивается видение кануном Второго Пришествия. Это видение доступно и популярно, и сегодня, оно стало уже частью церковного предания. Третье видение – достаточно известный церковный текст из жития святого Макария Великого, который имел дар видеть место пребывания умерших людей. Четвертое видение о «Стоянии Зои» о трагических событиях, происшедших в Куйбышеве в 1956 г. У данного видения также очевидный эсхатологический контекст, вводящий читателя в обстановку близости Второго Пришествия. Видение «Стояние Зои» было оформлено не как классическое видение, а как текст, близкий к проповеди, с ясной богословской мыслью и апокалиптической драматургией (в духе Апокалипсиса Иоанна Богослова). Его народность состоит именно в обращенности к массовой, церковной (и даже шире) аудитории, «от лица Церкви», а не какого-то отдельного свидетеля этих событий.

«Стояние Зои», кроме того, что это событие, со временем, было принято, «узаконено» Церковью и оказало сильное влияние на рост религиозности в стране в 1950–1960-е гг., для самого города Куйбышева (ныне Самары) сегодня стало частью его культурного ландшафта. Дом, где произошло это событие, на улице Маяковского, в старой части Самары, долгое время был предметом внимания интересующихся «Стоянием», а в 2000-е гг. Самарская епархия с разрешения главы города поставила неподалеку от дома памятную стелу с изображением святителя Николая и надписью, что здесь в 1956 г. случилось чудо «Зоино-

го стояния». Городская легенда (к которой верующие жители, конечно, не относились как к легенде) стала частью городских достопримечательностей Старой Самары, куда теперь приходят не только паломники, но и туристы, посещающие этот старинный волжский, купеческий город на берегу Волги.

Поскольку рукописный текст, который мы имеем, несколько отличается от официального, который в начале 1990-х гг. был подготовлен самарскими церковными журналистами, работа-

ющими с местными агиографическими сюжетами, то будет уместно воспроизвести его здесь целиком и кратко прокомментировать. Безымянный народный текст был написан, возможно, в те же 1950-е гг. в Куйбышеве, церковником из епархии, бывшим в курсе происшедшего, очевидно со слов тех, кто был непосредственным свидетелем чуда. Мы склоняемся к следующей версии, учитывая, что без благословения высокого церковного лица здесь не обошлось: текст, судя по всему, готовился по благословию епископа Куйбышевского Мануила. В марте 1960 г. в Куйбышев приезжает новый архиерей, епископ Мануил (Лемешевский), целенаправленно собиравший сведения о подвижниках благочестия, о чудесных событиях, в тех местах, где он служил, и, очевидно, после приезда и знакомства с делами, инициировавший письменную фиксацию «стояния». Одним из помощников его в епархиальном управлении был куйбышевский житель А.А. Савин, также глубоко интересующийся теми же вопросами. Сам ли А.А. Савин или с его помощью, но текст очевидно был подготовлен в начале 1960-х гг. лишь для фиксации события, а не для распространения, учитывая, что начало 1960-х гг. было самой горячей порой хрущевских гонений на Церковь. Скорее всего, текст *пошел в народ* гораздо позже, в 1970-е гг., когда внимание властей к этому событию перестало быть таким острым, как прежде.

Именно в первом, *народном* варианте (который и попал в наши руки после бесчисленных копирований), было зафиксировано все основное, что было характерно для этого события: а) строгие *рамки* законченного произведения, жанр которого следует отнести к проповеди; б) четкая *драматургия*, выдержанная в едином ритме, благодаря чему передается подлинный смысл и дух события; в) отсутствие лишнего, светского, что уводило бы мысль и чувство в сторону. Это целиком *религиозный* текст, очевидно редактированный священноначалием, о чем говорят строгость формы и сам факт ухода текста в народ.

Почему мы считаем этот текст «народным»? По одной простой причине: он был ориентирован на народ, на народный характер понимания и усвоения, на что указывали не только гомилевтический характер организации текста, но и его эсхатологический вектор. Без последнего само «стояние» было бы бессмысленным и даже невероятным. А в контексте грядущего Су-

да Божьего 128 дней стояния Зои выглядели реалистично и оправданно. Судя по нашей рукописи, в процессе многоразового переписывания в исходный текст вкрались некоторые стилистические погрешности и грамматические ошибки, но однозначно сохранилась полная канва изначального текста, подготовленного как проповедь: обращение к верующим, маловерующим и неверующим со словами призыва: «Опомнитесь!». Собственно, главным было донести рефрен слов окаменевшей Зои: «Земля горит, во грехах погибаем, молитесь!». Она выкрикивала их в 12 часов ночи, когда по церковному преданию открываются небеса и ад, и Бог благословляет Землю в ее вертикали. Таким образом, само время и форма обращения окаменевшей Зои к людям совпадали со временем благословения и подчеркивали его особый характер в присутствии Бога.

Церковный народ принял этот текст как свое, родное, и потому ему была обеспечена долгая жизнь. Во всяком случае, текст дожил до 1990-х гг., времени открытия храмов и легального печатания церковной литературы, хотя и не был напечатан в народном варианте. В Самаре появились обработанные варианты – документальные и художественные тексты, освещающие общие контуры этого события. В 1990-е гг., когда настала возможность публиковать церковные материалы в прессе, самарскими журналистами – издателем газеты «Благовест» А. Жоголевым и авторами журнала И. Макаровым и В. Дуровым – был подготовлен очерк «Дом Зои» в книге «Хождение по Самарским святыням» (Самара, б.г.). Сюда попала только небольшая часть «народного текста» с купированием важных деталей происшедшего. Авторы расширили повествование за счет новых свидетельств, хотя тема от этого не выиграла, она стала более светской, краеведческой. В художественном тексте – повести самарского автора, протоиерея Николая Агафонова «Стояние» (2015) – приведены подробные свидетельства основных его участников, но опять же из-за художественной формы совершенно исчез главный церковный – эсхатологический – посыл чуда. Нет этого посыла и у самарских журналистов из «Благовеста».

Обратимся к содержанию имеющегося у нас текста.

Пути Господни неисповедимы, милости Его безмерны!

Стояние Зои

Город Куйбышев в 1956 г. Попустил Господь некоей кощунствовать над иконой Святителя Чудотворца Николая, с нею плясать. Да познают кару Господню, да познают милость Его. В Новый год, а у христиан во дни Рождественского поста задумала Зоя устроить вечер с танцами. По случаю приезда своего жениха и вопреки протестам своей благочестивой матери, которая пошла в этот вечер в церковь помолиться. Пришли гости, 7 девиц и молодые люди, соединились в пары на танцы, а Зоин жених Николай еще не пришел. И Зоя не задумываясь сняла образ святителя и Чудотворца Николая и сказала: «Пойду с ним танцевать». Не послушалась она увещевания своих подруг не делать такого греха. Зоя оставалась непреклонна в своем решении: «Если Бог есть, то пусть меня накажет!». Начались танцы, пары сделали два круга, как вдруг в комнате поднялся невообразимый шум, вихорь, засиял молниеносный ослепительный свет. Веселие сразу обратилось в ужас, все выбежали из комнаты, осталась одна Зоя, которая не могла выйти и продолжала стоять с иконой святителя, прижав ее к груди, окаменевшая, холодная как мрамор.

Пригласили милиционера, врача, но как бы врачи не старались привести ее в чувство и нормальное состояние, не смогли. Стали делать уколы, иглы ломались и гнулись о «мрамор», а сердце ее билось, Зоя была жива. Пытались взять ее в больницу для наблюдения, но безуспешно, ноги ее были как будто прикованы к полу. Пришла ее мать и лишилась разума и тут же была увезена в больницу, но ее вера и милосердие, горячая молитва ко Господу о помиловании дочери, восстановили ее силы, она пришла в себя и со слезами молилась, взывая о помиловании, прощении и помощи. Послали просить святейшего патриарха всея Руси Алексия помолиться о помиловании Зои, но патриарх ответил: «кто наказал, тот и помилует». Первые дни дом был окружен множеством народа, приходившими и приезжавшими издалека; верующими и любопытными, духовными лицами и медиками, но в скором времени помещение было закрыто для посещения. Остались только дежурные посменно (по 8 часов) два милиционера. И вот эти стражи советской власти, как когда-то римские воины у гроба Спаси-

теля, были первыми свидетелями великого знамения и чудес у «мраморной статуи» живой девы, ибо сердце ее билось. И в этом убедился приезжавший из Москвы известный профессор медицины. Непрерывное суточное молчание Зои нарушалось только полunoщными криками, приводившими в страх и трепет дежурных милиционеров и неотлучно стоявшую на молитве скорбную мать.

Некоторые из дежурных 26–30-летние милиционеры посидели от ужаса и полunoщного взывания: «Мама, мама, молись, в грехах погибаем, молись!».

Близилось Рождество Христово, мать Зои хотела взять икону святителя и воздать ей должную почесть и водворить в красный угол, но не смогла. Приглашали священников, но и они не сумели взять икону святителя из мраморных рук Зои, ибо неверия было полно их сердце. «Иерей неверный да познают образ свой, стези свои, но путь праведных, а путь нечестивых погибнет. Да хранят во исполнение заповеди его, ибо повеление и воля Его слушает вся тварь, ангелы и осмысленные люди!».

В самый праздник Рождества Христова полный веры и благочестия пришел иеромонах Серафим, освятил воду пред иконой святителя и легко взял икону из рук Зои. И пресвитер Христов со страхом Божьим и с верою сказал при этом: «Теперь надо ждать знамения в Великий день. Если этого не случится, то недалек конец мира». Пресвитеры Христовы, ходящие пред лицом Господним, узрят образ свой, да возрадуется зело, да даст по богатству славы своея. Силою утвердятся духом его все идущие по благодати истинно-смирennemудрия (Ефес. 316). Посетил Зою усердный молитвенник, елико силу духа имущий московский митрополит Коломенский и Крутицкий Николай, который совершил моление и сказал: что нового знамения надо ждать в Великий день, повторил слова благочестивого иеромонаха. Приблизился праздник Благовещения Пресвятой Девы. Дом, как всегда, был закрыт для посторонних посетителей, и вот пришел благообразный старец и стал просить дежурную стражу пропустить его в дом. Но ему отказали. На другой день он снова пришел в другую смену и усердно просил пропустить повидать девицу, но ему отказали. В день Благовещения третья смена милиции допустила старца к Зое и слышала стража, как он ласково сказал Зое:

«Ну что, устала стоять?». Сколько он там пробыл и что говорил, все слышала стража. Только когда вспомнили, что времени прошло много и старца надо выпустить, то обнаружили, что в доме его нет. Кроме холодной мраморной фигуры Зои никого в комнате не было. Как он вышел никто не видел. Дивен Господь во святых, Бог Святой Руси! Прошло 4 месяца или 128 дней. 23 апреля в ночь Светлого Христова Воскресенья Зоя стала взывать громким голосом свою полунощную постоянную мольбу: «Молитесь!». Но так громко и страшно, что ночная стража в ужасе к ней обратилась: «Что ты так кричишь?». Последовал ответ: «Страшно Земля горит и люди в беззакониях гибнут. Молитесь, молитесь».

Она ожила, в мускулах появилась мягкость и жизненность, ее взяли положили. И уже лежа она продолжала взывать и просить молиться, возвещая о мире и горящей Земле, о беззакониях погибающих. Ее спросили, кто тебя кормил все это время? Как ты жила? Она отвечала: «Голуби, голуби меня кормили». Был ответ, в котором ясно возвещается помилование и прощение творческой десницы Господней, милующей грешников и посылающей благодать Духа Святого на создание Свое, ибо Он есть умилоствление за грехи всего мира. И Святым Духом святится душа, живится и поет Святая Церковь, это истинно так. Так что Святым Духом жила ее душа и сердце билось в окаменевшем холодном как мрамор теле. Простил ее Господь, прегрешение ее предстательством святого угодника Божия милостивого святителя и чудотворца Николая. При засвидетельствовании от Бога знаменем и чудесами различными силами воздаяние Духа Святаго по воле Его. Услышали люди о чуде сем и взывание полунощною просьбу молиться за весь мир, во грехах погибающий, и весь город и окрестность были трепетом объаты, обращались все неверующие в веру, кто не носил креста на груди, все надели и лобызали святыню, даже не хватало крестиков в церквах. Со страхом и слезами молился народ и взывал о прощении прегрешений и повторял слова просветившей их грешницы: «Страшно, страшно земля горит, во грехах погибает, люди в беззаконии гибнут, молитесь!». На третий день Светлого Христова Воскресенья Зоя отошла ко Господу. Пройдя путь тяжелого 128 дней стояния пред лицом Господнем во искупление своего прегрешения, и дух в виде голубине хранил ей жизнь

в священной тайне, чтоб в Светлое Христово Воскресенье пробудиться ей от мертвенности и воскреснуть для жизни вечной, ибо само имя Зоя есть «Жизнь». Аминь.

Текст «Стояние Зои» – это не «эсхатологический рассказ», по терминологии И.А. Бессонова, не «духовный стих», это «проповедь на эсхатологическую тему» [Бессонов, 2014:123–126]. Проповедь, конечно, единственная в своем роде, опирающаяся на конкретный жизненный сюжет. Она обращена не к прихожанам в храме, а ко всем православным Советского Союза, ко всем, в ком не умолк голос совести, голос Бога. Необыкновенная сила этого текста состоит в строгом следовании безымянного автора за той внутренней драматургией, которая была определена чудесными событиями. Автор находит в себе смелость следовать этим событиям, не уклоняясь в сторону (психологизма или морализма) от их религиозного, эсхатологического характера. Эта была очень важная сторона дела: отсесть все второстепенное и оставить только главное. А точнее, не привлекать дополнительные средства для подчеркивания неординарности события. Главным был эсхатологический характер происшедшего. Автор специально подчеркивает, что если не будет решительного знамения в Великий день, то близок конец света. Важно, что говорит об этом митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич), ближайший помощник патриарха Алексия I, лицо официальное, прибывшее из Москвы⁴, из патриархии, при этом человек благочестивый и глубоко верующий. Речь шла о прощении или непрощении Зои Богом. Если Он простит ее, то течение жизни *на Земле* (!) продолжится, если нет, то неумолимо наступление конца света, со всеми его эсхатологическими реалиями.

Перед нами *эсхатологический антропологизм*, через судьбу одного конкретного человека, решалась в одночасье судьба всей Земли. Насколько она – молодая девушка – в кощунственном азарте дерзнувшая покуситься на святыню – выстоит в своем 128-дневном окаменении при сохранении сознания, насколько она сумеет принести покаяние за свой грех. Казалось бы, мы пережили в 1920-е гг. и не такие надругательства над святынями, и никаких «громов и молний» не было зафиксировано, ни при одном вскрытии мощей святых. Что изменилось? Почему

---

⁴ Это важный момент, необходимый для легитимизации текста!

это кощунство вызвало гнев Божий, что и поставило все людское сообщество на грань катастрофы?

Это огромный вопрос, который, конечно, нельзя решить без анализа всей церковной ситуации в то время в целом. События революции, с ее размахом насилия и антицерковной направленностью перемен, указывали верующим на то, что пришло время сугубого господства темной силы, по поущению Божию. Церковь и народ Божий воспротивились этому разгулу, от чего и пострадали. Пострадали по-евангельски, как пострадал Богочеловек Иисус Христос и потом апостолы. То, что случилось в 1956 г. в Куйбышеве, обозначало уже иную реальность насилия над Церковью. На Церковь «поднимали пята» уже не революционеры, не фанатично настроенные богоборцы-простолюдины, служащие революции со всей своей «святой» ненавистью. Вызов шел теперь из чисто народной, церковной среды. У Зои – мать верующая, родившаяся приблизительно в начале 1920-х гг., а значит, воспитанная в той среде, которая отстаивала веру, не принимала антицерковной политики советской власти.

Эта вера поднялась и укрепилась в годы Великой Отечественной войны, стала основой жизни для церковного человека. Но вера матери Зои не стала питательной основой для воспитания дочери, семейная жизнь перестала играть первостепенную роль в воспитании детей; такими воспитателями становятся школа, производство, общественная среда. Народ за годы войны и великих индустриальных строек, а потом восстановления разрушенного войной, словно сдвинули со своего места, где он находился веками, на глазах стали рушиться межпоколенные связи, колоссальные изменения затронули все привычные нравственные нормы: в браке, в социальной и гендерной иерархии, во всем. Если мы сравним одни только фотографии 1920–1930-х гг. русской деревни [Фролова, 2017] с послевоенными фотографиями 1940–1950-х гг. [Село Вирятино в прошлом и настоящем], то увидим две разные деревни. Другим стал и город.

Зоя – евангельский персонаж, иллюстрирующий слова Спасителя о разделении внутри семьи *в такое время* на мать и дочь, отца и сына, свекровь и невестку. Это первое поколение, достигшее зрелости вне русской православной традиции, где даже слово и жизнь самого близкого человека – матери – уже перестало быть законом и благодатью. Зоя стала танцевать с иконой, легко и беззаботно, не прислушиваясь к советам по-

дружек не творить греха. Они – семь человек – коллективно смогли объединиться и высказать единое мнение верующих людей. Возможно, оказалась Зоя сама в такой ситуации, она тоже бы призывала подругу не делать так. Но ситуация стала критической именно потому, что уже возникло страшное разделение, которое коснулось уже самой глубокой, низкой – семейной – сферы, и Зоя привычно и сознательно стала отстаивать свою позицию, противопоставляя себя не столько подругам, сколько своей матери, своему роду, всей православной России. Она, поддерживаемая антибожественными силами, стала отстаивать новый порядок жизни – жить вне Бога рядом со своей верующей матерью. Она встала на защиту уже миллионов таких как она, выросших после войны вне русской православной традиции, вне ее лона, ее обихода и устоев, поддерживающих веру каждой семьи устоявшимся многовековым укладом. Вот почему она была остановлена Богом, как Он остановил в свое время жену Лота, превратив ее в соляной столп за сердечное влечение к судьбам наказуемых граждан Содомы и Гоморры.

Важен и поучителен в этой связи и покаянный мотив в «Стоянии Зои», безусловно, евангельский, новозаветный, расходящийся с ветхозаветным, где покаяние словно не было предусмотрено, как это было среди падших ангелов. Бог дает Зое покаяние, дает время 128 дней стояния, зная, что, несмотря на размах и глубину ее разрушительной цели (за всех таких как она, потанцевать с иконой), она, все же только одной ногой, вступила на землю Апокалипсиса, другая же еще осталась в храме, вместе с матерью, как и у ее подружек. Но Бог в момент ее долгого стояния дал ей дерзновенно сделать и другой шаг в сторону эсхатологического будущего, открыл ей духовное пространство горящего в огне человеческих грехов мира, дал ей возможность ужаснуться виденному. А видела она земной Апокалипсис, судя по всему, не во время своего стояния, а только в 12 часов ночи, когда разверзались хляби небесные и земные. В другое же время суток, все 24 часа она проводила в молитвенном покаянии.

Вспомним, как рьяно взялась власть при Хрущеве в эти годы за Церковь, обещая скоро показать в кино «последнего папа», почувствовав, что с народом случилось нечто такое, что дает возможность атеистической власти в кратчайшие сроки довести дело уничтожения веры и Церкви до конца. Она взялась

быстро рушить (укрупнять, превращать в совхозы) русскую деревню, превращая ее в придаток города, чтобы безродного, космополитичного пролетариата в стране стало в разы больше. И Церковь, которая, казалось бы, должна была быть отблагодарена советской властью за ее патриотизм в годы войны и незабвенное после жестоких гонений в 1920-е и 1930-е гг., опять была атакована советской властью. Власть почувствовала, что Церковь уже больше не народная, что она теперь состоит только из узко церковного люда, тоже народа по-своему, но уже не «Большого народа», который когда-то создал эту Церковь и поддерживал ее своим могучим телом и духом. И как хищник атеистическая власть сразу же бросилась на свою жертву, надеясь скоро уже настичь ее и завершить ее многовековую историю.

В «Стоянии Зои» особенно ярко отразился народный, хотя и светский эсхатологизм. В нем «последние времена» описываются не по известным нам по Евангелию и Откровению *внешним* признакам, а через внутреннюю – страдающую – природу человека, это антропологический эсхатологизм.

В научной литературе привычно оценивать эсхатологизм внешними признаками, т.к. они являют собой подлинную *очевидность* того времени, они напрямую обращены к Евангелию и Откровению. Например, в книге И.А. Бессонова «Русская народная эсхатология: история и современность» (М.: Гносис, 2014) такие факты обозначаются автором «эсхатологическими рассказами». Такие рассказы обязательно выводят безымянного рассказчика, каким бы ни был сюжет его повествования, на перспективу Страшного Суда. Текст здесь имеет системный и структурированный характер, он укладывается в определенную схему, и жанр «эсхатологический рассказ» получает свою идейную и запрограммированную модель описания. Перемены в мире, сопряженные с грядущим эсхатологическим будущим, весьма многочисленны; за долгие века рассказов накопилось в русской православной традиции очень много, и они продолжают копиться. И.А. Бессонов разбил такие сюжеты на несколько тематических групп: 1) «Испорченный мир», где воспроизводятся очевидные, яркие следы отступления от норм, «человечество деградирует не только нравственно, но и физически». Но опять же, повторимся, следы этой деградации во внешней систематике, все равно имеют внешний характер, хотя они и подчеркивают следы отступления человека от Бога; 2) «Чудесный мир»,

предполагающий любые чудеса как обыденное явление; 3) «Перевернутый мир» означает, что мир с ног становится на голову; женщины становятся похожими на мужчин, быстро иссякают самые необходимые жизненно важные предметы: вода, продукты, обесцениваются драгоценности и т.д.; 4) «Заколдованный мир» означает, что вместо религий и Церквей начинают господствовать магия и колдовство; 5) «Эсхатологические муки: войны, страдания и катастрофы»; 6) «Эсхатологическое благоденствие»; 7) «Эсхатологическая война»; 8) «Антихрист»; 9) «Эсхатологическая катастрофа»; 10) «Мир после эсхатологической катастрофы»; 11) «Страшный Суд».

В указанных одиннадцати группах первые пять, по сути, стоят вне активного эсхатологического времени, но они активно включаются в эсхатологический поток, как только резко возрастает интенсивность и насыщенность «испорченности» или «чудесности» (и т.д.) и как только эти пять включаются в основную цепочку, ориентированную на главное – на Страшный Суд.

В большей степени обыденное эсхатологическое сознание в 1960–1980-е гг. было сосредоточено на картине «испорченности мира», словно все вокруг подверглось тлену и разложению. Такие представления были характерны для обычных людей, симпатизирующих церкви, но не живущих глубокой церковной жизнью под руководством духовного отца и т.д. Они сравнивают картины домашней жизни в своем детстве и современность и делают выводы о порче времени: «Мои родители молились утром и вечером, перед едой, после еды. Мои племянники уже не молятся. Я сама-то замуж не выходила. Таких молитв как раньше у нас сейчас нет, но Господь будет спасать людей скорбями и болезнями. Ни в одной семье нет благополучия. Все это скорби, через которые Господь за уши тянет нас в рай»⁵. В написанном тогда духовном стихе звучит тема «унылой жизни», и эта безрадостность и распространяющаяся безнравственность в обществе прямо зависели от усилившихся церковных репрессий. Вот текст народного псалма, простой, бесхитростный и малохудожественный, но имеющий ясный стержень смысла и динамично изложенную мысль.

---

⁵ Анна Ивановна Ефанова 1919 г.р. Большая Грибановка, Воронежская обл.

Жизнь унылая подходит,
Лучше братья умереть,
Что вокруг нас происходит,
Тяжело на все смотреть.

Храмы Божии закрыты,
Их лишили красоты,
В них иконы перебиты,
С глав их сброшены кресты.

Служба Божия забыта,
Лик священный заключен,
Детский мир грубо воспитан.
Богохульствам научен.

Ни крещенья, погребенья,
Что же ждать нам впереди?
Нет домашнего моленья,
Крест не носят на груди.

И посты не соблюдают,
Божьих праздников не чтут,
В доме шапки не снимают,
Часто в них едят и пьют.

Не боятся Суда Божья,
Что за гробом положен,
Ни венца нет, ни святого,
Как скота меняют жен.

Стали матери злодейки
Даже хуже злых зверей,
Равнодушно убивают
В чреве собственных детей.

Не боятся кары с неба,
Милость к ближним не блюдут,
У кого хоть много хлеба
Нищим братьям не дадут.

Сатане продавши тело,
Оскверняют и уста.
Люди стали злы и смелы,
Хулят Господа-Христа.

Пусть хулят они так дико,
Сатане отдавшись в плен
Будет чтить Тебя Владыко,
Ты навеки заключен⁶.

Народный мир секулярной (потому что светской, повседневной), телесной эсхатологии не был, конечно, оторван от *событийной* эсхатологии, более церковной и каноничной. Одно другому не противопоставлялось, это была просто жизнь двух миров рядом, но не в тесном единстве, а в контакте. Тем более, что и народная мысль в советское время претендовала частично на свое место в событийной эсхатологии, но этот был узкий сегмент духовного стиха в его особом изводе. Речь идет о стихотворениях на тему, затрагивающую эту область. И хотя это явление было довольно многочисленным, но весь вопрос в том, насколько оно было народным. Оно тяготело к *чернической*⁷, особой среде, вдов или не вышедших замуж девиц, живших достаточно замкнуто.

Нельзя, конечно, совсем отрицать народного внимания к событийной эсхатологии, внимание было, но одно можно определенно утверждать: в повседневности народ жил не событийной эсхатологией, а телесной. Событийная требовала оформления в строгие церковные формы, и здесь народ не позволял себе подобно литературно-художественной интеллигенции рисовать разные картины, связанные с темой антихриста. А оформление в строгие формы не давало возможности жить этой теме в повседневности. Для простого народа хватало событийных церковных знаний; в том, что они слышали и видели в храмах,

---

⁶ Стих списан нами из тетради Анны Ивановны (1920 г.р.), жительницы с. Большая Грибановка Воронежской обл. Экспедиция ИЭА РАН, 2000. Архив О.В. Кириченко.

⁷ Чернички – женщины, живущие безбрачной религиозно активной жизнью, но не идущие в монастырь. Нередко чтицы Псалтири по покойникам.

за богослужениями, в проповедях, церковных росписях. Народ знал, что ждет Церковь и весь мир в будущем, он знал и ценил эти знания, руководствовался ими в стратегической мотивации поведения. Но для повседневности гораздо более важным было поведение человека, его облик, его соотношенность со святостью или грехом. На телесной природе лежал отпечаток соответствия или несоответствия некоей духовной норме, евангельскому образу. Не случайно, если в деревне жил человек праведной жизни, подвижник, то он обязательно оценивался по нормам Евангелия – соотношенность подвижника образу Спасителя [Кириченко, 2002: 61–77]. Соответственно, противоположный образ рассматривался в качестве антихриста. Это происходило даже не на уровне рациональной идеи, а естественно, как норма, не требующая обоснования.

Выводы

Народный религиозный текст, собранный нами в полевых экспедициях в 1990–2000-е гг., – это тексты, сформированные в народной среде в послевоенный период, но активно распространяемые в 1970–1980-е годы. В них наличествуют две тенденции: одна говорит о твердом сохранении норм и содержания церковных текстов. Подобные тексты распространялись из монашеской среды или из той приходской среды, где имелся священник-духовник, «друживший с традицией», знавший и ценивший ее. Нами было показано на примере «Зоиноного стояния», что в эти годы было возможно создание текстов, отличающихся богословской глубиной и художественной силой. Вторая тенденция указывает на активное размытие церковных норм, что зафиксировано нами в текстах, имеющих самостоятельную природу происхождения и говорящих о невысоком церковном и художественном уровне создателей и распространителей этих текстов. Духовный стих хотя и сохранялся, но деградировал. Акафисты – самый распространенный жанр рукописного текста, имел чисто церковную природу; народное творчество здесь состояло лишь в чрезвычайной популярности акафистов в послевоенный период и в художественном оформлении переписанных текстов (в ряде случаев).

Народный религиозный текст – это не диссидентский текст, в нем нет следов политического протеста, инакомыслия, хотя эсхатологическая тематика не могла не затрагивать нравствен-

ной природы современного, советского, человека. Это вопросы распространения аборт, разрушения семей и брака, непочитания детьми родителей и старших. Народный религиозный текст отличался современностью, в нем были сосредоточены несколько задач: а) сохранение религиозной традиции; б) религиозная оценка текущей жизни; в) эти тексты восполняли, хотя бы частично, тот острый недостаток церковной жизни, что ощущали в первую очередь люди церковные; г) народный текст обладал теми недостатками и достоинствами, что имела в это время Церковь, ограниченная в своих свободах и возможностях. В народном нарративе просматриваются не только следы повседневной церковной жизни в советскую, послевоенную эпоху, но и определенный культурный ресурс, интересный самому широкому читателю.

Источники и литература

Бессонов И.А. «Русская народная эсхатология: история и современность». М.: Гносис, 2014.

Кириченко О.В. Значение праведника-старца для села // Традиции и современность. 2002. № 1(1). С. 61–77.

Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Западнополесский богогласник // Традиции и современность. Научный православный журнал. 2012. № 13. С. 68–122.

Листова Т.А. Особенности религиозной жизни русских в советское и постсоветское время // Криченко О.В., Листова Т.А., Крюкова С.С., Воронина Т.А., Шляхтина Н.В. Границы советского традиционализма. Из опыта русского народа в XX веке / Этнологическое исследование. СПб: Алетейя, 2021. С. 144–166.

О жизни схииерархимандрита Виталия. Воспоминания духовных чад. Письма. Поучения. Сост. Б.а. М.: Новоспасский монастырь, 2002.

Село Вирятино в прошлом и настоящем / Отв. ред. П.И. Кушнер. М., 1958.

Слово жизни. М.: Родник, 1994. Сост. прот. Николай Гурьянов.

Старец Серафим. Золотая цепь звезд небесных. Рассказы схииерархимандрита. Старец Серафим: золотая цепь звезд небесных. Рассказы схииерархимандрита Серафима (Томина) о святых и подвижниках благочестия XIX–XX веков в изложении архимандрита Никандра (Анпилогова). М.: «Летопись», 2020.

Фролова А.В. Центральная Россия в фотографиях З.З. Виноградова. (Из архива Института этнологии и антропологии РАН). Этнографический альбом. М., 2017.

ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ: СИМВОЛЫ И ОБРАЗЫ НАРТОВСКОГО ЭПОСА

З.В. Канукова

2022 год объявлен Годом культурного наследия народов России в целях популяризации народного искусства, сохранения культурных традиций, памятников истории и культуры, этнокультурного многообразия, культурной самобытности всех народов и этнических общностей РФ. Культурное наследие – духовный и социальный капитал невосполнимой ценности. Это многовековой опыт народа, наполненный священной символикой, это традиции, обряды, обычаи, верования; это мировоззренческие, нравственные и эстетические ценности. Это то, что каждый народ пронес через столетия.

Во всех регионах России были реализованы многочисленные яркие и интересные проекты. Многие делаются и в республиках Северного Кавказа. В Республике Северная Осетия–Алания создан ряд инструментов, в числе которых государственная программа «Национально-культурное развитие осетинского народа» и другие ресурсы, призванные создать гармоничные условия для сохранения и развития историко-культурного наследия.

Исследование историко-культурного опыта адаптации традиции к меняющимся условиям жизни привело к пересмотру классической теории модернизации и созданию ее новых парадигм, значительная часть которых основана на признании традиции устойчивой основой инновационного процесса [Бауман, 2004; Хантингтон, 2004; Культура и пространство, Кн. 2, 2010; Культура и пространство, Кн. 3, 2011]. Кроме теоретической значимости – вклада в сложную и многоаспектную проблему традиционной культуры в условиях модернизационных перемен, рассматриваемая проблема имеет и прикладную ценность. Независимо от научных изысканий, современные общества активно демонстрируют практики использования традиционного пласта своей культуры в

целях инновационного развития. Подобные попытки предпринимаются бизнес-сообществами, общественными организациями, учреждениями системы образования и просвещения. Очевидно также заинтересованное участие региональных ведомств, курирующих вопросы культуры, туризма, предпринимательства. В последние годы отмечено большое число проектов, получивших поддержку Фонда президентских грантов, Фонда культурных инициатив, направленных на реализацию проектов в области культуры, искусства и креативных индустрий. Большая часть поддержанных проектов основана на продвижении объектов культурного наследия. Использование объектов культурного наследия в развитии различных видов туризма, народных промыслов, в производстве качественной и экологически чистой продовольственной продукции и в других сферах жизнеобеспечения, способствует повышению инвестиционной привлекательности, стимулированию малого бизнеса, решению проблемы занятости молодежи.

В культурном наследии каждого народа есть материальные и духовные символы и образы, имеющие инновационные ресурсы. В качестве таковых могут выступать культовые места, архитектурные сооружения, храмы, ритуальная пища и напитки, одежда, народные промыслы, оружие, зрелищные, знаковые обряды жизненного цикла, традиционные игры, развлечения, спортивные состязания, эпические символы и образы, сказки, песни, танцы и др. Предки осетин на протяжении своей многовековой истории создали богатейшую духовную культуру, одной из жемчужин которой, несомненно, является Нартовский эпос, известный сегодня всему миру и вошедший в ряд великих творений человечества. На образах нартовских героев воспитано не одно поколение осетинского народа. Для осетин, как и для некоторых других народов Северного Кавказа, весьма перспективными представляются символы и образы Нартовского эпоса, персонажи, сюжеты и предметы быта которого активно используются в современных проектах. Востребованность нартовских сказаний как выражения этничности и духовности, их интегрированность во многие сферы художественной культуры живопись, скульпту-

ру, музыку, литературу на современном этапе обретает качественно иной характер.

В последние годы было организовано немало проектов культурно-образовательной направленности, духовным сопровождением которых стал символ яблока из нартовских сказаний. «Яблоко Нартов» – символ чуда. Согласно сказаниям, у нартов в саду росла волшебная яблоня с сияющими небесной лазурью цветами и только одним золотым яблоком, созревающим в течение дня. Чудесное яблоко, обладавшее живительной силой, кто-то похищал по ночам; а поскольку росло оно на верхушке дерева, могло достаться только самому умному и ловкому из нартов. Волшебное «Яблоко Нартов» – желанная награда героев осетинского эпоса; не случайно символ недостижимой мечты активно используют организаторы различных конкурсов и состязаний, игр и фестивалей.

В 2005 г. с целью развития осетинского языка и национальной культуры был создан благотворительный фонд Зураба Хадонова, учредивший Национальную премию «Яблоко Нартов». Она присуждается на конкурсной основе в трех номинациях: в области художественной литературы, искусства и науки. Каждому победителю конкурса вручается статуэтка «Яблоко нартов» вместе с дипломом лауреата и 100 тыс. рублей. В марте 2011 г. во Владикавказе прошел Первый Северо-Кавказский фестиваль интеллектуальных игр «Яблоня нартов» при поддержке Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) и Всемирного банка. Интеллектуальные игры завоевали популярность во многих субъектах страны как одна из форм консолидации и объединения молодежи, но в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) они вышли за рамки мероприятий, несущих исключительно образовательный характер. Проект предоставил уникальную возможность для молодых людей северокавказских республик, объединенных общностью идей, традиций, культуры, языка, за короткий период получить с помощью новых интеллектуально-игровых технологий знания в области изучения Нартовского эпоса, истории и культуры народов, населяющих Северный Кавказ, и вместе с тем, поделиться своими познаниями о малой родине, являющейся частью Кавказа. В фестивале принимали участие интеллектуальные сборные шести субъектов СКФО – Республики Северная Осетия–Алания, Республики Ингушетия, Кабардино-

Балкарской Республики, Карачаево-Черкесской Республики, Чеченской Республики и Республики Дагестан. В рамках фестиваля проходили игры «Что? Где? Когда?», «Брэйн-ринг», «Своя игра» и круглый стол (дискуссия) на тему: «Влияние героев Нартовского эпоса на формирование личности современного молодого человека». В программе фестиваля также были предусмотрены экскурсии по памятным и историческим местам Северной Осетии.

В процессе формирования новой модели туристического рынка большое внимание уделено этнокультурной составляющей. Образы нартских героев визуально презентуются в столице республики и ее окрестностях. В этой связи заслуживает внимания проект историко-этнографического комплекса «Страна нартов», инициированный администрацией местного самоуправления Владикавказа. По замыслу организаторов попадающий на территорию комплекса человек должен чудесным образом окунуться в сказочную страну Нартов, где благородный Сослан борется с врагом, во главе Стыр Ныхаса рядом с именитыми нартами сидит Урузмаг, а мудрая Шатана привечает гостей. Важным символом проекта станет «Яблоня нартов», скульптурное изображение которой будет располагаться у входа в комплекс. Каждый желающий за символическую плату сможет приобрести и повесить на нее листочек со своим здесь же выгравированным именем, оказав таким образом содействие в строительстве комплекса.

Планируется предоставить туристам и отдыхающим возможность наблюдать и лично участвовать в приготовлении блюд национальной кухни, изготовлении предметов традиционного быта, сувениров. По замыслу авторов идеи, будет представлена сказочная страна с равниной Зилахар, подводным царством Донбеттыра, «Колесом Балсага», территориями Афсати, Ацамаза, Нарта Сослана, Сырдона, Шатаны, детской кольцевой дорогой, где будет оборудован своеобразный нарт-ленд «Путешествие Сослана».

Когда в столице Южной Осетии в 2009 г. готовился I Международный детско-юношеский фестиваль, в котором участвовали представители 16 стран мира, концептуальной основой этого значимого мероприятия также стал Нартовский эпос. Фестиваль получил название «Яблоко Нартов», а организаторы, в числе которых были исполнительный директор

Израильского офиса Всемирного Конгресса русскоязычного еврейства, Генеральный директор израильского центра поддержки детского творчества Элион Виленчик, президент международной Ассоциации благотворительных фондов «Мама» Раис Агнагулов, единодушно признали, что дети, которые приехали сюда со всего мира, будут рады получить за свой талант Нартовское Яблоко.

В рамках государственной программы «Развитие образования РСО–Алания на 2014–2016 годы» в селении Чми открылся детский этнокультурный лингвистический лагерь «Нарты», в котором обучаются 30 школьников из разных районов республики. Лингвистический лагерь, нацеленный на усовершенствование знаний родного языка у детей, проводится в Северной Осетии в пятый раз. Воспитанники лагеря «Нарты» изучают древнюю историю, культуру и традиции осетинского народа, участвуют в проведении инсценированных праздников и обрядов. Кроме этого, для детей организованы экскурсии по живописным ущельям родного края. Все мероприятия, игры и встречи в лагере «Нарты» проводятся на осетинском языке.

Фестиваль «Нартские игры» проходит в Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. «Нартские игры» – это необычные соревнования, известные по нартовским сказаниям. В Северной Осетии состязания проходят в таких играх, как поднятие тяжестей и метание больших камней, прыжки, стрельба из лука, армрестлинг, борьба на поясах, лазание по канату, перенос тяжестей, прыжки, бег на одной ноге. В Кабардино-Балкарии во время «Нартских игр» команды состязаются как в спортивном, так и в творческом плане. Участники соревнуются в борьбе на поясах, джигитовке, скандырбеке (армрестлинге) и забеге в гору, а также демонстрируют ораторское искусство, исполняют народные песни и частушки. Целью проекта является возрождение Нартского эпоса, а также укрепление среди молодежи знаний обычаев и традиций. Победители «Нартских игр» по традиции представляют Кабардино-Балкарию на «Кавказских играх», которые поочередно проходят в разных субъектах СКФО. Нартские персонажи, чьи скульптурные изображения представлены на главных улицах и площадях Владикавказа и его окрестностей, могут стать и становятся самостоятельными брендами, их именами обозначают популярные места отдыха и другие объекты.

Этнические символы используются и в популяризации объектов материальной культуры. Например, с целью возрождения традиционного ритуального напитка осетин – пива – в Республике Северная Осетия–Алания проводится национально-культурный конкурс «Осетинское пиво», организаторами которого выступают Министерство культуры Республики Северная Осетия–Алания и пивоваренная компания «Бавария». В результате мероприятия собраны рецепты приготовления пива в разных ущельях Осетии, а желающим наладить его производство предложено участие в системе кредитования малого бизнеса. Такая поддержка может способствовать решению проблемы занятости на селе. Конкурс с национальными народными гуляньями, активной поддержкой СМИ, яркими слоганами на осетинском языке оказал огромную роль в возрождении пивоваренной традиции. При всех позитивных отзывах и очевидной полезности этого мероприятия хотелось бы отметить, что проекту не хватает грамотного научного сопровождения. При профессиональном подходе этнокультурное сопровождение проекта должно включать популяризацию пива как древнейшего сакрального напитка, появившегося в скифо-сакской среде и отраженного в Нартовском эпосе как ритуального питья нартов.

Ритуальное осетинского пива воспринимается исключительно в комплексе с чашей, поэтому эпические сказания стали культурологическим сопровождением восстановления еще одной традиции – деревообработки и резьбы по дереву. Образ чаши занимает видное место в Нартовском эпосе. Нарты называют свою волшебную чашу Нартамонга, Уацамонга. Функции волшебной чаши не ограничиваются лишь даром определения достоинства героев. Амонга – иногда просто неиссякаемая чаша, наполненная лучшими напитками. Она неизвестным образом наполнялась сама по себе, и нарты никогда не оставались без чудесного напитка.

Священные напитки и чаши играли большую роль в древних индоиранских культах. Нартовская Уацамонга, несомненно, ведет свое начало от той чаши скифов, которую описал Геродот в «Мельпомене». В рассказанной им легенде о происхождении скифов говорится, что золотая чаша упала на скифскую землю с неба в качестве божьего дара. Согласно другой легенде в изложении Геродота золотая чаша была пе-

редана богатырем Гераклом праматери скифов – полудеве-полузмее, чтобы та передала ее трем сыновьям, рожденным от Геракла. В память о той золотой чаше скифы носили на поясе чаши [Геродот, 1991:12]. На эту связь указывал еще Вс. Миллер, доказывая преемственность скифо-алано-осетинской традиции [Миллер, 1992]. Сегодня нартовская Чаша вернулась в обрядовую жизнь осетин и стала одним из престижно-знаковых предметов современного искусства и сувенирного промысла.

Нартовский эпос – популярный источник духовного и культурного наследия, который используется многими народами Северного Кавказа в их национальных версиях, в различных социальных проектах. В Адыгее – это конкурс детского рисунка «Путешествие в страну нартов», организованный фондом развития карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусоид»; в Абхазии – экскурсионно-развлекательный тур «Сокровища Земли нартов», команда КВН «Нарты из Абхазии»; в Северной Осетии – конно-драматический театр «Нарты»; в Южной Осетии – танцевальный калейдоскоп «Нарты хъазт», государственный ансамбль народного танца «Нарты»; в Кабардино-Балкарии – республиканский спортивный праздник «Нартские игры–2014», студия кавказских танцев «Нарты», многофункциональный физкультурно-оздоровительный комплекс «Нарт», международный фестиваль-конкурс изобразительного искусства «Сокровище нартов». Последний проект представляется особенно интересным. В ноябре 2011 г. в Иордании проходила детская передвижная художественная выставка, для которой конкурсная комиссия приняла на рассмотрение более 400 рисунков. Участниками выставки стали ребята из Москвы, юга России, а также Сирии и Турции, где есть большие диаспоры черкесов и абхазов. Одним из последних проектов во Владикавказе является парковая зона, терренкур «Нартон» у южного въезда в столицу Северной Осетии, где установлено 17 композиций, переданных в дар городу автором скульптур Николаем Ходовым. Все фигуры героев эпоса и их небесных покровителей, выполнены из железобетона, вес каждой достигает трех тонн.

Можно говорить о том, что Нартовские сказания становятся ресурсом социальных и культурных инноваций, своеобразным

этнокультурным брендом, общим и понятным для многих народов Кавказа. При цивилизованном и профессиональном подходе этот бренд может стать символом единения и позитивного взаимодействия. Нартский эпос – важнейшая часть культурного наследия народов Кавказа, но стратегия его использования должна предусматривать и возможность дезинтеграционных тенденций, которые, к сожалению, наблюдаются не только в общественном, но и в научном дискурсе, и по своей сути являются непродуктивным «перетягиванием одеяла». Осетинская научная школа нартоведения на новом этапе своего развития руководствуется принципами, которые объединяют всех носителей нартской культурной традиции в эпический «Круг нартов», – взаимопомощи, взаимопонимания, поддержки и сотрудничества. Эти принципы являются залогом укрепления силы знаний мира и процветания народов Северного Кавказа [Цориева, 2019:145].

Молодое поколение должно воспринимать Нартиаду как общее наследие с национальными версиями и не втягиваться в ожесточенные споры об ее этническом происхождении. Анализ современных этнокультурных и общественных процессов показывает актуальность традиции для молодых поколений, озадаченных поиском своих корней. В связи с этим особое значение приобретает позитивное формирование этничности, которое предусматривает, наряду со знанием своей традиционной культуры, понимание и уважительное восприятие культур других народов. Поэтому важно определить смысл и сущность исконной традиции, выявить позднейшие напластования, проследить динамику развития и определить ее возможные перспективы в современном обществе. Последние должны быть направлены на грамотное этнокультурное позиционирование, на использование традиции в экономическом развитии территории, развитии туризма, народных промыслов, а также в образовательных и социально-культурных проектах.

Объекты культурного наследия являются средством передачи знаний, мыслей и мировоззрения будущим поколениям. На историко-культурных ценностях всегда строилось патристическое, нравственное, эстетическое воспитание, поэтому сохранение духовных и нравственных ценностей должно иметь в обществе приоритетную значимость и актуальность.

К сожалению, наряду с позитивными тенденциями, в молодежной среде наблюдается и стремление «реконструировать» странные, неизвестные науке обрядовые действия и идеи. Противостоять этим тенденциям может только качественная, научно обоснованная историко-культурная информация, которая и должна быть интеллектуальным фундаментом для разработки стратегии сохранения и использования объектов культурного наследия.

Современный уровень развития нартоведения обеспечивает научное сопровождение проектов, направленных на сохранение и актуализацию исторической памяти и историко-культурного наследия как комплекса культурных, религиозных, идеологических факторов, интегрированных во многие сферы жизнедеятельности общества. Для этого необходима популяризация результатов фундаментальных и прикладных нартоведческих исследований.

Нартоведение было первым научным направлением в Осетии, основанным Осетинским историко-филологическим обществом (ныне Северо-Осетинским институтом гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева). В тяжелые годы Гражданской войны нашлись энтузиасты, которые ездили по селениям или приглашали к себе знаменитых исполнителей нартских сказаний и песен, записывали их тексты. Так был создан фонд фольклорных материалов, который хранится в научном архиве института. У истоков науки о нартах стояли известные просветители Махарбек Туганов, Гацыр Шанаев, Цоцко Амбалов, А.З. Кубалов, Б.А. Алборов [СОИГСИ 100 лет, 2019:7–9].

В ноябре 1940 г. решением республиканского правительства был создан Нартовский комитет. Работа над сказаниями не прекращалась даже во время Великой Отечественной войны: организовывались экспедиции, собирались тексты. Под руководством В.И. Абаева институт подготовил к печати первый «Сводный текст Нартского эпоса осетин», который был издан в 1946 году. В тесном сотрудничестве с Институтом мировой литературы им. А.М. Горького в 1956 г. была проведена первая научная конференция по нартоведению, ставшая большим стимулом для дальнейшего развития этого научного направления [Канукова, 2017: 3–4]. В 1989–1991 гг. вышло первое издание осетинского Нартского эпоса в академической серии «Эпос народов СССР».

Нынешнее поколение ученых института своим кропотливым трудом, интересными научными исследованиями продолжает и преумножает богатое наследие, оставленное предшественниками. Ученые института издали нартские сказания из архивных фондов в семи томах [Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос. Т. 1–7. 1981–2011], куда включены все когда-либо записанные тексты; создали множество монографических исследований; проводят ежегодный форум «Нартоведение в XXI веке» с целью развития конструктивного диалога и сотрудничества ученых-нартоведов, преодоления сегментации научного пространства северокавказского региона, поиска новых форм научной коммуникации, позволяющих использовать значительный научный потенциал нартоведения в современных социальных и культурных практиках. Все это позволило Институту гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева подготовить в Год Осетинской Нартиады, объявленный Указом Главы Республики Северная Осетия–Алания в 2023 г., обобщающий фундаментальный труд «Энциклопедия осетинской Нартиады» [Энциклопедия осетинской Нартиады. Т. 1–3. 2022–2023]. В трех томах энциклопедии собрано все о героях, сюжетах, символах, образах Нартского эпоса, о культуре и быте, мировоззрении его носителей. Об исторических истоках и ареальных связях с окружающим миром, о сказителях и ученых, писавших об эпосе, о художниках и скульптурах, композиторах и литераторах, отразивших в своих произведениях сокровищницу культуры для грядущих поколений. Одним словом все, что было накоплено за 150 лет истории нартоведения.

Важно отметить, что популяризация научных результатов способствует решению задачи сохранения и развития осетинского языка. Художественный язык осетинского Нартского эпоса чрезвычайно богат. В нем сохранилось множество слов и оборотов, которые входят в сокровищницу осетинского языка. Благодаря эпосу, в осетинском языке сохранились красивые метафоры, которые в прошлом отражали взгляды на природу и человека. Пословицы и поговорки, изречения сказочных, легендарных героев вошли в обыденную речь народа.

Этот фундаментальный труд внесет несомненный вклад в сохранение и актуализацию культурного наследия. Выраженные в нем нравственные идеалы созвучны современным

устремлениям людей. «Энциклопедия осетинской Нартиады» поможет использовать потенциал нартоведения в социальных, культурных, туристических, образовательных, воспитательных и коммерческих проектах. Потенциал полученных результатов может использоваться более продуктивно, если привлекать молодежь к разработке креативных способов популяризации объектов этнических культур. Это послужит сохранению исторической памяти, воспитанию у молодого поколения чувства любви к родному краю, осознанию культурного и духовно-нравственного наследия предков. Применение коммуникационных и информационных технологий, создание на базе энциклопедии сетевых мультимедийных продуктов, электронных версий тематических блоков, теле- и радиопрограмм представляется перспективным направлением в сохранении, популяризации и использовании историко-культурного наследия. Имеющийся опыт создания подобных проектов подтверждает их эффективность [Канукова, Макиев, 2015: 134–136].

Богатейшие возможности представленных в энциклопедии объектов историко-культурного наследия помогут разработать мега-проекты комплексного брендинга, объединить имеющиеся и поддержать перспективные направления. Этот масштабный труд станет несомненным вкладом в выполнение государственной задачи в области сохранения и освоения историко-культурного наследия.

Сегодня Нартский эпос востребован как выражение этничности и духовности, его осмысление как совокупности материальных и духовных символов и образов становится инструментом формирования национальной этнокультурной идентичности. Однако молодые поколения должны оценивать этот памятник и как сокровищницу мировой культуры. Не случайно эпос переведен на многие языки мира: английский, немецкий, французский, словацкий, украинский, турецкий, фарси, грузинский, венгерский и др. Историко-культурное наследие, обладая мощными защитными механизмами и адаптационными возможностями, может стать важным ресурсом в выстраивании конструктивного межэтнического и межконфессионального диалога.

Источники и литература

Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. Москва: Весь Мир, 2004.

Геродот. История в девяти книгах. Книга четвертая. Мельпомена. Владикавказ, 1991.

Канукова З.В. Нартоведение: научные традиции и перспективы // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. 2017. № 4. С. 3–4.

Канукова З.В., Макиев А.А. Информационные технологии в исследовании историко-культурного наследия // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. Сб. науч. статей. Отв. редактор И.И. Горлова. 2015. С. 129–137.

Культура и пространство. Книга третья. Этнокультурный бренд и историко-культурные образы в инновационном развитии Северо-Кавказского региона. Сборник научных статей / Под ред. В.А. Тишкова. Ростов-на-Дону–Пятигорск: Изд-во СКАНС, 2011.

Культура и пространство. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест / Под ред. В.А. Тишкова. Книга 2. М., 2010.

Миллер В.Ф. Черты старины в сказаниях и быте осетин // Журнал Министерства народного просвещения. 1882. С. 1–21.

Нарты кадджытæ: ирон адæмы эпос / [Цæгат ирыстоны абайты васойы номыл гуманитарон æмæ социалон иртасæнты институт; тексттæ бацæттæ кодта, чыныг æмæ дзырдут сарæзта Хæмыцаты Тамарæ]. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфон куыстуат, 1989–2011.

Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ: Проект-Пресс, 2013.

СОИГСИ – 100 лет. Владикавказ: СОИГСИ ВЦ РАН, 2019.

Хантингтон Э. Политический порядок в меняющемся обществе. М. 2004.

Цориева И.Т. Осетинская Нартиада: к истории записи и издания героического эпоса // Этнографическое обозрение. 2019. № 3. С. 135–149.

Энциклопедия осетинской Нартиады. Т. 1–3. Владикавказ: СОИГСИ ВЦ РАН, 2022–2023.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ РАМКИ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ: НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА¹

*В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов, Г.Д. Гриценко,
С.Ю. Иванова, М.М. Шульга*

Введение

Историческое прошлое играет важнейшую роль в формировании современной российской идентичности. Не случайно вопросы исторической памяти неоднократно поднимались на высшем политическом уровне, включены в доктринальные документы, в частности, в «Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» (редакция 2018 г.), в которой одним из основных направлений национальной политики в сфере укрепления гражданского единства многонационального народа (российской нации), сохранения и поддержки этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации обозначено «предупреждение попыток фальсификации истории России» [Стратегия государственной национальной политики РФ, 2018]. Тем более актуальна роль исторического знания в духовных процессах в северокавказском регионе. После распада СССР общественное сознание региона оказалось обращенным в прошлое: историческим исследованиям уделяется особое внимание в академическом сообществе, исторические сюжеты популярны в средствах массовой информации, но, что особенно важно, историческое знание используется в качестве аргумента для обоснования различных политических проектов, политических требований и претензий.

В истории Северного Кавказа было немало славных и трагических страниц. Северный Кавказ, как и весь Кавказ, многие

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Укрепление российской идентичности на Северном Кавказе как основа региональной безопасности в условиях геополитического кризиса» Программы фундаментальных и прикладных научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности на 2023-2025 гг., ГЗ ЮНЦ РАН на 2023 г.

века был ареалом геополитического соперничества, ареной войн, миграционных потоков, перекрестком торговых путей. Сегодня Юг России представляет собой культурно-сложное общество. При этом имеется несколько разделительных линий: этнические, конфессиональные, между традиционалистскими и модернизационными ориентациями в культуре. Российские власти в проводимой политике формирования идентичности стремятся найти баланс между этничностью и надэтническим интегрированным обществом. На современном этапе акцент делается на построение интегрированного общества и формирование российской нации. Один из ранних теоретиков концепции гражданской нации Э. Ренан писал о том, что забвение истории или даже ее искажение является важным фактором формирования нации, в силу чего прогресс исторического исследования часто представляет опасность для единства нации [Ренан, 1902. Т. 6: 87–101]. Безусловно, эта точка зрения на роль истории в нациестроительстве представляется чрезмерно радикальной, однако в ней подмечена потенциальная деструктивность исторического знания для формирования целостных социокультурных систем, именуемых нациями. Специфика исторической памяти заключается в том, что из нее можно извлекать сюжеты, которые наиболее востребованы в конкретной исторической обстановке. Вместе с тем, В.А. Тишков и Ю.П. Шабаяев справедливо подчеркивают, что «важнейшие функции исторической памяти – это формирование гражданина и укрепление общей гражданской идентичности» [Тишков, Шабаяев, 2019: 63].

Хотя историческая память не сводится к академическому историческому знанию, к исторической науке, роль профессиональных историков, как и представителей других гуманитарных наук, в культурной жизни Северного Кавказа значительна. Цель настоящей статьи – выявить, какую роль историческая наука играет в формировании социально-психологического климата межэтнических отношений на Северном Кавказе, насколько она содействует или противодействует социокультурной интеграции региона в российское цивилизационное пространство и способствует укреплению общероссийской идентичности. Главное направление в историографии современного Северного Кавказа – описание и трактовка взаимоотношений региона с российским государством и его места в составе России. Как правило, в цен-

тре внимания историков оказываются сложные события, связанные с травматическими переживаниями – войны, депортации и т.д. Основной вклад данной статьи заключается в анализе региональной историографии последних лет с целью определения ключевых моментов в восприятии исторического прошлого, того нарратива, на основе которого формируется коллективная историческая память населения Северного Кавказа. В статье предложен подход, позволяющий более взвешенно и объективно анализировать тексты, обращая внимание как на дискурс травмы, так и на консолидирующие сюжеты.

В случае с историей Северного Кавказа, особенно той ее части, которая связана с российским присутствием в регионе, речь идет о конфликте образов прошлого. С одной стороны, официальная «политика памяти», являющаяся частью политики идентичности, направлена на создание примиряющей модели общего прошлого России и Кавказа. В рамках этой модели острые углы былых противоречий сглаживаются, ставка делается на постепенное забвение прошлых конфликтов и трагических событий. С помощью формирования государственной идентичности центральная власть пытается вовлечь северокавказский регион в процессы построения российской нации, и войны памяти, отсутствие общеразделяемого варианта истории являются, возможно, главным препятствием на этом пути. С другой стороны, весь постсоветский период обращения к истории, особенно к трагическим событиям, связанным с военными конфликтами и депортациями, становились важным инструментом этнополитической мобилизации. Фактор исторической памяти неоднократно использовался сепаратистскими группировками, а также террористическим подпольем, идеологи которого провозглашали себя последователями борцов за свободу времен Кавказской войны. Именно по причине наличия конфликтующих образов общего прошлого России и Северного Кавказа, огромного значения проблематики исторической памяти для интеграции региона особый интерес представляет современная северокавказская историографическая мысль.

Исследовательские методы и материалы

Эмпирической базой исследования стали 262 статьи современных ученых, преимущественно историков, представляющих семь субъектов Северо-Кавказского федерального округа

(СКФО). Для обеспечения валидности количественного анализа были определены следующие формальные признаки отбора статей: опубликованные в журналах, индексируемых в РИНЦ; находящиеся в открытом доступе; определяющиеся по ключевым словам «Северный Кавказ», «Кавказская война», «мухаджирство», «депортация», «коренизация». Нашей задачей было выявление современных тенденций в восприятии проблемного прошлого региона, поэтому при отборе публикаций мы ограничились периодом 2015–2022 гг.

Исследование проводилось методом содержательного контент-анализа публикаций в «ручном» режиме. Рубрики, по которым были распределены материалы, изначально не формулировались. Анализ содержания статей подтолкнул нас к определению шести рубрик, тематика которых отражает основные направления исторических исследований северокавказских ученых. Для анализа в рамках одного и того же хронологического периода были обозначены несколько рубрик. Так, мы выделили в отдельную рубрику Кавказскую войну, хотя хронологически и по многим другим аспектам она пересекается с политической историей Северного Кавказа дореволюционного периода и является ее составной частью. Однако многие проанализированные статьи специально посвящены Кавказской войне, и мы сочли целесообразным рассмотреть эту тему отдельно. Также мы сочли необходимым из рубрики, посвященной событиям Великой Отечественной войны, выделить в особую рубрику тему депортации, поскольку из всех событий войны именно на депортации по-прежнему направлено наибольшее внимание многих ученых. Рубрика, в которую вошли материалы, исследующие политику советской власти на Северном Кавказе в послевоенный период, хронологически ограничена периодом между революцией 1917 г. и началом Великой Отечественной войны. Такой выбор обусловлен, во-первых, самим эмпирическим материалом, во-вторых, тем, что в первые 25–30 лет после установления советской власти произошло этнотерриториальное, политическое и социокультурное оформление региона, позволяющее иметь достаточно полное представление об особенностях национальной политики большевиков в отношении Северного Кавказа. Отбор и анализ материалов был закончен в апреле 2022 г. (табл. 1).

Таблица 1. Распределение статей по рубрикам исторического прошлого

Рубрика	Кол-во статей с травмой	Кол-во статей с консолидацией	Кол-во статей смешанного содержания	Всего статей
Политическая история	26	65	9	100
Кавказская война	32	20	3	55
Культурная революция	–	13	2	15
Политика советской власти на Северном Кавказе	25	22	8	55
Великая Отечественная война	2	18	1	21
Депортации	14	–	2	16
Всего	99	138	25	262

Оценка анализируемых материалов определялась тремя исследовательскими фреймами, предпосланными самому анализу. Во-первых, мы изучали тексты с точки зрения обнаружения в них дискурса травмы. Во-вторых, мы стремились найти не только очевидные травмирующие темы и события, но и выявить подходы, посредством которых авторы пытались преодолеть эффект переживания травмы и предложить объяснительную, а не эмоционально окрашенную модель анализа исторических событий. Статьи, в которых преобладала такая линия анализа, мы интерпретировали как консолидирующие материалы, поскольку преодоление травматического переживания общего прошлого Северного Кавказа и России является важным фактором консолидации российской нации. В-третьих, мы заложили возможность двойной оценки той или иной статьи. Исследование показало правильность подобной опции, поскольку ряд материалов невозможно было трактовать однозначно из-за переплетения дискурсов травмы и консолидации.

Кроме тематических рубрик, материалы эмпирического анализа распределяются по субрегионам Северного Кавказа (табл. 2). Это позволяет понять тенденции восприятия исторического прошлого в историографии каждой республики, увидеть преобладание дискурсов травмы или консолидации.

Таблица 2. Документальная база дискурс-анализа публикаций по проблемам исторических травм и консолидирующих трендов субъектов РФ на территории Северного Кавказа

Субъект РФ	Кол-во статей с травмой	Кол-во статей с консолидацией	Кол-во статей смешанного содержания	Всего статей
Республика Дагестан	20	24	4	48
Республика Ингушетия	27	6	3	36
Кабардино-Балкарская Республика	24	30	3	57
Карачаево-Черкесская Республика	7	5	–	12
Республика Северная Осетия–Алания	6	23	–	29
Чеченская Республика	14	24	13	51
Ставропольский край	1	26	2	29
Итого	99	138	25	262

Для сравнения точки зрения северокавказских авторов по основным тематическим рубрикам дополняются взглядами зарубежных исследователей.

Политическая история

Процесс присоединения Северного Кавказа к Российской империи растянулся на несколько столетий. Как правило, исследователи отмечают противоречивость этого процесса, преобладание технологий насилия над элементами естественной социальной интеграции. Например, в своей авторитетной работе И. Перович отмечает, что «представители царской администрации безжалостно подавляли любые формы неповиновения, однако русское имперское правление над регионом и его народами основывалось не только на подавлении и силе. Россия активно применяла интеграционные стратегии, такие как кооптация общественной и духовной элиты или создание государственных школ, чтобы обеспечить лояльность населения» [Perović, 2018: 10]. Однако, признавая определенные усилия по интеграции региона со стороны центрального правительства, он полагает, что все же это был «минималистский проект государственного строительства», основанный на «расистском чувстве

превосходства». В конечном итоге такая политика «привела скорее к маргинализации и сегрегации, чем к интеграции различных нерусских народов Северного Кавказа в имперскую Россию» [Там же: 11]. В политике по отношению к Кавказу Россия, подобно другим империям, претендовавшим на доминирование в регионе, «задействовала иерархические системы управления, несовместимые с традиционными северокавказскими ценностями» [Ware, Kisriev, 2009: 4].

В рамках нашего исследования к рубрике «Политическая история» были отнесены статьи на тему административно-политического и социально-экономического обустройства Северного Кавказа в периоды до и после Кавказской войны. Особый интерес вызывает отношение современной исторической мысли региона к процессу интеграции Северного Кавказа в политическое и социально-экономическое пространство Российской империи. Отношение к данному процессу неоднозначное, однако в публикациях преобладают консолидирующие сюжеты. Отмечаются усилия России по интеграции и модернизации Северного Кавказа, включению региона в правовое и социально-экономическое пространство империи. Преобразования делались не по шаблону, а с учетом региональных особенностей. Уже к концу Кавказской войны «механизм социокультурного взаимодействия России и народов Северного Кавказа начал работать. Горские общества оказались втянуты в общероссийские модернизационные процессы, способствующие развитию новых социальных, экономических и культурных отношений в крае» [Кузьминов, 2018: 11]. Присоединение Северного Кавказа «имело в целом объективно прогрессивное значение: избавило его народы от порабощения отсталыми восточными деспотиями (Османской империи и Ирана), способствовало их социально-экономическому, политическому и культурному развитию» [Гасанов, 2016: 31]. Представители горских сообществ понимали, что «лишь с присоединением к России, к стране, которая находилась на более высоком уровне экономического и культурного развития, втягивая горцев во всероссийский обмен, приобщая их к социальным процессам, возможно было добиться коренного изменения жизненного уровня развития горских народов» [Костоев, 2020: 26].

С другой стороны, реформы этого периода на Кавказе частью исследователей рассматриваются в ракурсе целенаправленной политики утверждения Россией своей власти в регионе, создания «колониальной системы на Кавказе», «колониального

гнета». Ученые обращают внимание на негативные стороны политических процессов на Северном Кавказе, ошибки имперской администрации. Однако большинство статей из этой рубрики основаны не на переживании травмы, а на анализе исторического процесса, показываются попытки решения проблем и налаживания отношений между администрацией и народами региона.

Примером двойной оценки в рамках данной рубрики является статья «Освобождение зависимых сословий в балкарском социуме». Автор приходит к выводу, что «условия освобождения и практика ликвидации зависимых отношений в балкарских обществах были самыми тяжелыми на Северном Кавказе и привели к сильному обезземеливанию балкарских крестьян». В то же время «крестьянин из бесправного раба, представляющего собственность своего господина, превратился в личность, обладающую правами», а сама реформа «способствовала втягиванию окраин в систему всероссийского рынка» [Абаева, 2019: 49].

Кавказская война

В трактовке темы Кавказской войны в историографии Северного Кавказа наблюдается существенное преобладание дискурса травмы. В ряде статей рассматриваются колыбельные песни времен Кавказской войны, сохранившие в себе эмоциональный заряд современников событий, наполненный впечатлениями от ужасов войны. Делается попытка реконструировать «повседневное существование... в условиях военного конфликта». Такая реконструкция концептуально оформляется как «этнография смерти» [Текуева, Нальчикова, Коновалов и др., 2019: 207–221]. Таким образом, травмирующий дискурс оформляется за счет «снятия» исторической дистанции и попытки взглянуть на события Кавказской войны глазами ее современников, передать их чувства и ощущения.

В «консолидирующих» статьях, наоборот, Кавказская война рассматривается с имеющейся на сегодняшний день исторической дистанции, их авторы ставят перед собой задачу осмыслить это событие в контексте общего комплекса отношений между Кавказом и Россией. Взаимоотношения между Россией и горцами в этот период определялись «долговременной программой» строительства империи, «учитывающей не только интересы Центра, но и колонизируемой Периферии» [Кузьминов, 2017: 66]. В целом в этой группе статей прочитывается установка

на выработку компромиссного видения Кавказской войны с целью снизить остроту конфликтов памяти, препятствующих диалогу и интеграции на современном этапе развития России.

Отдельной строкой, усиливающей травмирующую рецепцию Кавказской войны, проходит тема мухаджирства. Утверждается, что имела место именно массовая депортация, а не какие-либо частные случаи насильственного выселения. Кроме того, высказывается тезис, что она имела целенаправленный и спроектированный еще до самого факта депортации характер [Озова, 2015: 59–70]. Мухаджирство стало «крупнейшей демографической катастрофой, которая перекроила традиционный этнический облик Кавказа, прервала исторический процесс социально-экономического и культурного развития горских народов на многие десятилетия» [Долгиева, Дзуматова, 2020: 18]. Эти выводы созвучны некоторым «параллельным» исследованиям в западной историографии. Например, И.Х. Крейтен пишет: «В ходе колониальных завоеваний русская военная политика претерпела процесс радикализации, завершившийся изгнанием большей части местного населения. Эта политика недвусмысленно именовалась русскими современниками "чистой". Хотя имперские русские чиновники еще не мыслили этническими категориями и не опирались на биологические концепции, их образы северных кавказцев были весьма эссенциализированными². В случае черкесов с Западного Кавказа эта эссенциализация привела к их исключению из "цивилизованного" мира и превратила их в объекты, от которых можно отказаться» [Kreiten, 2009: 213–241]. Этнический фактор имел важное значение в контексте управления Северным Кавказом и, «стремясь установить свою власть, российские администраторы использовали этническое разнообразие региона с помощью стратегии "разделяй и властвуй"» [Ware, Kisriev, 2009: 16].

Обращает на себя внимание весьма критический настрой современной западной историографии в интерпретации ключевых событий истории северокавказского региона. Современная западная историография по сути воспроизводит многие стерео-

---

² Эссенциализм – теоретическая установка, приписывающая явлениям и вещам некой глубинной и неизменной сущности, прирожденного набора качеств и свойств. В этнологии термин *эссенциализм* используется как утверждение наследуемых и вечных качеств, присущих тем или иным этническим сообществам (прим. редактора).

типы советской исторической науки, демонизируя царское правительство, царскую армию и ее полководцев и одновременно представляя горские народы исключительно как жертв имперской экспансии. На сегодняшний день подобный подход видится слишком упрощенным и подогнанным под заранее разработанную схему. В этом смысле взгляды современных северокавказских историков выглядят более гибкими и сбалансированными.

Политика советской власти на Северном Кавказе

Приход к власти большевиков в результате Октябрьской революции означал, помимо всего прочего, появление новых подходов в области национальной политики. Если царская администрация использовала этнический фактор в провинциях весьма осторожно и ставка делалась на процессы административной русификации, то большевики сделали этничность смысловой опорой своей политики не только в отношении Северного Кавказа, но и советской страны в целом. С самого начала они пытались построить «мультинациональную социалистическую федерацию» [Hirsch, 2000: 201–226]. Ленин и другие советские лидеры полностью осознавали политическую силу национализма этнических меньшинств и были готовы удовлетворить их запросы, создав Советский Союз как федерацию, определяемую по этническому признаку [Gleason, 1990].

В отношении Северного Кавказа большевистский проект «преследовал максимальные цели. В отличие от Российской империи, которая в конечном счете была бы удовлетворена, если бы соответствующие народы не оспаривали активно притязания государства на власть и правление, большевики определили своей конечной целью полное преобразование общества. Для них лояльность означала не просто молчаливое согласие, а активное и безусловное участие в их проекте "великих социалистических преобразований"» [Perović, 2018: 12].

Учитывая этническое и культурное разнообразие Северного Кавказа, неудивительно, что именно этническая политика стала основным инструментом преобразований в регионе. Советское правительство предоставило крупным этническим группам «собственные автономные административные территории, в пределах которых они имели статус "титულных наций"». Это было сделано «ради их прогресса в культурном плане и для то-

го, чтобы они могли продвигаться на руководящие должности в бюрократическом аппарате и партийной организации на своей территории» [Там же: 12]. Однако другие авторы считают, что этническая фрагментация, связанная с созданием автономий, «способствовала порочному кругу горизонтальных конфликтов между различными этническими группами, в немалой степени проистекающими из территориальной раздробленности, навязанной вертикально-иерархической системой русского господства, и оправданной как ответ на эти самые горизонтальные конфликты» [Ware, Kisriev, 2009: 28].

Для историков Северного Кавказа центральной стала тематика послереволюционного национально-территориального обустройства региона. Травмирующий дискурс определяется тем, что советская власть не оправдала ожиданий горских народов, делая ставку на силовое решение проблем, применяя при этом «жесткий тоталитарный прессинг» для переформатирования региона [Жанситов, 2019а: 36–41]. Как полагают некоторые авторы, большая часть горцев поддержала большевиков, поверив в их обещания проводить политику, учитывавшую этническую и религиозную специфику региона, этнокультурные традиции. Однако в итоге большевистская политика в регионе привела к уничтожению традиционных социальных элит, поставила под вопрос сохранение этнокультурной самобытности кавказских народов [Жанситов, 2017: 113–118]. В целом «Северный Кавказ политически и идеологически не вписывался в теорию и практику советской власти» [Кажаров, 2018а: 52]. Отсюда проистекали многочисленные сложности и проблемы политико-административной реинтеграции региона. Вовлечение горских народов в советскую систему отношений означало вступление в «трагичную... эпоху становления новой парадигмы социально-политического бытия» [Жанситов, 2019б: 34].

Консолидирующий дискурс при рассмотрении послереволюционной ситуации на Северном Кавказе задается темами преодоления сепаратизма, интеграцией региона в новое государство. Отмечается, что основой сепаратизма на Северном Кавказе в первые послереволюционные годы явились антибольшевистские настроения, а не неприятие России в качестве политического и цивилизационного центра. Это означало по сути, что регион успел настолько интегрироваться, что лишь небольшая часть интеллигенции видела иные политические пер-

спективы [Кажаров, 2018б: 28–38]. Основная часть горской интеллигенции не мыслила категориями самостоятельной, отдельной от России государственности для кавказских народов, а пыталась создать на Кавказе формы государственности, вписывающиеся в либерально-демократические рамки нового российского государства, каким оно виделось многим представителям кавказской интеллектуальной элиты [Кажаров, Цолоев, 2017: 47–53]. Более того, именно благодаря национальной политике советской власти удалось сохранить Северный Кавказ в составе нового государства [Атаева, 2016: 135–137].

Великая Отечественная война

Великая Отечественная война стала настоящим испытанием для всего советского народа. Она проверила на прочность новую советскую систему социальных отношений, стала тестом эффективности советского патриотизма и советской политики идентичности. Эффективность этих проектов применительно к населению Северного Кавказа оказалась не слишком высокой. Как отмечает И. Перович, «хотя национальная политика и повышала национальное самосознание различных народов, это не всегда шло рука об руку с усилением просоветских настроений. Это очень ярко проявилось в событиях, последовавших за нападением Германии на Советский Союз, в формировании антисоветских движений сопротивления в горах Северного Кавказа и повсеместном отказе от службы в Красной Армии. В то время как ранее сопротивление государственным мобилизационным кампаниям часто ассоциировалось с религиозными лозунгами, национальные и светские требования заняли центральное место во время движения сопротивления начала 1940-х годов» [Perović, 2018: 16].

Несмотря на неоднозначную рецепцию данной темы в западной исторической науке, в трудах современных северокавказских историков Великая Отечественная война рассматривается почти всецело в русле консолидирующего тренда. В частности, в статьях акцент делается на героическом сопротивлении советских народов натиску фашистов на кавказском направлении [Койчурев, 2018: 49–53]. Высоко оценивается вклад народов Северного Кавказа в общую победу советского народа. Артикулируется идея патриотизма как основа участия народов в деле защиты Родины [Баучиев, 2018: 57–60]. Отдельно отмечается

патриотический подъем интеллигенции Северного Кавказа, ее вклад в разработку идеологическо-пропагандистских основ противостояния врагу [Баучиев, 2017: 107–111]. «Новый немецкий порядок» на Северном Кавказе, как и в других советских областях, «порождал убийства и насилие над местным населением, вне зависимости от его этнической или религиозной принадлежности» [Татаров, 2015: 592–607]. Как результат Великая Отечественная стала «личной войной каждого горца. Традиционная кавказская ментальность, одной из опор которой является институт гостеприимства, с трудом смогла пережить столкновение с незнакомым, враждебным и неоправданно жестоким оккупационным фашистским режимом» [Гугова, 2019: 72–76].

Депортации

Трагическим событием войны стали депортации ряда народов Северного Кавказа в Казахстан и республики Центральной Азии. И. Перович объясняет депортации неудачей проекта социалистических преобразований в северокавказском регионе. В этом смысле «сталинские депортации представляли собой радикальные меры тоталитарного государства, которое в конечном итоге не смогло укрепить свои претензии на власть над этой трудноуправляемой частью Советского Союза» [Perović, 2018: XXIII]. А. Маршалл рассматривает сталинские депортации в более широком контексте европейских практик «перемещений». Он утверждает, что «в целом советские депортации были лучше организованы и централизованно спланированы, чем другие случаи, такие как принудительная миграция этнических немцев по всей Восточной Европе» [Marshall, 2010: 270–271].

В современной историографии Северного Кавказа депортации рассматриваются почти однозначно в рамках дискурса травмы. Они оцениваются как целенаправленное мероприятие, спланированный процесс, целью которых было уничтожение этнической идентичности народов, разрушение привычных этнокультурных форматов традиционного общества [Текуева, Гугова, Нальчикова и др., 2017: 145–157], стремление власти расколоть этнокультурное единство народов Северного Кавказа и подвергнуть их этнической ассимиляции [Аккиева, 2015: 9–37], политической и культурной маргинализации [Кетенчиев, Додуева, Мизиев, 2020: 112–119]. В ряде статей прослеживается идея о том, что ситуация войны и отдельные случаи коллаборацио-

низма были использованы советским режимом как предлог для депортации народов Кавказа, а не как ее причина. В качестве причины указывается национальная (этническая) основа депортационных мероприятий – «выселение народов, в том числе и ингушского, можно квалифицировать как геноцид по национальному признаку» [Агиева, 2019: 11–26]. Именно «по этническому принципу были высланы чеченцы и другие народы» [Осмаев, 2015: 83–86].

Культурная революция

Позитивно воспринимаются региональными учеными процессы культурной революции советского периода. Эмансипация женщин [Гугова, 2020: 29–35], распространение грамотности, усилия по приобщению горцев к русской и мировой культуре на родных языках [Лоов, 2021: 24–30], модернизация систем воспитания и образования рассматриваются историками как важные консолидирующие тренды, обусловившие прогресс социокультурной интеграции региона в новую советскую реальность.

Большой интеграционный потенциал был заложен в процессы подготовки новой советской интеллигенции, в частности учителей и преподавателей, которые в конечном итоге становились главной движущей силой формирования советской культуры в регионе. В одной из статей отмечается, что «осуществление строительства социалистического общества и новой социалистической культуры невозможно было без большого количества специалистов, поэтому создание советской интеллигенции явилось одной из важнейших проблем, вставших перед Советской республикой. Для этой цели в 1920-е гг. в городах Северного Кавказа появляются вузы, ориентированные на подготовку качественных специалистов для автономий горских народов» [Галеева, 2019: 23–28]. В процессе подготовки местных специалистов важную и позитивную роль сыграла политика коренизации, которая дала толчок прогрессивному процессу складывания образованной национальной элиты у многих северокавказских народов, в частности, у чеченцев и ингушей [Керимов, Мачукаева, 2021: 48–55].

Заключение

Статей, задающих консолидирующий тренд, выявлено существенно больше, чем статей с экспликацией исторических травм. Однако подобный перевес консолидации достигнут во

многим за счет результата по Ставропольскому краю, где из 29 статей только одна содержит травмирующий дискурс. Анализ полученных данных по другим субъектам показывает достаточно сложную картину восприятия прошлого. Если в Дагестане, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии публикации по выделенным рубрикам распределились в целом равномерно, то в публикациях ученых из трех других республик можно выделить доминирующий дискурс. Авторы из Ингушетии делают явный акцент на травмирующих сюжетах, в то время как ученые, представляющие Чечню и Северную Осетию, эксплицировали в историческом прошлом, как правило, консолидирующие тренды.

Преобладание консолидирующего тренда при рецепции прошлого представляется закономерным, хотя и не выглядит устойчивым и необратимым. Начиная с 2000-х гг., Северный Кавказ стал частью масштабных федеральных проектов по формированию российской общенациональной идентичности и гражданского патриотизма. Уровень государственно-гражданской идентичности, особенно среди молодежи, значительно вырос по сравнению с 1990-ми гг. С другой стороны, такими же высокими темпами росла этноконфессиональная идентичность, что привело к ситуации конкуренции или даже конфликта идентичностей [Авксентьев, Аксумов, 2022: 76–87]. Возможно, именно данный конфликт лежит в основе продолжающихся войн памяти и в какой-то степени нивелирует успехи нациестроительства в северокавказском регионе.

Многовековой проект по культурной интеграции Северного Кавказа до сих пор остается незавершенным. Этнокультурная специфика региона способствует созданию и поддержанию региональных нарративов исторического прошлого, часто отличающихся от официального исторического дискурса. Кроме того, в многосоставных государствах неизбежно возникает «неоднородность культурной памяти». «Различные социальные классы, поколения, национальности, религиозные сообщества и субкультуры создают свои собственные, но во многом пересекающиеся рамки памяти» [Erl, 2011: 8]. Специфические контуры культурной и исторической памяти Северного Кавказа, продолжающаяся актуализация переживания прошлого в форме эмоциональной травмы проблематизируют вопрос о перспективах развития в регионе российской гражданской и особенно цивилизационной идентичности.

Источники и литература

Абаева М.Ш. Освобождение зависимых сословий в балкарском социуме // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2019. № 21.

Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. «Портфель идентичностей» молодежи Юга России спустя 12 лет // Социологические исследования. 2022. № 7.

Агиева Л.Т. Страница в истории ингушского народа: депортации в годы Великой Отечественной войны (к 75-летию депортации ингушского народа) // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. 2019. № 1.

Акиева С.И. Проблемы реабилитации депортированного балкарского народа. Возвращение на историческую родину // Белые пятна российской и мировой истории. 2015. № 6.

Атаева Ф.А. Общественно-политическая ситуация на Северном Кавказе в годы гражданской войны // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2. № 4.

Баучиев Х.Б. Вклад интеллигенции Северного Кавказа в идейно-политическую работу в начальный период Великой Отечественной войны // Общество: философия, история, культура. 2017. № 7.

Баучиев Х.Б. Помощь населения Черкесской и Карачаевской автономных областей фронту и тылу в годы Великой Отечественной войны // Общество: философия, история, культура. 2018. № 6 (50).

Гапеева М.С. Формирование национальных кадров учительства и его идейно-политическое воспитание в 1920-е гг. (на материалах городов Северного Кавказа) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2019. № 3 (46).

Гасанов М.М. Социально-экономическое развитие и типы политических организаций Дагестана к моменту окончания Кавказской войны // Вестник академии наук Чеченской Республики. 2016. № 3 (32).

Гугова М.Х. Гражданское население Кабардино-Балкарии и движение сопротивления в условиях германской оккупации (1942–1943 гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42).

Гугова М.Х. К вопросу о гендерных аспектах модернизационных процессов у кабардинцев и балкарцев в конце XIX – первой трети XX века // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2020. № 1 (44).

Долгиева М.Б., Дзуматова З.Р. Роль Муссы Кундухова в переселении горцев Северного Кавказа в Турцию // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. 2020. № 1.

Жанситов О.А. Революционные процессы в национальных округах Терской области (1917–1918) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2017. № 2 (76).

Жанситов О.А. Горско-казачьи противоречия в Терской области (1917–1918): факторы эскалации // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2019. № 3 (46).

Жанситов О.А. Историография революционного периода в горских округах Северного Кавказа: вопросы автономизации // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42).

Кажаров А.Г. Организация «союз объединенных горцев» и сепаратизм на Северном Кавказе: предпосылки, движущие силы и итоги (1917–1919 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. № 1 (214).

Кажаров А.Г. Формирование Горской АССР и проблемы национального самоопределения Кабарды и Балкарии (1920–1921 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 1.

Кажаров А.Г., Цолоев Т.С. Общественно-политическая деятельность горской интеллигенции на Северном Кавказе в условиях русской революции 1917 г. // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 4.

Керимов И.А., Мачукаева Л.Ш. Роль Грозненского нефтяного института в реализации политики коренизации кадров нефтяной промышленности Северного Кавказа (1920 – начало 40-х гг.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2021. № 2 (53).

Кетенчиев М.Б., Додуева А.Т., Мизиев А.М. Особенности вербализации депортации 1943–1957 гг. в Карачаево-Балкарской народной лирике // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 1.

Койчуев А.Д. Роль народов Карачаевской автономной области в обороне Кавказа (1942–1943 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. № 4 (229).

Костоев З.И. Политика России на Северном Кавказе в 1900–1917 гг. // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. 2020. №1.

Кузьминов П.А. Социальная политика российского правительства на Северном Кавказе в XVIII – 60-х годах XIX вв. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. № 1 (36).

Кузьминов П.А. Россия и горские народы Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в.: альтернативные формы взаимодействия // Электронный журнал «Кавказология». 2017. № 4.

Лоов А.А. Подготовка национальных кадров для социально-культурной сферы Кабардино-Балкарии в 1920-х гг. // Вестник Калмыцкого университета. 2021. № 1 (49).

Озова Ф.А. Депортация черкесов в 1856–1864 гг.: план и его реализация // Клио. 2015. № 5 (101).

Осмаев М.К. Депортация: культурные потери чеченского народа // Вестник Чеченского государственного университета. 2015. № 2 (18).

Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т. 6. Киев, 1902.

Стратегия государственной национальной политики РФ – Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [Электронный ресурс]: URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360?ysclid=I5txyh2yme548090991>.

Татаров А.А. Мусульманские праздники в политике Третьего рейха среди горцев Северного Кавказа в 1942–1944 гг. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 110.

Текуева М.А., Гузова М.Х., Нальчикова Е.А., Битокова Т.В. Повседневность экстремального: опыт выживания в условиях ссылки и депортации // Электронный журнал «Кавказология». 2017. № 4.

Текуева М.А., Нальчикова Е.А., Коновалов А.А., Гузова М.Х. Повседневное существование черкесов в условиях военного конфликта: этнография смерти // Электронный журнал «Кавказология». 2019. № 3.

Тишков В.А., Шаббаев Ю.П. Историческая память: формы сохранения, конструирования и презентации // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2019. № 4 (40).

Erll A. Travelling Memory // Parallax. 2011. № 17.

Gleason G. Federalism and Nationalism: The Struggle for Republican Rights in the USSR. Boulder, CO: Westview, 1990.

Hirsch F. Towards an empire of nations: Border-making and the formation of Soviet national identities // Russian Review. 2000. № 2.

Kreiten I.H. A colonial experiment in cleansing: the Russian conquest of Western Caucasus, 1856–65 // Journal of Genocide Research. 2009. № 2.

Marshall A. The Caucasus under Soviet Rule (London: Routledge, 2010).

Perović J. From Conquest to Deportation: The North Caucasus under Russian Rule. – London and New York, Hurst and Oxford University Press, 2018.

Ware R.B., Kisriev E. Dagestan: Russian Hegemony and Islamic Resistance in the North Caucasus. Armonk, N.Y.: Routledge. 2009.

ОБРАЩЕНИЕ К ОЙРАТСКОМУ НАСЛЕДИЮ КАК ФАКТОР ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СМЕЩЕНИЯ В ИДЕНТИЧНОСТИ КАЛМЫКОВ

В.Л. Волгин

Проведенное исследование ставило целью показать процесс переосмысления этнокультурной идентичности, происходящий в калмыцком обществе, и в этом смысле интересным и показательным является обращение калмыков к ойратскому наследию и формирование ойратской составляющей в самоидентификации калмыков. Основными методами исследования были дискурс-анализ, контент-анализ, этнологический мониторинг. Ключевыми информационными источниками стали публикации в периодической печати, на сайтах в интернете, содержание популярных социальных сетей, интернет-форумов по теме исследования.

Прежде всего, скажем, что ойраты – это группа племен западных монголов, в XIV в. объединившихся в Ойратское ханство. В конце XVI – начале XVII вв. ойраты разделились. Одна часть образовала Джунгарское ханство, другая откочевала на восток, образовала Хошутское ханство, третья положила начало современным этническим калмыкам. Эта группа ойратов мигрировала на запад, обосновалась на Нижней Волге и в Северном Прикаспии, образовала Калмыцкое ханство, стала союзником России, затем приняла ее подданство. В 1771 г. значительная часть калмыков откочевала в Джунгарию, и Екатерина II упразднила Калмыцкое ханство. В дальнейшем его территория оказалась поделена между Астраханской и Ставропольской губерниями, к началу XX в. калмыки проживали дисперсно не только в этих, но и других регионах России. В 1920 г. первый общекалмыцкий съезд Советов провозгласил объединение разрозненных частей калмыцкого народа в автономную область. В 1935 г. Калмыцкая АО была преобразована в Калмыцкую автономную советскую социалистическую республику. В декабре 1943 г. калмыцкий народ подвергся депортации в Сибирь, республика – ликвидирована. В 1956 г. калмыки были реабилитированы, калмыцкая автономия воссоздана сначала как область, затем как Калмыц-

кая АССР. В настоящее время это Республика Калмыкия, а калмыки, с одной стороны, считаются «новым народом» со старыми ойратскими корнями, и эта точка зрения традиционна; с другой – являются собственно ойратами, но только волжскими, как настаивают активисты ойратского движения в Калмыкии.

По данным всероссийской переписи 2010 г. в РФ насчитывалось 183 тысячи калмыков, в том числе в Калмыкии – 162 тысячи. Сведения переписи 2020 г. о национальном составе населения страны к моменту подготовки настоящей статьи еще не были обнародованы. Наиболее многочисленные группы ойратов проживают в Монголии (почти 240 тысяч) и Китае (до 600 тысяч). В Монголии они именуется ойратами, ойрат-монголами, в КНР официально считаются монголами.

Смещение части калмыков к ойратскости и дискурс по этому поводу в калмыцком обществе зримо проявились в период подготовки и проведения переписи 2010 г. Появившаяся тогда же общественная организация «Центр развития современной ойратской культуры "Тенгрин уйдл" ("Млечный путь")» объявила в республике акцию «Я – ойрат» и выступила с обращением к калмыкам записываться в переписных листах ойратами. В Элисте даже расклеивались самодельные листовки с официальной эмблемой переписи и слоганом «Всероссийская перепись ойратов». Восприятие такого призыва среди калмыков, выраженное наиболее активно в интернет-форуме <http://forum.kalmykia.ru>, было неоднозначным. Имелась безусловная поддержка («Пусть возродится древнее самоназвание нашего народа в 21-м веке!»); условная поддержка («Готов назвать себя ойратом, если в итогах переписи меня учтут как калмыка»). Но превалировало непонимание затеи, ее неприятие, несогласие «переходить» в ойраты, обеспокоенность возможной утратой единства калмыцкого народа, его раскола на калмыков и ойратов. В итоге в переписи 2010 г. записались ойратами относительно немногие – более тысячи человек, которых в ее результатах отнесли к калмыкам. Однако по сравнению с переписью 2002 г. это оказался существенный рост, тогда ойратами идентифицировали себя менее ста человек. Подробно калмыко-ойратский сюжет переписи 2010 г. был проанализирован нами ранее [Волгин, 2012: 52–55].

Возвращаясь к нему, отметим, что, как показывала развернувшаяся дискуссия, одним из мотивов инициативы видоизменения калмыцкой идентичности было стремление активистов к

преодолению проблемного состояния калмыцкой нации, ее сохранению и возрождению через великость ойратского исторического и культурного наследия: «Все действительно великое в нашем этносе связано с именем "ойраты". Наши великие победы, наши государства, наши традиции и ценности, героический эпос "Джангар" – все они были созданы тогда, когда наш народ носил гордое имя ойратов», «Называя себя ойратами, мы устанавливаем связь с нашим прошлым, с нашей великой культурой». Некий сторонник ойратской идентичности с сожалением говорил, что многие его соплеменники «без понятия, какое отношение имеют к калмыкам ойраты». Не случайно некоторые из тех, кто не был готов к изменению этнокультурной идентичности, тем не менее, толерантно относились к акции: «Не впадаю в раздражение от того, что кто-то хочет записаться ойратом. Глядишь, и люди хоть историю почитают, а то вообще же ничего не знают». Впрочем, не все соглашались с доводами сторонников изменения идентичности, что все действительно великое в калмыцком этносе связано с ойратским периодом. «Ничего не имею против нашей истории, всего того, что позволяет гордиться нашими корнями, – рассуждала одна из полемисток и, имея в виду собственно калмыков, добавляла. – Думаю, у нашего народа было немало доблестных подвигов и поводов к национальной гордости уже в более близкий к нам исторический период».

После переписи 2010 г. проойратское движение продолжало развиваться, обращаясь к историческому наследию ойратов, их военному прошлому. Появилась общественная инициатива празднования в Калмыкии Дня ойратской славы 1 сентября. День приурочен к победе в крупной Тумуской битве в 1449 г. в период монголо-китайской войны, когда 20-тысячное войско во главе с ойратским лидером Эсэном нанесло поражение 500-тысячной китайской армии под командованием императора Чжу Цичжэня, пленив его. В китайской историографии этот день принято называть «Тумуской катастрофой». В 2015 г. состоялось первое празднование Дня ойратской славы, организованное активистами.

Они же продвигали идею организации съезда ойрат-калмыцкого народа, который и состоялся в 2015 г. 1-й Чуулган – Съезд ойрат-калмыцкого народа позиционировал себя как неформальный орган, представляющий ойрат-калмыцкий народ и ответственный за его развитие [Бадмаев, 2016]. Резолюция

съезда охватывала широкий круг вопросов, в том числе укрепление ойратскости калмыков. В этом смысле, в частности, предлагалось:

- ввести в обязательную программу начальной и средней школы преподавание истории и культуры ойрат-калмыцкого народа и Калмыкии, старокалмыцкого (ойратского) языка;

- установить более тесные связи и контакты с соплеменниками и родственными народами из разных стран мира, информационный обмен с ойратами за пределами Российской Федерации;

- создать единый орган ойратов для координации совместных действий;

- органам государственной и муниципальной власти, общественным организациям Калмыкии приступить к подготовке Всемирного конгресса ойрат-калмыцкого народа;

- региональным и федеральным органам власти разработать и принять государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Россию ойрат-калмыков, проживающих за рубежом [Резолюция Чуулгана, 2015].

Отметим, что, в основном, эти планы остались нереализованными. Деятельные сторонники ойратскости предлагали и другие идеи. Например, выдвигался тезис своего рода калмыцкого ойратоцентризма, выражающийся в том, что Калмыкия – единственный ойратский регион, имеющий государственность, поэтому именно Калмыкия должна стать центром ойратского объединения [Илишкин, 2019], центром не только калмыцкой, но и ойратской культуры в мире [Бембеев, 2019]. Впрочем, и эта концепция не получила дальнейшего развития.

Выражалось недовольство по поводу превалирования в названиях улиц символов советского периода и отсутствия отражения в наименованиях богатого на события и личности ойратского периода истории калмыков. Глядя на карту Элисты, создается впечатление, что история калмыков началась в 1917 г., говорили общественники. Единомышленниками была создана инициативная группа, предложившая вариант устранения такого дисбаланса, правда, к практическим результатам это пока не привело. Постепенно в дискурсе появлялись еще более далеко идущие инициативы – переименование Республики Калмыкия в Ойрат-Калмыкию, Ойратскую Республику, Ойрат-монгольскую Республику, Ойратию и др. Подобные идеи не вызвали в обществе значимого одобрения. Скорее, наоборот.

«Дед, может, и был ойратом. Но я калмык. Почему я должен отказываться от сути. Или "калмык" — это позор?» — показательно рассуждал в популярной соцсети «Доска позора. Элиста» (<https://vk.com/public75530035>) участник дискуссии. Оппоненты, настаивавшие на сохранении «калмыцкости», отмечали, что с фашистами в Великой Отечественной войне сражались калмыки и в Сибири в годы депортации погибли тоже калмыки, а не ойраты; называли мысли по переименованию глупостями, прибежали в спорах в интернет-сообществах к лексике на грани ненормативной. Тем не менее, в решении 3-го Чуулган – Съезда ойрат-калмыцкого народа (состоялся 29 мая 2021 г.) записано: рассмотреть возможность и начать обсуждение в обществе вопроса о переименовании Республики Калмыкия в Ойрат-Калмыцкую Республику [Решение Чуулган, 2021].

Следует заметить, что региональные власти не признают, считают нелегитимными съезды ойрат-калмыцкого народа, их решения. Больше того, организаторы третьего съезда были подвергнуты административным наказаниям за его проведение. Однако самой идее ойратскости калмыков власти со временем оказались не чужды. Если поначалу ее продвигали исключительно активисты, то затем к делу подключилось республиканское политическое руководство. В 2018 г. впервые в Калмыкии состоялся международный фольклорно-этнографический фестиваль ойратских народов «Ойрад тумэн» («Ойратский народ»), зародившийся в Западной Монголии и проводящийся с 2006 года. С инициативой организовать фестиваль в Элисте выступила общественная организация Монголии «Ойрад тумэн», и тогдашний глава Калмыкии поддержал предложение. С одной стороны, власти республики подчеркивали российскость калмыков: «Вдали от своей прародины он [калмыцкий народ] обрел вторую родину в составе великой России. Мы гордимся тем, что многонациональная, многоконфессиональная Российская Федерация придала культуре и искусству калмыцкого народа новое звучание, новые краски» [Болдуринова, 2018]. С другой стороны, отмечали общность с ойратским миром: «Мы гордимся тем, что сохранили свою национальную культуру, свой язык, традиции, веру. Отрадно, что сегодня, когда границы открыты, мы можем общаться со своими братьями, находящимися территориально далеко от нас. Мы хотим быть ближе друг к другу, для нас это важно» [Халгинова, 2018]. Действующий в настоящее время глава рес-

публики заявлял: «Я очень горжусь тем, что во мне течет ойратская кровь» [Болдуринова, 2019]; «Ойратские народы должны жить в едином культурном пространстве. Для Калмыкии это жизненно необходимо» [Бату Хасиков, 2019]. С 1 сентября 2019 г. появилась практика празднования этого дня при участии региональных и городских властей, тогда как ранее оно неофициально проводилось общественными активистами. Процесс развития ойратскости калмыков вольно или невольно находил отклик в федеральном центре. В 2019 г. упомянутый выше Центр развития современной ойратской культуры «Тенгрин уйдл» получил грант президента РФ в размере почти 1,5 млн руб.

В других населяющих Калмыкию этнических группах ойратские перипетии калмыков воспринимали отстраненно – в дискуссиях не участвовали, отношение не выражали. В свою очередь, ойратские активисты старались предупреждать возможные опасения их деятельности со стороны некалмыцкой части населения, да и властей всех уровней. В резолюции 1-го Чуулган – Съезда ойрат-калмыцкого народа говорилось: «Съезд, отстаивая права и свободы ойрат-калмыцкого народа, принципы национально-территориального устройства Российской Федерации, выступая против национальной, расовой, религиозной нетерпимости и вражды, будет всячески содействовать сохранению межнационального и межконфессионального мира, согласия в Республике Калмыкия» [Резолюция Чуулгана, 2015]. Один из членов исполкома съезда, например, заявлял: «Я, как ойрат-калмык, с глубоким уважением отношусь к людям любой национальности. <...> Да, мы должны отстаивать свою идентичность, свой язык, свою культуру, но вместе с тем, мы должны понимать, что живем в общем доме, имя которому – Россия» [Горяев, 2019]. В целом движение ойратскости, особенно радикальные идеи замены этнонима «калмыки» на «ойраты», переименования республики не вызывали единодушия среди калмыков. Несмотря на это, проойратские активисты продолжали проводить свою линию, часть калмыцкой общественности их поддерживала, но многие калмыки считали ойратские смещения неприемлемыми, хотя были те, кто относился к этим процессам индифферентно, или вообще оставался в неведении о них.

В противовес столкновению полярных мнений о том, как правильнее называться народу – калмыками или ойратами – предлагался смешанный вариант – ойрат-калмыки. Авторитет-

ный калмыцкий историк пояснил: «Ойраты – это наше самоназвание. Так мы были известны в истории многих народов, от Маньчжурии до Сирии и Египта, от Сибири до Тибета». «В российский период истории, т.е. в истории разных народов этого времени, например, европейских, мы более известны как калмыки, нежели ойраты. Поэтому считаю, что нам следует сохранять это наименование – калмыки, но помнить и самоназвание. Более того, я уверен, что до тех пор, пока мы помним, что мы – ойраты, мы останемся в истории как народ калмыков. И тот, и другой этноним составили славу наших предков», – заключил ученый [Убушиев, 2022].

Некоторые специалисты выражали сомнение, что предки калмыков – однозначно ойраты. «Исторические корни народа простираются гораздо глубже, чем ойратская эпоха монгольского периода. Термин ойрат/ойрот относится не только к западно-монгольским, но и саяно-алтайским племенам (ныне – народам), занимавшим и в прошлом нынешние территории Алтая, Тувы и Западной Монголии. Торгуты и хошуты (субэтнические группы современных калмыков – В.В.) по этническому происхождению не являются ойратами, хотя входили в Ойратский Союз, – говорилось в одной из публикаций и подчеркивалось. – Как самостоятельный этнос калмыки сложились в Нижнем Поволжье. Термин *хальмг* стал самоназванием народа. Попытки подвергать сомнению историческую сущность данного этнонима не способствуют консолидации общества» [Церенов, 2020].

Как бы то ни было, ойратская идентичность калмыков отчасти естественным путем, отчасти как этнокультурное, этнополитическое конструирование продолжала развиваться, став реальностью. У одних это самоощущение замещало собственно калмыцкое («Нет такого народа "калмыки" – есть ойраты»). У других ойратская идентичность становилась привходящей при сохранении калмыцкой как основной, хотя у третьих, надо сказать, она не находила приятия вовсе. В любом случае, нельзя не заметить, что в течение последнего более чем десятилетнего периода происходил процесс формирования ойратской идентичности калмыков как в обществе, так и в элите, и он постепенно становился глубже. Повторим, появились настроения дополнить этноним «калмыки» ойратским компонентом, а то и вообще сменить его в пользу термина «ойраты», привести ойратскую составляющую в наименование республики и т.д.

Возникло множество внешних проявлений ойратской идентичности калмыков. Так, в Элисте открылась галерея духовных символов ойратов. Появились интернет-форум «Ойратские известия», одноименная газета. На местном телеканале прошел цикл передач «Загадки ойратской истории». Состоялся республиканский вокальный и танцевальный конкурс «Ойратские таланты». Вышли в свет «Ойрат-калмыцкий энциклопедический словарь», набор открыток «Правители и герои ойрат-калмыков XIII–XVIII веков». Название «Ойраты» носит Государственный театр танца Калмыкии. Ойратская составляющая есть в наименованиях местных компаний – «Ойрат – Телеком», «Ойрат – Сервис», «Ойрат – Фермерские продукты» и т.п. В структуре регионального управления Федеральной службы войск Национальной гвардии РФ существует мобильный отряд особого назначения «Ойрат». Процесс распространения ойратскости в Калмыкии затронул и религиозную сферу. Это проявилось, например, в проведении в преддверии священного буддийского месяца Ур Сар ритуала, посвященного божествам-защитникам и покровителям всех ойратских земель.

Переходя к заключению, обратимся к некоторым нормативным и теоретическим аспектам понятия культурного наследия в соотнесении с переформатированием калмыцкой идентичности у части ее носителей в ойрат-калмыцкую. Международное и отечественное право различает материальное и нематериальное культурное наследие. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, принятая Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры, понимает под культурным наследием памятники, ансамбли, достопримечательные места [Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, 1972]. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» ориентирует на конвенцию и подразделяет объекты также на эти три вида, вместе с тем, приводя их более широкий перечень. Конвенция об охране нематериального культурного наследия, принятая Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры, и Федеральный закон «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» также в определенной степени соотносятся друг с другом. По крайней мере, оба документа в близкой степени схожести трактуют области проявления нематериального культурного наследия (в

конвенции) и объекты нематериального этнокультурного достояния (в законе). В первом случае это устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия; исполнительские искусства; обычаи, обряды, празднества; знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами [Конвенция об охране нематериального культурного наследия, 2003]. Во втором – устное творчество, устные традиции и формы их выражения на русском языке, языках и диалектах народов РФ; формы традиционного исполнительского искусства; традиции, выраженные в обрядах, празднествах, обычаях, игрищах и других формах народной культуры; знания, выраженные в объективной форме, технологии, навыки и формы их представления, связанные с укладами жизни и традиционными ремеслами, реализующиеся в исторически сложившихся сюжетах и образах и стилистике их воплощения, существующих на определенной территории; иные объекты нематериального этнокультурного достояния [О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации, 2022].

На наш взгляд, процесс формирования ойратской идентичности калмыков обусловлен обращением в большей мере к нематериальному, нежели материальному наследию ойратов. Представляется, что это объяснимо в значительной степени кочевым образом жизни одних и других. Во-первых, он не предполагал создание произведений монументального искусства, ландшафтной архитектуры, садово-паркового искусства; изолированных или объединенных памятников, строений и сооружений; градостроительных ансамблей; некрополей и т.п. Или предполагал в ограниченном количестве устройство некоторых объектов, подпадающих в настоящее время под определение соответствующей конвенции ООН или федерального закона. Во-вторых, если объекты материальной культуры ойратов и сохранились, то они находятся преимущественно на территории нынешних Китая и Монголии, откуда несколько веков назад откочевали калмыки. Большинству нынешних их потомков доступ к этим памятникам, достопримечательным местам затруднителен или вовсе невозможен, хотя бы в силу больших расстояний, расходов на поездки, отсутствия информации.

Обращение же к нематериальному наследию ойратов проявляется, например, в популяризации ойратской (ойрат-калмыцкой) письменности «Тодо бичиг» («Ясное письмо»), которую называ-

ют также старокалмыцкой. Ее создал, реформировав древнюю монгольскую письменность, ойратский ученый и просветитель, религиозный и политический деятель Центральной Азии XVII в. Зая-Пандита в 1648 году. Он же перевел на ойратский язык около 200 произведений – от буддийских канонических книг до философских и медицинских трактатов. Ойратская письменность заложила основы калмыцкого литературного языка, калмыки пользовались ею до 1924 г., затем в рамках советских языковых реформ произошел переход на кириллицу. Однако традиции старой письменности не были утрачены, ее возрождение началось в 1990 гг., с 1998 г. учрежден и 5 сентября отмечается День национальной письменности. Авторитетный специалист обращал внимание, что на графике «Тодо бичиг» велась дипломатическая переписка, подчеркивал, что в фондах России, Китая, Монголии находится около четырех тысяч таких документов. «Весь мир, подлинная история ойратов хранится в этих рукописях», отмечал исследователь, и потому, считал он, так важно знать «Ясное письмо» [Наранова, 2022]. Наблюдатели говорили о возрастающем интересе к нему в обществе – становится больше людей, интересующихся им, в учебных заведениях факультативно проводятся занятия по изучению письменности Зая-Пандиты, есть онлайн курсы, конкурсы и выставки каллиграфических работ, среди молодежи набирает популярность одежда, в принтах которой используется ойратское письмо, продается немало сувенирных изделий с его элементами.

Однако специфика процесса формирования ойратской идентичности калмыков, как нам представляется, заключается, скорее, не в прямом восприятии ойратского культурного наследия, а в обращении к знаниям об ойратской истории. Заметен рост интереса к ней многих представителей нынешнего поколения калмыков, и она воспринимается как период, предшествующий и непосредственно связанный с последующей за ним историей собственно калмыков. Показателен пример, что в республике популярен и пользуется авторитетом доктор исторических наук из Новосибирского государственного университета Л. Бобров, считающийся одним из лучших специалистов по ойратской военной истории. Немаловажно, что обретать эти знания, удовлетворять интерес к ним возможно с помощью современных средств коммуникации, доступа к новым, а также ранее неизвестным или недоступным прежде источникам.

Как уже было сказано, призыв записываться в переписи 2010 г. ойратами вызвал подавляющее отторжение, распристраненность «ойратской» терминологии в обществе была ограниченной. Однако уже к переписи 2020 г. наблюдалось устойчивое хождение в дискурсе, в официальных и независимых СМИ, в риторике представителей власти наименований «ойраты», «ойрат-калмыки», «ойрат-калмыцкий народ», «ойрат-калмыцкий язык», «ойрат-калмыцкая культура» и т.п. Тот же местный активист, который инициировал движение записываться не калмыками, а ойратами во время предыдущей переписи, попытался повторить акцию и на этот раз, правда, без настойчивости, и она не вызвала заметной общественной реакции. Возможно, перевесила тема сложной борьбы с коронавирусной инфекцией и ее тяжелыми последствиями для населения. Как бы то ни было, представляет интерес, какое количество граждан в Калмыкии назвали себя в переписи 2020 г. ойрат-калмыками, ойратами или ойрадами (такое самоназвание тоже используют некоторые граждане), выросло ли оно по сравнению с предыдущей переписью. Узнать это будет полезно, чтобы оценить количественный масштаб, динамику ойратских смещений в идентичности калмыков. Прогноз же заключается в том, что в части ойратскости калмыков, обращение к ойратскому наследию, на наш взгляд, будет продолжаться, как и дальнейшее формирование на этой основе ойратской идентичности калмыков. Но, вероятно, преимущественно как дополнение к собственно калмыцкой идентичности, нежели как ее замещение.

Источники и литература

Бадмаев В. Басан Захаров: калмыки еще скажут свое слово миру [Электронный ресурс] // ARD: [сайт]. 2016. URL: <https://asiarussia.ru/persons/11788/>.

Бату Хасиков – Бату Хасиков: «Ойратские народы должны жить в едином культурном пространстве. Для Калмыкии это жизненно необходимо» [Электронный ресурс] // РИА Калмыкия: [сайт]. 2019. URL: <http://riakalm.ru/news/culture/17888-batu-khasikov-vstretilsya-s-uchastnikami-delegatsii-iz-mongolii>.

Бембеев Е. Зачем знать свой язык и национальную письменность // Калмыкия сегодня. 2019. 20 фев.

Болдуринова Е. В музее им. Пальмова открылась выставка современных художников Калмыкии [Электронный ресурс] // Степные вести: [сайт]. 2018. URL: <http://tegrk.ru/archives/34582>.

Болдуринова Е. Бату Хасиков: День ойратской славы – повод гордиться прошлым и делать достойным настоящее [Электронный ресурс] // Степные вести: [сайт]. 2019. URL: <http://tegrk.ru/archives/73856>.

Волгин В.Л. Ойраты вместо калмыков: дискурс вокруг идеи сменить идентичность // Этнопанорама. 2012. №3–4.

Горяев А. Проснуться как народ! // Элистинский курьер. 2019. 7 фев.

Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия: Принята 16 нояб. 1972 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры [Электронный ресурс] // ООН: [сайт]. 2022. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml.

Конвенция об охране нематериального культурного наследия: Принята 17 окт. 2003 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры [Электронный ресурс] // ООН: [сайт]. 2022. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml.

Наранова З. Тодо бичг: письменность, наследие, искусство [Электронный ресурс] // Степные вести: [сайт]. 2022. URL: <https://tegrk.ru/archives/140221>.

Илишкин Л. Владимиру Ильичу пора подвинуться // Элистинская панорама. 2019. 31 янв.

Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон № 73-ФЗ от 25 июня 2002 г. (с последующими изменениями и дополнениями): принят Государственной Думой 24 мая 2002 г. [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ: [сайт]. 2022. URL: http://ivo.garant.ru/#/document/12127232/para_graph/146417:0.

О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации: Федеральный закон № 402-ФЗ от 20 октября 2022 г.: принят Государственной Думой 4 окт. 2022 г. [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ: [сайт]. 2022. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405406217/>.

Резолюция Чуулгана – Съезда ойрат-калмыцкого народа [Электронный ресурс] // ВКонтакте: [сайт]. 2015. URL: https://vk.com/wall-107433597_29.

Решение Чуулган – Съезда ойрат-калмыцкого народа (29 мая 2021 года, г. Элиста, Республика Калмыкия) // Элистинский курьер. 2021. 3 июня.

Убушиев С. «Высшая сила – в сердце» // Элистинский курьер. 2022. 24 марта.

Халгинова Н. Станем ближе друг к другу [Электронный ресурс] // Степные вести: [сайт]. 2018. URL: <http://tegrk.ru/archives/33661>.

Церенов В. Ключевая задача // Хальмг унн. 2020. 1 авг.

Часть 3

РЕГИОНАЛЬНЫЙ РАКУРС

DOI: 10.33876/978-5-4211-0316-5/2023-9/232-245

ВОСПРОИЗВОДСТВО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ В КОНТЕКСТЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА ЮГЕ РОССИИ (на материалах социологических исследований)*

Ю.Г. Волков, Н.К. Бинеева

Введение

Значимость одной из задач Стратегии национальной государственной политики Российской Федерации на период до 2025 года по сохранению этнокультурной самобытности народов РФ подтверждается систематическими мерами государства по обеспечению этнокультурного многообразия и защите культурного наследия народов России. В 2022 г. эти задачи были согласованы с целями объявленного указом Президента РФ о Года культурного наследия и направлены на сохранение культурных традиций и этнической самобытности всех народов страны.

Для южнороссийского макрорегиона проблема сохранения этнокультурного многообразия особенно актуальна и обусловлена как полиэтничным составом регионального сообщества, так и ассимиляционными трендами во многих субъектах. В регионах Юга России реализация задач по сохранению этнокультурного многообразия определяется правовым статусом регионов, в которых зафиксировано право народов на самоопределение и сохранение своей этнокультурной самобытности, а также наличием рисков в институциональной и ресурсной среде. Риски реализации задач по сохранению и укреплению этнокультурного многообразия населе-

---

* В публикации использованы материалы статьи: Волков Ю.Г., Бинеева Н.К. Сохранение этнокультурного многообразия и справедливость межэтнических отношений в оценках населения Юга России // Вестник Института социологии. 2023. № 3.

ния России обусловлены противоречиями на уровне законодательства, а также на уровне формальных и неформальных практик осуществления мероприятий национальной политики [Бедрик, Бинеева, Дьяченко, 2019: 213–217].

Социальная проблема, связанная с частичной утратой этнокультурного наследия, размыванием традиционных российских духовно-нравственных ценностей и региональной спецификой реализации задач по сохранению этнокультурной самобытности, актуализировала исследовательский интерес к анализу представлений социальных групп о необходимости сохранения и воспроизводства этнокультурного многообразия в контексте укрепления государственного единства и целостности страны. Цель данной работы – выявить детерминанты представлений социальных групп Юга России о сохранении этнокультурного многообразия с позиции реализации принципа справедливости. В данном контексте были поставлены задачи: 1) выявление проблем этнокультурного содержания, занимающих приоритетные позиции в структуре представлений народов Юга России; 2) определение болевых точек восприятия в качестве справедливых/несправедливых практик по поддержке и сохранению культурной специфики и языков народов Юга России; 3) определение запроса этнических групп Юга России на воспроизводство этнокультурного многообразия и его особенностей, обусловленных региональными, идентификационными и социально-психологическими параметрами.

Анализ коллективных представлений разных социальных групп необходим как для обсуждения основных проблем реализации государственной национальной политики на региональном уровне, так и для принятия мер, позволяющих обеспечить справедливость в вопросах поддержки и защиты культурного наследия народов, проживающих в южно-российском макрорегионе. Данные меры и принятые соответствующие решения будут способствовать общей цели государственной национальной политики, в том числе гармонизации межэтнических отношений на основе принципа справедливости, разделяемого представителями всех этнических групп, проживающих в регионе.

Анализ литературы по теме исследования

В структуре вопросов изучения межнациональных отношений и национальной политики проблема сохранения и воспроизводства этнокультурного многообразия выступает в качестве

одной из ключевых задач в условиях многонационального российского общества. Закрепленное в нормативных правовых актах регионального уровня этнокультурное многообразие рассматривается как цель государственной политики и условие формирования гражданской нации в Российской Федерации. В частности, в Уставе Ростовской области заложены основы проявления «уважения к историческим традициям, достоинству и самобытности людей всех национальностей, населяющих Донскую землю», а в разделе 9 (ст. 77 и 78), посвященном казачеству, сказано о «мерах по возрождению казачества, его самобытных традиций и культуры». В Конституции (Степном Уложении) Республики Калмыкия четыре статьи посвящены защите и сохранению «самобытности и этнической неповторимости, традиций калмыцкого, русского и других народов республики» (ст. 14), «сохранению и развитию историко-культурного наследия калмыцкого народа» (ст. 15), «возрождению, сохранению и развитию калмыцкого языка» (ст. 17) [Устав Ростовской области, Конституция (Степное Уложение) Республики Калмыкия].

В работах отечественных исследователей проблема сохранения этнокультурного многообразия в условиях многонационального российского общества рассматривается в контексте стратегии достижения справедливости в сфере межэтнических отношений. В современном российском государстве конструирование нации определяется обеспечением гражданских прав в сфере реализации этнокультурной идентичности и обеспечения условий развития этнокультурного многообразия [Денисова, 2020]. Исследователями учитывается многоаспектность данной проблематики, отражающая сложную этническую и административно-территориальную структуру российского общества, и усиливающая потребность в деятельности по примирению интересов и преодолению противоречий в межэтнических отношениях [Кучуков, 2014: 95–97; Тарбастаева, 2020: 46–53]. Это связано с тем, что для этнических групп Юга России проблема восстановления исторического единства и взаимопонимания связана с сохранением исторической памяти, в связи с чем «необходимо более активно подключать консолидирующие сюжеты исторической памяти к

процессам формирования общероссийской идентичности» [Авксентьев, Аксюмов, Гриценко и др., 2021: 32–54].

Вопросы этнокультурного многообразия традиционно входят в поле прикладных социологических измерений. В частности, исследования в регионах Юга России показывают повышенный запрос на возрождение национальных традиций и обычаев, национальной культуры и языка, что согласуется с результатами, представленными в данной статье. Авторы исследований отмечают важность применения комплекса мер «культурно-просветительского плана, направленных на ознакомление с культурой и традициями всех проживающих в регионе народов с имеющимися у них ценностями мира, человеколюбия, добрососедства», в том числе посредством проведения мероприятий, направленных на пропаганду этнокультурного многообразия в регионах Юга России [Бадмаев, 2019: 108–114].

Теоретико-методологическая и эмпирическая база исследования

Методология исследования основана на совмещении концептуальных идей конструктивистской теории этничности и теории социальной справедливости. Справедливость в контексте данного исследования рассматривается не только как общественная ценность, но и как общий нравственный принцип, задающий социально желательный характер поведения и правовой нормы и регулирующий социальные отношения. Выступая основой социально ожидаемого поведения и способом формирования социального пространства, справедливость обосновывает равенство критериев неравенства, в том числе в сфере межэтнических отношений и сохранения всех этнических культур и языков народов РФ.

Анализ представлений о реализации принципа справедливости в отношении сохранения и воспроизводства этнокультурного многообразия народов Юга России проводится на основе собранного в 2020–2021 гг. эмпирического материала в рамках государственного задания Минобрнауки по теме «Социальная справедливость в обеспечении гармонизации межэтнических отношений и укреплении общероссийской идентичности населения на Юге России» (внутренний номер Г30110/21-04-РГ). Первый этап

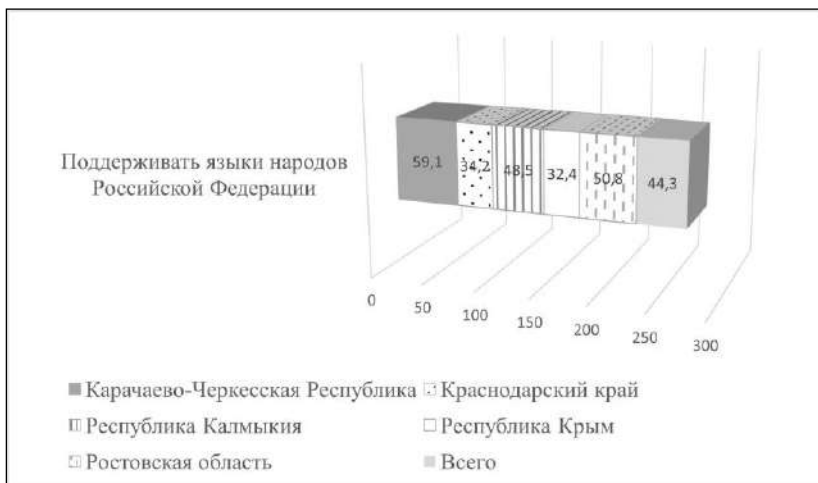
реализованного в 2020 г. социологического исследования включал сбор эмпирического материала методом фокус-группового интервью (N=5) и серии глубинных экспертных интервью (N=50). Массовый опрос населения был проведен в 2021 г. в пяти регионах Юга России с общим объемом выборки 2821 респондент. При расчете стратифицированной выборки каждая этническая группа рассматривалась как генеральная совокупность, структура которой воспроизводилась по следующим параметрам: пол, возраст, тип поселения. Точность полученных ответов в рамках выборки составила 90%, разброс ответов от полученных статистических выкладок опроса $\pm 7\%$. Исследование было проведено в Ростовской области и Краснодарском крае (где русские представляют численное большинство), в Карачаево-Черкесской Республике и Республике Калмыкия (где представители коренных народов являются титульными) и в Республике Крым (регионе проживания этнических групп с опытом коллективной травмы депортации).

Результаты исследования

Анализ проблем этнокультурного содержания в структуре представлений о справедливом/несправедливом характере межэтнических отношений показал, что для каждого второго жителя Юга России (51,9%) понимание справедливости в отношении этнических групп связано с возможностью сохранять и развивать культуру, язык каждого народа, а также с проявлением уважения в адрес всех этнических групп (48,8%). Соблюдение принципа справедливости в сфере поддержки и развития национальных культур и языков всех народов России, признание значимости и проявление уважения в отношении народов, по мнению каждого третьего респондента (35,5% и 34,1% соответственно) будут способствовать укреплению гражданского единства российского общества.

Одной из приоритетных задач в рамках реализации национальной политики в регионе, по мнению 44,3% жителей Юга России, является поддержка языков народов РФ. В региональном разрезе поддержка национальных языков наиболее актуальна для жителей Карачаево-Черкесской Республики, Республики Калмыкии и Ростовской области (более 50%). В Краснодарском крае и Республике Крым данной позиции придерживается каждый третий респондент (32–34%).

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос о необходимости поддержки языков народов РФ как фактора проявления социальной справедливости в отношении этнических групп в зависимости от региона проживания, Юг России, 2021, %

Актуальность проблемы сохранения родного языка для этнических групп Карачаево-Черкесской Республики и Республики Калмыкия подтверждается не только результатами массового опроса населения, но и экспертными оценками, которые были получены методом глубинного интервью в 2020 году. Эксперты в Калмыкии отмечали позитивные практики сохранения калмыцкого языка силами молодых специалистов, которые делают переводы на калмыцкий язык мультипликационных фильмов для детей, создают пособия по родному языку для плохо видящих и т.д. При этом эксперты обращали внимание на необходимость системной поддержки со стороны органов власти тех людей, которые сохраняют и воспроизводят родной язык: *«Энтузиасты из молодежной среды добиваются реальных успехов в поддержке калмыцкого языка и не ленятся этим заниматься, например, в Интернете вы найдете переводы на калмыцкий язык популярных мультфильмов».* (Информант 1)

«Без грантовой поддержки властей они реально работают и продвигают наш калмыцкий язык. Вселяет оптимизм и надежду то, что они будут признаны и получат поддержку со стороны органов власти республики, смогут побудить людей

обратить внимание на калмыцкий язык, научат им пользоваться». (Информант 2)

В Карачаево-Черкесской Республике эксперты обеспокоены проблемой изучения родного языка в школах. Этнокультурное образование, по их мнению, требует большей институционализации и закрепления как норм преподавания, так и материальной поддержки молодых специалистов, готовых обучать родному языку подрастающее поколение:

«На самом деле ситуация ухудшается по поводу школ. В советское время лучше преподавали, больше было часов, занятий. ... Старшее поколение умело и считать, и говорить. ... сейчас мы не можем. ... количество часов на наши языки сократили до трех, а хотят сократить до двух часов в неделю. Учителя получать начинают меньше, и не хотят молодые люди поступать на учителя, потому что будут знать, что совсем им (будут платить) мало. И мы сейчас не находим молодежи». (Информант 3)

В Краснодарском крае проблема изучения родного языка актуальна для шапсугов, которые обеспокоены низким статусом своего языка (изучается как второй иностранный) и малым количеством часов, выделенных на его изучение. Такая ситуация характерна даже для школ в селах региона, где проживают представители данной этнической группы: *«На сегодняшний день ситуация такова, что родной язык изучается в школах аулов Большой Кичмай, Хаджико, Агуй-Шапсуг и Псебе. Но и в этих школах изучение родного языка не организовано в необходимом объеме. Хотя в этих школах обучается свыше 70% детей-адыгов, которые практически никак не охвачены изучением родного языка». (Информант 4)*

Низкий уровень вовлеченности в обучение в рамках системы образования сопровождается снижением использования родного языка в этнических семьях: *«Начинает теряться самоидентификация народа: в семьях мало разговаривают на языке, плохо читают, хотя в настоящее время все условия создаются (приобретение учебников и оборудования, обучение преподавателей – 20 человек повышали квалификацию в Майкопе), но адыгский изучается как второй иностранный; в школах не все хотят его изучать». (Информант 5)*

Практики по поддержке и сохранению культурной специфики народов Юга России включают создание этнокультурной инфраструктуры, позволяющей обеспечивать процесс воспроизводства

этнокультур в региональном сообществе. Учитывая, что только 43,8% населения оценивает решение вопроса создания этнокультурной инфраструктуры как справедливое, а треть населения (33,1%) считает, что этот вопрос все еще требует дальнейшего решения, сохранение этнокультурного многообразия Юга России можно оценить как удовлетворительное. В региональном разрезе максимальный уровень удовлетворенности справедливым решением вопроса о создании культурной инфраструктуры выявлен у жителей Республики Крым (78,6%), что может быть объяснено активным финансированием в регионе отраслей социально-культурной сферы.[†]

Положительные оценки жителей Ростовской области и Карачаево-Черкесской Республики уступают показателям по Республике Крым и составляют 44,0% и 43,3% соответственно. Практически каждый второй житель Республики Калмыкии и Краснодарского края считает, что данный вопрос еще не решен (54,5% в Республике Калмыкии и 47,2% в Краснодарском крае).

Таблица 1. Представления о справедливом/несправедливом решении вопроса о создании этнокультурной инфраструктуры в зависимости от региона проживания респондентов, Юг России, 2021, %‡

	Карачаево-Черкесская Республика	Краснодарский край	Республика Калмыкия	Республика Крым	Ростовская область	Всего
Да, справедливо	43,3	29,7	18,9	78,6	44	44,0
Этот вопрос еще не решен	17,0	47,2	54,5	7,9	40,5	33,0
Нет, не справедливо	10,4	9,1	9,5	3,3	8,6	8,0
Затрудняюсь ответить	29,3	14,0	17,1	10,2	6,9	15,0

[†] По итогам 2021 г. более 51% крымского бюджета, а это 114,2 млрд рублей, было направлено на финансирование отраслей социально-культурной сферы, т.е. консолидированный бюджет республики на всем протяжении минувшего года сохранял социальную направленность. При этом рост по сравнению с 2020 г. составил 11,3%, или 11,6 млрд рублей // <https://rk.gov.ru/ru/article/show/14785>.

[‡] Фоном выделены позиции выше средних значений по общей выборке.

Самой болевой точкой восприятия в качестве справедливых/несправедливых практик по поддержке и сохранению культурной специфики и родных языков являются вопросы исторической памяти, обусловленные политическими репрессиями по этническому признаку и историческими травмами целых народов, что выступает факторами, препятствующими формированию общероссийской идентичности в регионах Юга России. Действия федеральной власти в отношении реабилитации прав, компенсации имущества народам, в целом, оцениваются как справедливые, хотя в регионах сохраняется запрос населения на проявление особого внимания к вопросам исторической памяти, проявления уважения к этническим группам, проведения грамотной политики меморизации памяти. В ходе исследования зафиксирован разный уровень удовлетворенности реабилитационными мерами у различных этнических групп: выше среднего по региону отмечен у армян Краснодарского края, ниже среднего показателя – у крымских татар в Республике Крым, калмыков в Республике Калмыкия, шапсугов и турок-месхетинцев в Краснодарском крае.

Запрос населения Юга России на воспроизводство этнокультурного многообразия имеет ряд особенностей, обусловленных не только региональными, но и идентификационными и социально-психологическими параметрами. В частности, распределения по параметру «ущемление прав по национальному признаку в течение последнего года» показали, что те, кто испытывает ущемления прав, реже считают, что вопросы создания культурной инфраструктуры решаются справедливо. Отличие от «не имеющих опыта ущемления прав по национальному признаку» составляет 7,5%. В то же время среди «ущемленных» в два раза больше тех, кто считает, что этот вопрос решается несправедливо (13,1% и 7,0% соответственно). Аналогичным образом представители групп, дифференцированных по опыту ущемления прав по национальному признаку, практически одинаково оценивают значимость такой задачи национальной политики как поддержка языков народов РФ в регионе проживания респондентов (в пределах 42,4–47,6%).

Таблица 2. Представления населения о справедливом решении вопроса о создании культурной инфраструктуры в зависимости от опыта ущемления прав по национальному признаку за последний год, Юг России, 2021, %[§]

	Да	Иногда	Нет
Да, справедливо	38,4	35,7	45,9
Этот вопрос еще не решен	36,4	38,1	31,9
Нет, несправедливо	13,1	11,8	7,0
Затрудняюсь ответить	12,1	14,4	15,2

Те, кто сталкивался с ущемлением прав чаще других групп, считают, что справедливое управление межэтническими отношениями должно быть ориентировано на поддержку культурного разнообразия населения российского общества (26,3% тех, кто часто сталкивался с ущемлением прав, 21,4% тех, кто сталкивался иногда, и 16,7% среди тех, кто не сталкивался с ущемлением прав в течение последнего года).

Аналогичная ситуация складывается в оценке справедливости при создании культурной инфраструктуры в зависимости от оценки деятельности государства. Положительное восприятие роли государства и представление его деятельности по управлению межэтническими отношениями как справедливой, определяет положительные оценки развития культурной инфраструктуры в регионе проживания.

Таблица 3. Представления населения о справедливом решении вопроса о создании культурной инфраструктуры в зависимости от оценки справедливости государства в управлении межэтническими отношениями, Юг России, 2021, %

	Государство управляет межэтническими отношениями справедливо	
	Да	Нет
Да, справедливо	57,8	21,8
Этот вопрос еще не решен	26,3	49,2
Нет, не справедливо	5,8	16,0
Затрудняюсь ответить	10,1	13,0

Межгрупповые различия в понимании справедливости в отношении этнических групп выявлены между людьми с разным типом идентичности: ориентация на развитие культурной

[§]Фоном выделены позиции «справедливо» и «несправедливо».

инфраструктуры как индикатора проявления справедливости в отношении этнических групп выражена у представителей этнической идентичности в большей степени, чем у людей с выраженной общероссийской идентичностью. Поддержка этнокультурного многообразия в условиях многонационального Юга России сохраняет свою актуальность (особенно для этногрупп с высоким уровнем этнической идентичности) и рассматривается населением в контексте справедливого урегулирования межэтнических отношений.

Таблица 4. Понимание справедливости в отношении этнических групп в зависимости от типа идентичности, Юг России, 2021, %

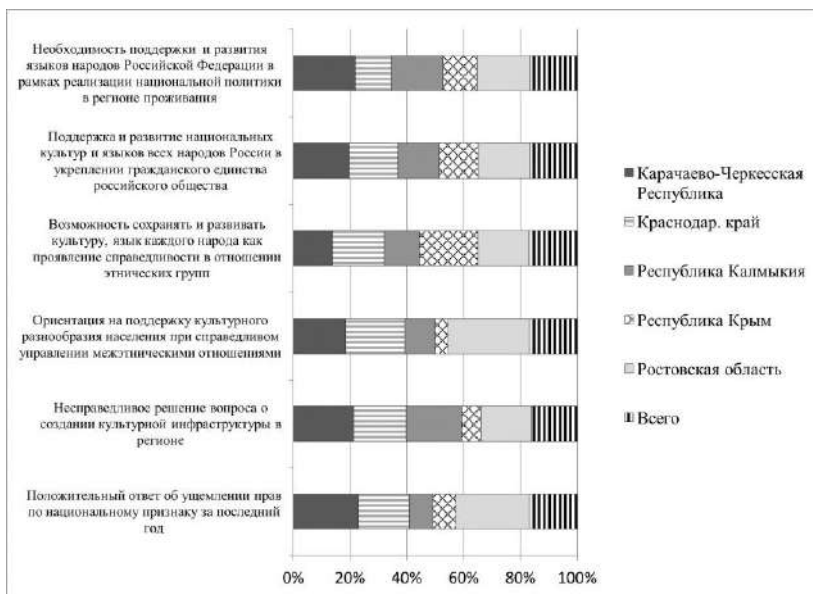
	Представителем своего этноса	Представителем этноса и россиянином	Россиянином
Возможность сохранять и развивать культуру, язык каждого народа	57,4	50,6	43,5
Регулярное финансирование и развитие социальной и культурной инфраструктуры этногрупп	27,7	15,0	13,4
Проявление уважения в адрес всех этнических групп	38,4	54,3	50,7

Такая же тенденция наблюдается и в отношении поддержки языков народов РФ как фактора укрепления гражданского единства: изменение позиции по данному вопросу зависит от типа идентичности респондента. Люди с выраженной этнической идентичностью в большей степени видят в этом залог солидаризации и укрепления единства в стране.

Таблица 5. Понимание необходимости поддерживать языки народов РФ как фактора укрепления гражданского единства в зависимости от типа идентичности, Юг России, 2021, %

	Представителем своего этноса	Представителем этноса и россиянином	Россиянином
Поддерживать языки народов Российской Федерации	47,4	44,2	37,3

Рисунок 2. Распределение ответов на вопросы о поддержке культурного многообразия и сохранения языков всех народов РФ в зависимости от региона проживания, Юг России, 2021, %

Тем не менее, тема сохранения и развития культур и языка каждого народа носит универсальный характер: по данному вопросу расхождения во мнениях людей с разным опытом ущемления прав по национальному признаку меньше, чем по вопросам обеспечения этнических групп экономическими ресурсами и политическими предпочтениями. Если разрыв в ответах по вопросам сохранения этнокультурного многообразия составляет 8 п.п., то по вопросу регулярного финансирования и развития социальной и культурной инфраструктуры этногрупп составляет 20 п.п. Практически нет расхождений в оценках соблюдения принципа справедливости в поддержке и развитии национальных культур и языков всех народов России как условия укрепления гражданского единства российского общества (8–10%).

Заключение

Анализ собранного эмпирического материала показал, что проблемы этнокультурного содержания (развитие культурной инфраструктуры, сохранение языков народов РФ) занимают

приоритетные позиции в структуре представлений населения Юга России о справедливом урегулировании межэтнических отношений. В качестве болевых точек, переводящих социальную напряженность в межэтническую, выступают вопросы исторической памяти, связанные с той или иной формой депривации по этническому признаку, а также оценка состояния этнической культуры (национального языка, национального образования, элементов национальной культуры) как депривированного, что особенно актуально для этнических групп Республики Калмыкии, Карачаево-Черкесской Республики, Краснодарского края.

Соответственно, политика гармонизации межэтнических отношений с позиции реализации принципа справедливости должна сопровождаться инвестированием в развитие культурной инфраструктуры – в этнолингвистические исследования, расширение полиграфической базы для национальных языков, расширение возможностей, в том числе институциональных, для изучения родного языка и пр.

Запрос населения Юга России на воспроизводство этнокультурного многообразия имеет особенности, обусловленные региональными, идентификационными и социально-психологическими параметрами. Оценки роли сохранения этнокультурного многообразия, сохранения культурной инфраструктуры и языков народов РФ определяются субъективным опытом переживания ущемления прав по национальному признаку, оценкой справедливости государства и типом идентичности. Оценки значимости этнокультурного фактора в укреплении единства меняются (в сторону снижения) по мере уменьшения этнического и увеличения общегражданского компонента в структуре идентичности. Тем не менее, можно говорить о важности сохранения и развития этнокультурного многообразия независимо от социально-демографического, идентификационного и этнического фактора, т.к. запрос социальных групп на сохранение и поддержку национальной культуры и языка своего народа в рамках реализации национальной государственной политики не показал значимых межгрупповых различий. Смысловым ядром понимания справедливости для большинства социальных групп является социокультурная составляющая, а их запрос на сохранение культуры, языка, традиций независимо от региона проживания связан с опасениями их утраты.

Источники и литература

Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д., Иванова С.Ю., Шульга М.М. Консолидирующие тренды и исторические травмы в северокавказском научном дискурсе // Историческая и этнокультурная тематика в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа / Под редакцией В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов, В.В. Тишков М.: ИЭА РАН, 2021.

Бадмаев В.Н. Феномен идентичности и этнокультурное многообразие народов в регионе (по материалам социологического исследования в Республике Калмыкия) // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 4 (44).

Баранов Н.Е., Овчинников А.И. Правовая этнология – современное самостоятельное направление в отечественной юридической науке // Философия права. 2002. № 2 (6). С. 5–15.

Бедрик А.В., Бинеева Н.К., Дьяченко А.Н. Сохранение этнокультурного многообразия населения в контексте российской национальной политики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 4.

Денисова Г.С. Социальная справедливость в межэтнических отношениях // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 4. Том 11. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/27SCSK420.pdf>.

Конституция (Степное Уложение) Республики Калмыкия [Электронный ресурс]. URL: <https://glava.region08.ru/ru/step-ulozhenie.html>.

Кучуков М.М. Идея справедливости в полиэтничном социуме // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота. 2014. № 8 (46). URL: www.gramota.net/materials/3/2014/8-1/25.html).

Социальная справедливость в сфере межэтнических отношений и укрепления общероссийской идентичности населения Юга России: монография // Ю.Г. Волков, А.В. Бедрик, Н.К. Бинеева, А.В. Верещагина, В.П. Войтенко, Н.И. Чернобровкина; отв. ред. Ю.Г. Волков. Москва: РУСАЙНС, 2021.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949>.

Тарбастаева И.С. Теоретическая модель сохранения этнокультурного многообразия в республиках // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2020. Вып. 2.

Устав Ростовской области (В редакции Законов Ростовской области от 18.10.2001 г. № 180-ЗС; от 27.02.2002 г. № 219-ЗС; от 29.12.2003 г. № 83-ЗС; от 20.01.2005 г. № 277-ЗС) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.donland.ru/documents/27/>.

Чернобровкина Н.И., Бинеева Н.К., Войтенко В.П. Социальная справедливость в контексте деполитизации этничности (на примере Республики Калмыкии) // Гуманитарий Юга России. 2021. 5 (51).

РОЛЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ СТРАТЕГИИ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Е.А. Щербина, Л.В. Кубанова

Образование и культура являются теми сферами социальной жизни российских народов, которые в значительной степени определяют их социальное самочувствие, формируют вектор гражданской идентичности, включенность в региональное и общероссийское политическое пространство. По замечанию В.А. Тишкова, важнейшую роль в утверждении национального самосознания и в воспитании ответственного гражданина в современных государствах продолжает играть система образования, хотя роль общей культурно-информационной среды и индивидуального опыта человека все больше возрастает.

Образовательная стратегия

Современный образовательный стандарт предусматривает духовно-нравственное развитие и воспитание личности молодого человека, осознающего свою принадлежность к гражданской нации и вместе с тем знающего этнические культуры, традиции народов России, прежде всего своего народа и региона [Кризис мультикультурализма: 176].

В Карачаево-Черкесской Республике органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в сфере образования и науки, является Министерство образования и науки КЧР. Оно осуществляет управление и нормативно-правовое регулирование не только в сфере образования и науки, но и в сфере воспитания, научно-технической и инновационной деятельности. Среди основных функций министерства – реализация приоритетных направлений развития образования, национальных проектов, федеральных целевых, государственных, межведомственных, ведомственных, отраслевых и научных программ в области образования; комплексный анализ и прогнозирование тенденций развития системы образования Карачаево-Черкесской Республики, обоснование ее целей и приоритетов с учетом социально-культурных особенностей региона [Об утвер-

ждении Положения о Министерстве образования и науки Карачаево-Черкесской Республики].

Образовательный процесс в республике базируется на федеральном законе № 273 от 29 января 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» и республиканском законе № 72-РЗ от 6 декабря 2013 г. «Об отдельных вопросах в сфере образования на территории Карачаево-Черкесской Республики». Министерство является активным актором в реализации различных федеральных проектов, таких как «Современная школа», в республике реализуется программа «Земский учитель».

В настоящее время основные цели развития образовательного комплекса определены в соответствии с социальными приоритетами политики российского государства и правительства Карачаево-Черкесской Республики и состоят в следующем:

– удовлетворение потребности населения в получении доступного и качественного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования и профессионального образования;

– обеспечение социально-правовой защиты обучающихся и воспитанников, профилактика безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних;

– сохранение и укрепление здоровья обучающихся и воспитанников;

– развитие системы выявления, поддержки и сопровождения одаренных детей и талантливой молодежи; усиление воспитательного потенциала образовательных учреждений;

– обеспечение образовательного комплекса республики высококвалифицированными педагогическими кадрами, развитие педагогического потенциала;

– удовлетворение потребности регионального рынка труда в высококвалифицированных кадрах рабочих и специалистов;

– создание безопасных условий образовательной деятельности;

– повышение экономической эффективности образования.

Образовательный комплекс Карачаево-Черкесской Республики включает в себя 177 общеобразовательных организаций (в том числе три – негосударственных), в которых обучаются более 54 000 учащихся; 140 дошкольных организаций с численностью воспитанников свыше 21 000; две отдельные образовательные организации, осуществляющие образовательную деятельность

по адаптированным общеобразовательным программам, в которых обучаются около 2 тысяч детей; 20 образовательных организаций среднего профессионального образования, в которых обучается 10 373 человека, в т.ч. 230 инвалидов и 240 сирот; семь учреждений высшего образования с общей численностью студентов – 11 202 человек, в т.ч. по очной форме обучения – 5879 человек.

С целью развития инноваций в образовании, распространения в системе общего образования передового педагогического и управленческого опыта ежегодно образовательные учреждения республики участвуют во Всероссийских конкурсах: «Учитель года России», «Лучшая школа России», «Воспитатель года России», «Лучший учитель родного языка и родной литературы», «Лучшая инклюзивная школа России». Лауреаты и победители конкурсов поощряются премиями Главы республики и Министерства образования и науки КЧР.

В полиэтничном обществе образование выполняет чрезвычайно важную функцию – способствует духовной совместимости людей разных национальностей, культур и религий. Приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей является развитие высоко нравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины. Достижению этих задач способствует реализация «Стратегии развития воспитания в РФ на период до 2025 года» от 29.05.2015 г. № 996-р.

С момента принятия Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ 29 декабря 2012 г. дошкольное образование стало первым уровнем общего образования. Созданию единых ориентиров для целостной системы обеспечения и постоянного совершенствования качества дошкольного образования в КЧР способствует государственная программа «Развитие образования в Карачаево-Черкесской Республике», принятая Постановлением Правительства КЧР № 32 30 января 2019 года. В программах воспитания и образования дошкольников во всех детских учреждениях Карачаево-Черкесии присутствует региональный компонент. Одной из основных задач педагогов на этой образовательной ступени является воспитание любви к Родине, толерантность, уважение к дру-

гим людям. Воспитывая у детей патриотические чувства, педагоги дают детям знания о родной республике, о народах, ее населяющих, знакомят детей с традициями народов республики. Продолжая бытовать в станицах, аулах, селах Карачаево-Черкесии, традиционные календарные, религиозные, трудовые праздники являются основой для формирования общественных мотивов поведения детей, являющихся представителями разных этносов. В дошкольных образовательных учреждениях (ДОУ) республики дети знакомятся с традициями других народов. Педагоги республики дают детям представления о культуре народов, используя наглядные пособия, кукол, одетых в национальные костюмы народов КЧР, соответствующие музыкальные произведения. В большинстве дошкольных учреждений муниципальных районов КЧР оформлены уголки казачьей горницы, горской сакли, оснащенные старинной утварью, собранной у местных жителей. Занятия по ознакомлению детей с народным творчеством проводятся в этнически оформленных уголках, что пробуждает интерес воспитанников не только к культуре своего этноса, но и к культурам других этносов, населяющих республику.

В республиканских ДОУ используется этнический компонент в образовании дошкольников – жителей разных районов. Так, например, в моноэтничном Хабезском районе, населенном черкесами, основной в воспитании дошкольников является тема «Роль адыгского этикета в воспитании детей», в г. Карачаевске, где большинство жителей составляют карачаевцы, – «Воспитание детей на традициях и обычаях карачаевского народа».

Поиск оптимального варианта образовательной модели, сочетающей исторические ценности и традиции и имеющей мощный воспитательный потенциал, привел к возрождению в Баталпашинском казачьем отделе (далее – БКО), действующем в КЧР, системы казачьего образования по образцу, имеющемуся в Кубанском казачьем войске. В настоящее время для системы казачьего образования БКО характерен двухступенчатый процесс: детский сад – школа. Формирование менталитета юных казачат, их патриотических чувств, высоких духовных качеств начинается в детском саду. Показательна деятельность детского сада «Березка» станицы Зеленчукской и детского сада «Рябинушка» станицы Исправной. С 1992 г. педагоги этих дошкольных учреждений по собственной инициативе возрождают и внедряют казачьи традиции, передавая детям культурное наследие их предков [Из выступления

В. Бородкина: 37]. Таким образом, дошкольное образование детей в республике в значительной степени ориентировано на национально-культурные традиции ее народов, формирование основных принципов толерантности.

В Карачаево-Черкесии на законодательном уровне закреплено изучение государственных языков народов республики на уровне среднего образования. В последние годы особое внимание уделяется изданию учебников на родных языках. С 2010 г. издано 74 наименования учебников и учебных пособий общим тиражом 94 640 экземпляров, 57 наименований методических пособий общим тиражом 6 120 экземпляров. А с 2019 г. дополнительно финансируется издание прописей для первоклассников на четырех языках (по абазинскому в двух частях). Общий тираж изданных прописей составил 11 тыс. экземпляров. По поручению Главы региона в 2021 г. были переизданы учебники родных языков для учащихся 5–7 классов [До конца 2021 года].

С 2010 г. в бюджет КЧР ежегодно закладывается по 3 млн руб. на издание учебников для обучения родным языкам и литературам (абазинского, карачаевского, ногайского и черкесского). С 2019 г. дополнительно в объеме 1 млн руб. финансируется издание прописей для первоклассников на четырех языках. Общий тираж прописей по годам составил: 2019 г. – 5 805 экземпляров; 2020 г. – 5 510 экземпляров по всем языкам; 2021 г. – 5 310 экземпляров; 2022 г. – 5 630 экземпляров¹.

В регионе на протяжении ряда лет в рамках реализации федеральных проектов проводились социологические опросы по изучению вопросов этнокультурного образования. Фиксировалось мнение учащихся о потребностях и социальных последствиях реализации этнокультурных форм обучения в системе государственного образования в Карачаево-Черкесской Республике. В ходе опроса выяснилось, что учащиеся в большей степени проявляют интерес к изучению истории родного края (65%) и национальных традиций, народных праздников (63%), истории народа (57%). Большинство опрошенных (73%) считают, что знания о народной культуре им нужны в-первую очередь для сохранения традиций. Почти половина учащихся видят значимость

---

¹ По поручению Главы КЧР с 2010 г. в бюджет республики ежегодно закладывается по 3 млн руб. на издание учебников для обучения родным языкам и литературы URL: <https://minobrkrchr.ru/news/detail.php?ID=8170>.

изучения таких предметов для того, чтобы чувствовать принадлежность к своему народу. Дети КЧР включены в систему общения с другими народами в силу объективных причин: совместного компактного проживания, совместного обучения, межнациональных браков и т.д. При этом в системе республиканского образования стратегически важным является формирование у детей навыков межэтнического взаимодействия на основе знания истории и культуры как собственного, так и других народов.

В условиях, когда во всем мире отмечается рост интереса к национально-культурным и религиозным ценностям, необходимо воспитание молодежи в духе толерантности, уважения традиций и культуры других народов. Правильному духовно-нравственному воспитанию молодежи способствует ориентирование детей и молодых людей на морально-этические ценности, заложенные в вероучениях ислама и христианства. Современные политические реалии, стремительные перемены в обществе, приведшие к оживлению национально-религиозной активности, а особенно, к появлению радикальных религиозных течений, требуют быстрого реагирования со стороны образовательной системы. Насущной необходимостью является воспитание у учащихся национальной и религиозной терпимости, открытости к диалогу, понимание того, что граждане России равны вне зависимости от их принадлежности к той или иной группе населения. Религия – часть жизни и традиционной культуры народов КЧР. Она вносит огромный вклад в формирование общественного сознания и духовного потенциала народов республики.

Значимыми в формировании общероссийской идентичности детей и молодежи являются воспитание патриотизма, ответственности и высокого уровня гражданского самосознания. В республике выстроена система работы по патриотическому воспитанию обучающихся. Созданы координационные советы по патриотическому воспитанию граждан в 12 муниципальных районах и городских округах республики. Во всех высших учебных заведениях КЧР ведется плановая систематическая работа по патриотическому воспитанию студенческой молодежи, повышению уровня общероссийской идентичности, профилактике экстремизма и терроризма. Основными направлениями воспитательной работы является профилактика межэтнических кон-

фликтов, воспитание толерантности и межэтнического взаимодействия, формирование общероссийской идентичности. В Карачаево-Черкесии проводится множество мероприятий, направленных на гармонизацию межнациональных отношений и поддержание диалога национальных культур. Проводятся конференции, круглые столы, создаются волонтерские межнациональные бригады, на практике реализующие принципы межэтнического сотрудничества, инновационные формы общения.

В последние годы в Карачаево-Черкесии наблюдается консолидация усилий органов государственной власти, муниципальных образований и институтов гражданского общества в мероприятиях, направленных на поддержание межнационального мира и гражданского единства в республике. Согласно проведенным экспертным опросам, наиболее активна совместная деятельность, направленная на поддержание межнационального мира и гражданского единства (3,7 баллов из 5) и создание условий, отвечающих национально-культурным потребностям населения (3,7 баллов). Что касается создания условий, отвечающих национально-культурным потребностям населения, то наиболее активны в создании условий для проведения традиционных народных праздников, осуществления традиционных видов труда образовательные учреждения республики (3,4 балла). Среди мероприятий, отвечающих национально-культурным потребностям, приоритетными являются: распространение знаний об истории и культуре народов России (4,1); организация для школьников и молодежи посещения исторических мест, памятников, историко-культурных объектов (3,8); популяризация культуры межнационального общения (3,6); развитие межрегиональных культурных связей (3,6); содействие мероприятиям по сохранению и развитию языков народов России, обеспечению прав граждан на изучение родных языков (3,3); обеспечение условий для изучения и использования гражданами РФ русского языка (3,1).

Образовательная стратегия в полиэтничном социуме выступает значимым фактором его стабилизации. Вектор гуманитарного образования должен быть направлен на преподавание научно обоснованных исторических знаний, формирование высокого уровня этнокультурной компетентности подрастающего поколения, толерантности.

Реальные образовательные практики показывают их эффективность в процессе формирования общероссийской иден-

тичности у молодежи КЧР. Подтверждением являются данные, полученные в ходе социологических опросов, проведенных в Карачаево-Черкесии с 2015 по 2021 гг. по единой методике Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем на базе Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и РОО «Содействие осуществлению этнологического мониторинга и раннему предупреждению конфликтов». Сравнительный анализ их результатов в динамике позволил представить установки, мнения, суждения, которые можно считать модальными и устоявшимися.

Результаты опросов показывают высокий уровень общероссийской гражданской идентичности у учащихся и студентов вузов региона при росте интереса к истории своего народа, его национальным и культурным корням.

Представленные ответы студенческой молодежи республики показывают, что в портфеле идентичностей студентов преобладает множественная идентичность:

– на первом месте – общероссийская гражданская идентичность и это устойчивая тенденция последних лет (65% считают, что их должны воспринимать как граждан страны, при этом 52% указывают общероссийскую идентичность как единственную, 13% среди множественных идентичностей);

– на втором месте – этническая идентичность (23% респондентов полагают, что в повседневной жизни их должны воспринимать как представителя отдельной национальности, среди таких 11% назвали этничность единственной идентичностью, остальные – среди множественных идентичностей);

– на третьем месте – региональная идентичность (12% респондентов предпочитают, чтобы в обычной жизни их воспринимали как жителей определенного региона, причем региональная идентичность фигурирует среди множественных идентичностей у 8% опрошенных).

Культурная стратегия

Самобытность народов Кавказа является той основой, на которой строятся разные социальные и политические концепции. Но народы Кавказа длительное время существовали и развивались как в экономическом, так и в социокультурном плане первоначально в Российской империи, затем в Советском государстве, то есть на основании того культурного кода, который

был им либо навязан извне, либо принят добровольно. В советское время народы Кавказа, так же как народы Севера, Дальнего Востока и других провинций были частью советского народа. В постсоветское время произошло смещение акцентов от того общего, что было у всех советских людей, к тому особенному, что характерно для них как части этнической группы. В настоящее время, и на это неоднократно указывали первые лица государства в своих выступлениях, обращениях, программных статьях, Северный Кавказ необходимо рассматривать как неотъемлемую часть Российской Федерации с реинтеграцией культуры его народов в общенациональную (общероссийскую) культуру, которая изначально многонациональна.

Культурная стратегия в КЧР реализуется Министерством культуры Карачаево-Черкесской Республики, обеспечивающим государственную политику и осуществляющим управление в сфере культуры, искусства, кино и дополнительного образования на ее территории. В основе реализации культурной стратегии *в республике* на протяжении ряда лет лежали нормативно-правовые акты и политические доктрины в сфере культурной политики РФ и субъектов федерации. Со второй половины 1990-ых гг. в Карачаево-Черкесской Республике действует Закон КЧР «О культуре» N 197-XXII от 14 декабря 1996 г., основанный на идее основополагающей роли культуры в развитии и самореализации личности, сохранения национальной самобытности народов, стремления к межнациональному сотрудничеству и интеграции культуры многонациональной КЧР в мировую культуру. Государственная культурная политика исходит из понимания важнейшей общественной миссии культуры как инструмента передачи новым поколениям свода нравственных, моральных, этических ценностей, культура составляет основу национальной самобытности. Знание своей культуры и участие в культурной деятельности закладывает в человеке базовые нравственные ориентиры: уважение к истории и традициям, духовным основам наших народов и позволяет раскрыть таланты и способности каждого человека.

В настоящее время в целях создания условий для обеспечения доступа граждан к культурным ценностям и участию в культурной жизни Карачаево-Черкесской Республики, реализации творческого потенциала населения республики, повышения доступности и качества библиотечных и музейных услуг, сохра-

нения культурного и исторического наследия республики, а также обеспечения сохранности, пополнения и использования архивных фондов осуществлялась реализация мероприятий национального проекта «Культура» и государственной программы «Развитие культуры Карачаево-Черкесской Республики», утвержденной постановлением Правительства КЧР от 30 апреля 2021 г. № 80. Одной из основных задач подпрограммы 1 «Управление государственной программы "Развитие культуры в КЧР"» является обеспечение эффективного управления государственной программой в сфере культурного наследия. Среди основных задач подпрограммы 2 «Обеспечение деятельности подведомственных учреждений в сфере культуры» обозначены: создание равных условий для культурного развития населяющих республику народов и культурно-досуговой деятельности населения; создание условий для сохранения культурного и исторического наследия; сохранение фольклора и развитие традиционной народной культуры. Среди задач подпрограммы 3 «Развитие отрасли культуры»: расширение спектра культурных услуг населению; создание условий для реализации творческого потенциала нации; увеличение обращений к цифровым ресурсам культуры. Основной задачей подпрограммы 4 «Государственная охрана объектов культурного наследия КЧР» является проведение мероприятий по государственной охране объектов культурного наследия на территории Карачаево-Черкесской Республики. Подпрограмма 5 «Развитие архивного дела в КЧР» предусматривает сохранение, пополнение, использование документов архивного фонда Карачаево-Черкесской Республики в интересах граждан, общества и государства.

Организацию досуга населения в городах и районах обеспечивают 338 учреждений культуры. Среди них 15 республиканских государственных учреждения культуры; 136 – учреждений культурно-досугового типа. Население республики обслуживают 160 библиотек, из них детского читателя обслуживает 21 специализированная библиотека, 3 библиотеки – республиканского подчинения. Также в республике функционируют 7 музеев – это Карачаево-Черкесский государственный историко-культурный и природный музей-заповедник и 6 его филиалов, 5 драматических театров, 2 концертные организации.

Сферу образования культуры и искусства представляют 28 детских музыкальных школ и школ искусств, Карачаево-Черкесский

государственный колледж культуры и искусств им. А.А. Даурова, Учебно-методический центр по художественному образованию. В школах искусств обучение предоставляется на нескольких отделениях: народных инструментов, духовых инструментов, хореографическое, музыкально-театральное, музыкально-теоретическое, вокальное, хоровое, эстрадное, изобразительного искусства, эстетического развития детей. Республиканское государственное образовательное учреждение «Карачаево-Черкесский государственный колледж культуры и искусств им. А.А. Даурова» реализует учебные программы среднеспециального профессионального образования в сфере культуры и искусства. Важнейшими для сохранения этнической культуры являются отделения народных инструментов, декоративно-прикладного искусства и народных промыслов. Отделение декоративно-прикладного искусства колледжа по количеству изучаемых ремесел является уникальным не только на Кавказе, но и в России. Без этой работы народные промыслы были бы безвозвратно утрачены.

Основной комплекс задач, без решения которых невозможно полноценное и эффективное развитие системы образования в сфере культуры и искусства Карачаево-Черкесской Республики, заключается в следующем: формирование на республиканском и муниципальном уровнях отношения к художественному образованию, и особенно к образованию в сфере культуры и искусства как особо значимой области человеческой деятельности, крайне необходимой для развития российского общества.

Важнейшей областью деятельности в сфере культуры в республиках Северного Кавказа, в том числе в Карачаево-Черкесской Республике, является *народное творчество*. В качестве нормативных документов организации такой деятельности можно рассматривать ст. 14, 15, 16 Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ст. 29 Федерального закона от 31 декабря 2005 г. № 199-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий»). Согласно этим статьям к вопросам местного значения отнесли полномочия по созданию условий для развития местного традиционного народного художественного творчества, участие в сохранении и развитии народных художественных промыслов.

Правовой основой регулирования народного творчества являются следующие нормативные правовые акты: Конституция РФ (ст. 44); Федеральный закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства РФ о культуре»; Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ»; Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии»; Указ Президента Российской Федерации «О мерах по усилению государственной поддержки культуры и искусства в Российской Федерации» от 1 июля 1996 г. № 1010, Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015 г.) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и др.

Международное законодательство в отношении традиционной народной культуры употребляет термин «нематериальное культурное наследие» (Конвенция ЮНЕСКО от 17 октября 2003 г.). Нематериальное культурное наследие – обычаи, знания, навыки, предметы, культурные пространства, признанные сообществами в качестве культурного наследия и свидетельствующие о культурном многообразии народов мира. Нематериальное культурное наследие проявляется в следующих областях: устные традиции, исполнительские искусства, обычаи, обряды, празднества, знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами. Сохранение (охрана) означает принятие мер с целью обеспечения жизнеспособности, включая идентификацию, документирование, популяризацию с помощью формального и неформального образования, возрождение различных аспектов такого наследия. Процессы глобализации поставили в качестве важнейшей государственной задачи сохранение нематериального культурного наследия. В этом контексте развитие народного творчества и трансляция лучших образцов духовной культуры последующим поколениям как основы идентификации нации является обязанностью соответствующих госструктур и муниципальных образований.

Организацией деятельности народных коллективов различной направленности в КЧР занимается Республиканский Центр народной культуры (далее – РЦНК). Приоритетными направлениями в деятельности центра: сохранение и развитие народного творчества, сохранение и возрождение национального культурного наследия народов Карачаево-Черкесии, по-

вышение профессиональной квалификации учреждений культуры республики. РЦНК является организатором и разработчиком практически всех самых масштабных культурных мероприятий в КЧР, непременным и активным участником культурных форумов, проводимых в Южном федеральном округе, а также фестивалей и конкурсов всероссийского значения. Проведение фестивалей способствует взаимообогащению, сближению культур народов РФ, позволяет выявить и показать творческие достижения участников. Одной из задач фестивалей является развитие межрегиональных культурных отношений, благоприятного общественного мнения и позитивного образа КЧР как гостеприимного туристического региона России.

Помимо проведения республиканских, северокавказских, всероссийских мероприятий РЦНК организует и проводит мероприятия правительственного уровня. РЦНК поддерживает деловые отношения с общественными организациями республики, центрами, домами народного творчества России. Сотрудниками центра собран огромный фонд аудио-, видеоматериалов выступлений народных коллективов, выставок мастеров декоративно-прикладного искусства, предметов быта, отражающих художественный стиль предков народов КЧР.

Взаимообогащению культур народов Северного Кавказа служит гастрольная деятельность 52 самодетельных коллективов, участвующих в региональных, всероссийских, международных фестивалях. Главная задача народных творческих коллективов – сохранение культуры народа. Под руководством специалистов центра и с их непосредственной помощью ведется методическая и практическая работа в районных, сельских домах культуры и центрах досуга и культуры.

Популяризации традиционной культуры народов КЧР способствовали различные культурные мероприятия, выставки, проведенные в рамках празднования 100-летнего юбилея Карачаево-Черкесской Республики, состоявшегося в 2022 году. В Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге была организована выставка «Культура без границ: наследие народов Карачаево-Черкесии в собрании Российского этнографического музея», на которой было представлено более 300 предметов, характеризующих культуру местных народов. Выставка «100 лет государственности Карачаево-Черкесии» бы-

ла открыта в Национальном центре управления обороной РФ в Москве. В экспозиции было представлено культурное наследие народов республики, в т.ч. предметы национальной одежды и быта, ремесленные изделия и памятные медали. В московском парке «Зарядье» состоялся большой праздничный концерт артистов Государственной филармонии КЧР, гости которого получили возможность познакомиться с этнокультурным многообразием танцевального, музыкального и песенного искусства народов республики. Проведение таких мероприятий содействует укреплению межконфессионального, межкультурного диалога и сплочению народов России.

В последние годы состоянию объектов культуры на селе и обновлению базы культурных учреждений в Карачаево-Черкесии в рамках нацпроекта «Культура» уделяется большое внимание. До 2024 г. запланировано строительство, реконструкция и капитальный ремонт 28 домов культуры в десяти муниципальных образованиях. В 2020 г. в Карачаево-Черкесии построили и отремонтировали 11 домов культуры, в 2021 и 2022 гг. – по шесть таких объектов. Всего, начиная с 2017 г., были построены и реконструированы более 40 домов культуры в разных муниципальных образованиях республики, а также новый центр Народной культуры [В Карачаево-Черкесии построят; В Карачаево-Черкесии откроют].

В КЧР в постсоветское время было образовано множество национальных общественных объединений, основным вектором деятельности которых является этнокультурный. В 2013–2014 гг. произошла деполитизация деятельности активных общественных организаций республики, усилился этнокультурный аспект, который проявился в проведении множества мероприятий, направленных на возрождение традиций и культуры народов республики. Наиболее активны в сфере сохранения культуры, традиций народов общественные организации: Фонд содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрус-ид», Международное объединение содействия развитию абазино-абхазского этноса «Алашара», Региональная ногайская национально-культурная автономия «Ногай Эл» и др.

Резюмируя вышеизложенное, можно выделить те тренды, которые являются основными в оценке роли историко-культурного наследия народов Карачаево-Черкесской Республики в образовательной и культурной стратегии:

– республиканские стратегии строятся в контексте общероссийских с учетом единства российской нации на основе этнокультурного многообразия народов;

– на всех уровнях присутствует этнический компонент, связанный с сохранением истории, языка, традиций и быта народов КЧР, с акцентом включения этих компонентов в многонациональную, полиэтничную культуру России;

– работа в образовательной и культурной сферах направлена на формирование высокого образовательного и культурного уровня обучающихся на основе общих для всех россиян стандартов обучения с учетом накопленного народами республики историко-культурного опыта.

Источники и литература

В Карачаево-Черкесии откроют – В Карачаево-Черкесии откроют шесть домов культуры [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/cultura/3418052.html>.

В Карачаево-Черкесии построят – В Карачаево-Черкесии построят и отремонтируют 28 домов культуры [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80aarpmpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/v-karachaevo-cherkesii-postroyat-i-otremontiruyut-28-domov-kultury>.

До конца 2021 года – «До конца 2021 года будут переизданы учебники родных языков для 5–7 классов», – Глава КЧР Р. Темрезов [Электронный ресурс]. URL: <https://cherkesk.bezformata.com/listnews/pereizdani-uchebniki-rodnih-yazikov/94599338/>.

Из выступления В. Бородкина // «Права репрессированных народов в современном мире: (к 70-летию начала депортации народов Юга России) // Материалы 1 I Международной научно – -практической конференции, к 70-летию начала депортации народов Юга России. 16-17 мая 2013 г. / отв. ред. Джантеева В.С. Черкесск: БИЦ СевКавГГА, 2014. С. 37.

Кризис мультикультурализма – Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / Под ред. М.Б. Погребинского и А.К. Толпыго. М.: Весь Мир, 2013. С. 176.

Об утверждении Положения о Министерстве образования и науки Карачаево-Черкесской Республики: Указ Главы КЧР от 7 июля 2021 г. № 120 [Электронный ресурс]. URL: <https://minobrkrchr.ru/razdel/detail.php?ID=7273/>.

БУРЯТСКИЕ РОДОСЛОВНЫЕ КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ¹

З.А. Дебенова

Введение

По данным переписи 2020 г. на территории Российской Федерации проживает более 190 национальностей, принадлежащих к разнообразным этническим и конфессиональным общностям и обладающих богатым историческим и культурным наследием. В последние годы наблюдается рост интереса среди широких слоев населения страны к локальным, этническим культурам. Это демонстрируют запросы граждан на образовательные и просветительские проекты, направленные на исследование различных аспектов истории культуры народов, проживающих на территории России.

Обычаи и традиции предков, их исторический опыт, будучи востребованными в современном обществе, играют решающее значение в формировании фундамента культурно-духовного самосознания народа. Так, в среде бурят одним из способов обращения к знанию прошлого становится знакомство с традицией составления родословных. Красноречивым доказательством возросшего интереса к родной культуре служит количество посетителей архивов г. Улан-Удэ, обращающихся за информацией об истории своей семьи. Например, ежегодно к данным, содержащимся в материалах фондов Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН), обращаются более 300–400 человек, что свидетельствует о высокой общественной значимости и ценности генеалогических знаний в современном бурятском обществе [*Ринчинов, Ринчинова, 2021: 4*]. Таким образом, возникает закономер-

---

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – нач. XXI в. в контексте межцивилизационного взаимодействия») № 121031000302-9.

ный вопрос – что из себя представляет родословная бурят и в чем заключается ее значимость?

Бурятская родословная обычно представляет собой патрилинейное генеалогическое древо, нисходящее от фигуры зачатую мифологизированного прародителя. Есть случаи включения женских линий, но эта практика получила распространение не более 100 лет назад (3–4 поколения). Глубина родословной может достигать 10–15 поколений, уходя вглубь на 300–400 лет.

Семья для кочевых народов была не просто составляющей общества, но также являлась обязательным условием выживания в тяжелых природных условиях, поскольку ведение хозяйства было трудоемким процессом и поддерживать его представлялось возможным только совместными усилиями большого количества людей. Почитание семьи и культ предков манифестировались в традиции передачи информации о составе семьи в устной и письменной форме. Как правило, информация о составе рода передавалась из уст в уста, но позже ее стали фиксировать в письменном виде, поэтому постепенно сформировался большой пласт письменных источников. Родословные таблицы являлись частью исторических хроник у бурят и были одним из любимейших видов литературы на старомонгольском языке. Распространялись такие таблицы в основном рукописным путем, и те из них, которые принадлежали частным лицам, передавались из рук в руки [Цыдендамбаев, 1972: 9]. Также они были тесно связаны с родословными легендами, преданиями и историями о происхождении отдельного рода, ведь на основе заключенной в них информации зачастую и формировались семейные древа.

Тема изучения бурятских родословных привлекает внимание многих исследователей. Как отмечали некоторые ученые-бурятоведы, возрастающее влияние Запада может оказать негативное влияние на автохтонную культуру, и в связи с этим актуализировался вопрос о необходимости скорейшего фиксирования устных материалов. «Революция ускорила движение европейской культуры в степи. Новые идеи быстро завоевывают улусы и люди новой формации сменяют патриархальных знатоков преданий и седой старины. Пока еще живы эти старики, на нашей обязанности лежит записать то, что они знают: мы единственные их наследники» [Петри, 1925: 42].

Первые комплексные научные исследования, посвященные изучению бурятской генеалогии, датируются послевоенным пе-

риодом советской истории. Именно в это время был совершен качественный переход от сбора информации к ее обработке, стали выпускаться обобщающие труды, которые легли в основу генеалогии как отрасли исторической науки. К числу первых ученых-исследователей, занимавшихся сбором материалов, относятся такие знаменитые бурятские фольклористы советского периода как М.Н. Хангалов, С.П. Балдаев, И.Н. Мадасон, Ж.А. Зимин. В результате их многолетнего и плодотворного труда были сформированы фонды, хранящиеся в архиве Центра восточных рукописей ИМБТ СО РАН. Именно к ним сегодня обращаются ученые, исследователи и частные лица, интересующиеся историей своей семьи, рода, племени. Наиболее значимыми трудами по данной теме, вышедшими в СССР, являются «Родословные предания и легенды бурят» (1970) Сергея Петровича Балдаева и «Бурятские исторические хроники и родословные» (1972) Цыбикжапа Бобоевича Цыдендамбаева. Первое издание является одной из самых популярных работ как в научном сообществе, так и в широких кругах общественности, поскольку собранный исторический и фольклорный материал поистине уникален. Многим удастся найти утерянную информацию о корнях своей семьи или начать работу над составлением родословной именно с этой книги. Работа Цыдендамбаева, в свою очередь, рассматривает популярные исторические хроники как источники об истории и происхождении бурят-монгольского народа, а также особенности летописных сочинений с точки зрения языкознания. Работы Шаракшиновой Н.О. (1959), Бардахановой С.С. (1992), Гунгарова В.Ш. (1993) были посвящены вопросам жанровой классификации бурятских легенд и преданий. Диссертационные исследования Бадмаева Б.Б. (2000) и Малзуровой Л.Ц. (2013), а также научные исследования Содномпиловой М.М. и Нанзатова Б.З. поднимают вопрос о роли родословных и образов упоминаемых в них мифических предков, в современных процессах формирования бурятской идентичности.

Основная цель нашего исследования заключается в определении основных факторов, обуславливающих интерес к изучению родословной, письменных генеалогий в современном обществе, а также определение роли данной информации в сохранении историко-культурного наследия бурят. Кроме того, в данной работе представлена краткая справка о содержании в фондах ЦВРК ИМБТ СО РАН материалов, относящихся к рассматриваемой теме исследования. На основании полу-

ченных результатов будет определена роль письменных источников по генеалогии бурятского народа в развитии традиции изучения историко-культурного наследия.

На наш взгляд, можно выделить три основные составляющие, которые определяют практическую пользу данных материалов. Во-первых, административный аппарат бурят на начальном этапе был основан на родоплеменных связях, одна из основных функций письменных родословных заключалась в регулировке правовых отношений, касающихся политических и имущественных вопросов. Поэтому они представляют собой ценный источник по истории локальных экономических отношений среди бурятского населения. Кроме того, наличие строго обозначенных в родословных таблицах родственных связей формировало четко обозначенную традицию матримониальных взаимоотношений. Во-вторых, острые демографические вопросы, перспективы развития бурятской нации в целом и родственных связей отдельных людей в частности определяют потребность в обращении к родословным. В-третьих, брачные традиции представляют собой одну из составляющих бурятского культурного кода. В последние годы мы являемся свидетелями актуализации процессов формирования этнической идентичности во всем мире, и как результат – обращение к автохтонным верованиям и духовным практикам коренных народов. Почитание духов предков являлось ключевой составляющей шаманских верований народов Сибири, поэтому генеалогии также играют большую роль в духовных поисках современных бурят.

Родословные как часть официальной правовой документации

Родословные составляли важную часть историографической традиции монгольских народов, по меньшей мере, начиная с XIII века. Несмотря на ощутимое влияние тибетской (буддийской), китайской и российской научной традиции, они сохранили свою актуальность и важность на протяжении всей истории. Однако единой традиции их составления среди монголов, в том числе среди бурятских племен, не сложилось. После того как бурят-монголы вошли в состав российского государства в XVIII в., по мнению Цыдендамбаева, «исторические хроники стали составляться у хоринских, селенгинских и баргузинских

бурят в отдельности, в результате чего у этих бурят сложились свои летописные традиции» [Цыдендамбаев, 1972: 50].

В досоветский период истории бурятского народа родословные играли особенно важную роль в распределении духовной (религиозной) и политической власти среди элит. Клановая аристократия была частью административного деления и политической системы коренных народов, проживающих на территории Бурятии, в то же время через систему косвенного управления они были частью российской государственности. Таким образом, письменные родословные были одним из способов легитимизировать власть лидера правящего клана и его наследственность [Zhanaev, 2020: 82]. Красноречивым примером того, насколько глубоко родоплеменные отношения были интегрированы в административное деление, является следующее свидетельство: «В кратких чертах эта организация сводится к следующему. Низшей родовой единицей является хотон (3–4 юрты) – маленькая семейная община. Несколько хотонов образуют аймак, *род* в тесном смысле (несколько семейств, связанных общим происхождением от одного предка по мужской линии), хотоны разнородны и связаны между собой территориальным сожительством. Аймак и составляет низшую административную единицу – улус, имеющую свое родовое правление. Несколько аймаков (родовых правлений) образуют оток (род в обширном смысле, разросшийся аймак), административно-инородную управу, а несколько управ – ведомство или Степную думу. Каждая из этих групп имеет свои сходы, сугланы, на которых обсуждаются и решаются общественные дела» [Формы национального движения в современных государствах, 1910: 608].

Таким образом, до революции родоплеменные деления бурят были положены в основу административного деления и управления бурятских ведомств Западной и Восточной Бурятии. И.И. Асалханов отмечает, что с течением времени происходили существенные изменения в расселении, численности бурятских родов, и по этой причине во второй половине XIX в. назрела настоятельная необходимость установления административного деления по территориальному, а не родоплеменному принципу [Асалханов, 1960: 68]. В конце 1890-х – начале 1900-х гг. в результате волостной реформы степные думы были расформированы. Это могло послужить одной из причин,

почему родословная традиция постепенно начала утрачивать свою практическую значимость, что получило продолжение и в послереволюционный период истории бурятского народа. Возможно, генеалогии, которые использовались местной родоплеменной элитой для распределения наследства и власти, в советский период утратили многие свои функции, а отказ от них в период создания коллективных хозяйств мог быть одним из способов привлечь в эти хозяйства людей [Zhanaev, 2020: 87].

Родословные как основной регулятор семейных отношений

Традиция составлять подробные родословные у монгольских народов, в том числе и бурят, уходит корнями в древность. Некоторые исследователи считают, что одной из причин формирования такого обычая могло служить строгое правило экзогамии – заключение брака вне семьи. Подобная практика не являлась присущей исключительно монголам: многие сообщества создавали условности, запрещающие отношения между людьми, находящимися в родственных связях, причем позволительная степень родства могла определяться по-разному. У монгольских народов традиционно запрещалось вступать в брак и создавать семьи тем людям, у которых имелись родственники до седьмого, в некоторых случаях до девятого колена. «Брак между родственниками (*аха дуу*) по отцу запрещался вплоть до седьмого колена. Знание правил родства считалось обязательным, за их соблюдением следили очень строго. В каждой общине были известны наиболее почитаемые люди из числа старейшин – *үе тоологшо үбгэд*, которые досконально знали, кто из какого рода, у кого какая наследственность, они имели право наложения запрета на брак, говоря *үе халаагуй* – родство не прервалось. Поэтому детей с малых лет знакомили с генеалогическим родовым древом, особенно по мужской линии» [Галданова, 2002: 113].

Стоит отметить, что существуют довольно любопытные теории о самой природе экзогамного поведения. Так, например, Урадын Булаг утверждает, что монголы переняли этот паттерн поведения у лошадей: «Монголы утверждают, что их механизмы по избеганию близкородственного смешения основываются на наблюдении за животными, в особенности лошадьми, и тем, как они формируют свои "семьи". У монгольских лошадей имеется явный инстинкт избегания близкородственного смешения: жеребец отгоняет от себя собственных отпрысков женского по-

ла, как только они достигают полового созревания. Считается, что если даже животные поступают таким образом, то люди, как более развитые существа, должны быть еще более предусмотрительными в этом аспекте» [Bulag, 1998: 118]. Также в Монголии и Внутренней Монголии КНР бытует следующее выражение: *Хун морь хоёр холын удам татна* – И люди, и лошади должны придерживаться дальнего родства. Однако в истории хоринских бурят был зафиксирован случай, когда брачные нормы менялись. В рукописи «Краткие очерки истории хоринских бурят» Д. Бубеев пишет о том, что в XVIII в. хоринские буряты строили семьи согласно древней брачной системе, в соответствии с которой разрешалось вступать в брак троюродным братьям и сестрам. В источнике отмечается, что позже в связи с ростом хоринского населения брачные нормы были изменены. В частности, в 1800 г. главы и старейшины 11 хоринских родов на собрании установили, что в брак могут вступать родственники 11-й степени родства [Цыренова, 2020: 157].

Бытует мнение, что буряты хранили свои записи намного бережнее, чем халхи (халха-монголы – прим. З.Д.). Монгольский термин, обозначающий родословные – *угуйн бичиг*, был заимствован из бурятского *угай бэшэг*. Также Булаг в своем исследовании приводит сведения, что в конце XX в. в связи с обеспокоенностью властей Монголии вопросами демографии страны, Малый государственный хурал планировал принять закон об «обоках», обязывающий граждан вести подробные генеалогические записи (подробнее о термине «обок» и дискуссии, продолжающейся вокруг этого термина, далее в статье). Данный факт, несомненно, представляет научный интерес в рамках рассматриваемой проблемы. Кампания продвигалась как государством, так и отдельными гражданами. В 1991 г. начала выпускаться литература, в которой населению предлагались методы ведения генеалогических записей. Такая инициатива вызвала активную поддержку всего населения страны и начиная с этого времени *угуйн бичиг* считаются самым ценным наследством, которым может обладать семья, а те, у кого имеются старые генеалогические книги, уважаемы за знание собственных истоков [Bulag, 1998: 114].

Среди бурят, проживающих на территории СССР – Российской Федерации, в отличие от близкородственных им монголов, традиция составления и применения родословных не была полностью утрачена. Причина этого явления заключалась в том, что в советский период для бурят составление генеалогий связано с

сопротивлением господствующему режиму, и поэтому письменные генеалогии, циркулирующие среди современных бурят, следует рассматривать как альтернативу официальным версиям истории, нежели как средство построения или реконструкции реальных родственных отношений между людьми. Генеалогии следует воспринимать вне биологических коннотаций: они не всегда полезны для понимания социальной дистанции и родственных отношений [Zhanaev, 2020: 97].

Таким образом, можно утверждать, что благодаря применению содержащейся в генеалогиях информации регулировались брачно-семейные отношения и устанавливались барьеры, противодействующие возникновению близкородственных связей, которые негативно сказывались на состоянии здоровья людей и общей демографической ситуации. При этом, бурятские родословные могут рассматриваться как уникальный памятник традиционной культуры, не утративший своей актуальности и практической значимости.

Родословные как ключевая составляющая идентичности

Многие исследователи отмечают, что в постсоветский период среди россиян актуализируется вопрос формирования этнической идентичности. Политические репрессии советского периода в отношении многих народов стали причиной утраты большого пласта материальной и духовной культуры. Бурятский народ в этом плане не является исключением. Переход к новому типу экономики и создание коллективных хозяйств стали причиной отказа от многовекового кочевого уклада жизни. Также в советский период вследствие бескомпромиссной политики властей по отношению к т.н. «буржуазным пережиткам» была утрачена традиционная бурят-монгольская письменность, а преследования религиозных конфессий привели к почти полной утрате шаманской и буддийской обрядности; была разрушена большая часть храмов, почти прервалась книжная традиция. Таким образом, привычный хозяйственный уклад и многие аспекты духовной и религиозной жизни, на которых базировалось мироощущение людей, в течение относительно короткого промежутка времени перешли из разряда жизненных ориентиров в то, что было обесценено и признавалось пережитками прошлого. Новой базой, на которой строился повседневный быт и конструировалось мировоззрение людей, стали идеи социализма.

По этой же причине распад СССР помимо проблем политического и экономического характера также повлек за собой кризис ценностей и жизненных ориентиров у многочисленного населения некогда огромной страны. Система, которая на протяжении долгих лет в достаточно агрессивном ключе пыталась создать унифицированного «советского человека», после ухода ничего после себя не оставила. Идеологический вакуум затронул все слои населения, в результате данная ниша была занята другими течениями, в том числе не совсем созидательного характера. Вместе с тем, многие народы начали обращаться к традиционным ценностям и этнической культуре, в т.ч. это послужило почвой для культурного «ренессанса», который наблюдается в последние десятилетия. Данные процессы затронули и бурятское общество. Когда пришло осознание, что исчезновение бурятской культуры является вполне реальной перспективой, наиболее активные деятели из числа научной и творческой интеллигенции стали популяризировать объективные исторические сведения, в т.ч. и родословные.

Тот факт, что знание родословной являлось значимой составляющей бурятской идентичности, ярко прослеживается на примере бурят, проживающих на территории других стран. Многие из них утратили знания о своей родословной. Для бурят Монголии отказ от составления и владения своими генеалогическими данными является относительно недавним явлением, произошедшим после переселения бурят на новые территории в начале XX века. Урадын Булаг в своем обширном исследовании приводит следующие слова из личного разговора с представителем бурятской диаспоры в Монголии: «В прошлом нас стыдили за знание нашей родословной. Халхи смеялись над нашей традицией, говорили, что мы продолжаем оставаться на примитивном уровне кланового сообщества, в то время как они уже перешли к стадии социализма. Некоторые обвиняли нас в национализме... Я могу жаловаться лишь на одно: уничтожение бурятских *угай бэшэг* (родословные книги – прим. З.Д.). Если министерство внутренних дел находило их, то убивали всех людей, которые там упоминались. Испуганные люди сжигали их, прятали в колодцах, некоторые учили наизусть» [Bulag, 1998:129].

Исследователями неоднократно отмечалось, что интерес к родословным имеет непосредственную связь с ростом потребности населения в духовном поиске, что в свою очередь привело к возрастающей популярности шаманских практик среди бу-

рят. Так, по мнению А.И. Дархановой, именно шаманизм сыграл важную роль в сохранении элементов архаичной родовой структуры у западных бурят.

Помимо этого, при знакомстве с научной литературой по теме бурятских родословных, нельзя не заметить, что любая дискуссия на тему их исторической важности так или иначе будет связана с термином *обок / обог / отог*. Мы уже упоминали о нем выше, где речь шла об административном делении бурят в дореволюционный период. Американский исследователь Дэвид Снит утверждает, что данный термин скорее несет в себе политическую функцию, нежели играет какую-нибудь весомую роль в этнической идентификации у бурят. Однако, Т.Д. Скрынникова опровергает эту точку зрения, обращаясь к духовной обрядности бурят, в которой деление на рода во многом определяло порядок проведения основных обрядовых практик. Таким образом, она утверждает, что «генеалогический принцип был актуален, сосуществуя с гетерогенной структурой общества, он выполнял функции социально-регулятивного механизма, легитимируя обрядово-бытовую жизнедеятельность социума» [Скрынникова, 2010: 15].

М.М. Содномпилова и Б.З. Нанзатов в своем исследовании приходят к выводу, что племенные союзы – *отоги* – на сегодняшний день становятся альтернативой уже существующим землячествам (общественные объединения, организованные на основе территориальной общности бурят России – прим. З.Д.), и их реконструкция становится одной из основных тенденций в процессах формирования идентичности. В контексте этого процесса символами национально-культурного возрождения выступают этнические идеологемы и мифологемы (мифические предки бурят, эпические герои). Стремление к общинному самосознанию, которое является одной из доминантных черт бурятской этничности, сегодня проявляется на более высоком уровне. В бурятском обществе процесс самоидентификации продолжается, и в то же время он не выходит за рамки этничности. Интерес к истории этноса среди бурят не только не ослабевает, но и усиливается [Sodnompilova, Nanzatov, 2020: 75]. Доказательством растущего интереса могут служить многочисленные запросы, поступающие в различные архивные фонды как от профессиональных исследователей, так и простых обывателей, занимающихся вопросами генеалогии.

Бурятские родословные в архивах ЦВРК ИМБТ СО РАН

Согласно некоторым оценкам, в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН насчитывается более шести тысяч отдельных родословных [Ринчинов, Ринчинова, 2021:4]. Большая часть материалов по генеалогии бурят представлена в личных архивах С.П. Балдаева – личный архивный фонд № 36, а также Ж.А. Зимина – личный архивный фонд № 26. В личном архиве С.П. Балдаева на данный момент насчитывается 1 443 единиц хранения. Материалы фонда были систематизированы в восьми крупных блоках с многими подразделами: 1) материалы к биографии фондообразователя; 2) письма к С.П. Балдаеву и от Балдаева С.П.; 3) материалы по служебной и общественной деятельности; 4) творческие материалы; 5) материалы, собранные фондообразователем; 6) библиография; 7) фотоматериалы и 8) материалы из газет. Документы по истории бурят, а именно родовые легенды и предания, генеалогические записи, представлены в разделе «Творческие материалы С.П. Балдаева» в подразделе «История». Так, дела за №№ 768-817 включают «Материалы по истории бурят», дела №№ 818-859 «Бурятские племена и роды», дела №№ 860-876 «Роды бурят», дела №№ 877-902 «Генеалогии бурятских родов», а дела №№ 903-936 «Родословные бурят». Стоит заметить, что выделение отдельно дел №№ 860-876 подразумевало разграничение обобщающих или описательных работ от описаний конкретного рода. Например, дело № 860 посвящено алагуевскому роду, а в деле № 872 описаны улейские буряты. В фонде представлено сравнительно небольшое количество собственно генеалогий, выделенных на отдельные листы. Записи родословных ветвей перемежаются с генеалогическими легендами и преданиями о происхождении родов либо с каким-либо памятным событием из истории улуса, конкретного человека. Исследователь скрупулезно фиксировал все, что мог сообщить ему информатор [Аюшеева, 2019: 19–20].

В фонде Ж.А. Зимина среди материалов по генеалогии можно выделить как родословные частных лиц (например, дело № 91, опись 3 «Генеалогическое древо жителя с. Кижинга Балдандоржиева Пунцыка» на 1 листе), так и генеалогические таблицы родов (например, дело № 7, опись 5 «Род шоно ураг»), населенных пунктов. Генеалогические таблицы родов представлены в основном в виде линейной записи сверху вниз. Родословные населенных пунктов, главным образом, представле-

ны в виде план-схем, где схематически изложен план поселения: улица за улицей, дом за домом. По этим картам можно увидеть, кто с кем соседствовал, где располагалась школа или магазин. Все скрупулезно было зафиксировано собирателем. Каждое домохозяйство представлено в виде отдельной окружности, поделенной пополам, в одной из половин записан глава семейства, в другой – его супруга с указанием рода. Ж.А. Зиминым была разработана специальная система отражения родовой принадлежности: каждому роду было присвоено отдельное графическое обозначение, например, рисунок из букв «г» обозначал род галзутов. Каждая план-схема населенного пункта имела «легенду», расшифровку графических обозначений [Аюшеева, 2020:76].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что ЦВРК ИМБТ СО РАН является бесценным фондом материалов для многочисленных исследователей бурятских родословных. Кроме того, необходимо отметить ведущуюся сотрудниками ЦВРК работу по предоставлению доступа к данным более широкому кругу заинтересованных в генеалогических изысканиях лиц. Так, например, была проведена работа по цифровизации и созданию общей базы данных родословных, хранящихся в коллекциях центра. Подобная работа способствует выявлению и формированию тематических мета-коллекций, что открывает новые возможности для всестороннего раскрытия историко-культурного наследия [Ринчинов, Ринчинова, 2021: 2].

Заключение

Бурятские родословные являются уникальным культурно-этническим явлением, они представляют собой не только отражение традиционных семейных ценностей народа, но и занимают место важнейшего источника исторической памяти этноса. Наряду с этим, несмотря на то, что эта традиция зародилась много веков назад, родословные и по сей день играют важное значение в повседневной жизни населения. К ним обращаются для обнаружения истоков своей семьи, нахождения родственников, а также они становятся одной из составляющих, формирующих национальную идентичность бурят. Во всех этих процессах ключевую роль играют архивные фонды, научная литература и профессиональная деятельность сотрудников Центра восточных рукописей и ксилогра-

фов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Источники и литература

Асалханов И.А. О бурятских родах в XIX веке // Этнографический сборник. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1980 г. Вып. 1. С. 68–83.

Аюшеева М.В. Бурятские генеалогии в личном фонде С.П. Балдаева // Вестник Восточного-Сибирского государственного института культуры. 2019. № 4(12). С. 19–24.

Аюшеева М.В. Обзор бурятских родословных в личном архивном фонде Ж.А. Зимина (1920–2012) // Вестник Восточного-Сибирского государственного института культуры. 2020. № 3(15). С. 73–80.

Бадмаев Б.Б. Этническая генеалогия бурят: современное состояние бытования и изучения // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 81–85.

Галданова Г.Р. Свадебная и погребально-поминальная обрядность: социальные и мировоззренческие аспекты // Обряды в традиционной культуре бурят. М., 2002. С. 113

Дарханова А.И. Шаманистские и семейно-родовые культы и обряды баяндаевских бурят как механизм сохранения кровнородственных связей // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. Вып. 10. С. 74.

Петри Б. Программа для собирания преданий по истории заселения Прибайкалья бурятами // Бурятияведение. 1925. № 1. С. 41–44.

Ринчинов О.С., Ринчинова О.С. База данных бурятских родословных: основные подходы и реализация // Историческая информатика. 2021. № 4. С. 1–10.

Скрынникова Т. Д. Функции рода у бурят (конец XIX–XX вв.) // Новый исторический вестник. 2010. № 4(26). С. 11–18.

Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1910.

Цыренова Н.Д. История хоринских бурят: рукопись Даши Бубеева // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 3. С. 153–160.

Bulag Uradyн. Nationalism and Hybridity in Mongolia. Oxford: Clarendon Press. 1998.

Sodnompilova M.M. Nanzatov B.Z. Buryat ethnic self-identification: New trends and aspects in the 21st century // Facing challenges of identification: investigating identities of Buryats and their neighbor peoples. Warsaw University. 2020. P. 65–77.

Zhanaev A. Alternative history: creation, use and interpretation of Buryat genealogies // Facing challenges of identification: investigating identities of Buryats and their neighbor peoples. Warsaw University 2020. P. 79–98.

НЕОТРАДИЦИИ: АКТОРЫ И ЗНАЧЕНИЕ В СОХРАНЕНИИ ЭТНОКУЛЬТУРЫ¹

Л.В. Намруева

В современной культуре российских народов регулярно появляются неотрадиции и стал распространенным т.н. неотрадиционализм. Безусловно, все это способствует сохранению, развитию этнических культур, а в целом этнокультурному многообразию страны. В то же время недостаточно полно исследованы практики и механизмы устойчивости традиционной культуры на протяжении длительного исторического периода. Она, вобрав в себя многолетний опыт самоорганизации и жизнеобеспечения этносов, постоянно обновляясь, в разных формах сохраняется в условиях изменяющейся реальности. Социальное явление, получившее название этнокультурного неотрадиционализма, в настоящее время является весьма актуальной исследовательской темой [Мадюкова, Попков, 2011; Ламажаа, 2013; Ламажаа, Намруева, 2014]. Согласно разделяемой нами точке зрения, этнокультурный неотрадиционализм – это процесс и продукт внутренней и внешней рефлексии этнокультур в ее синхронно-диахронном измерении [Попков, Тюгашев, 2020: 114–126].

Этническая культура, являясь социальным институтом, выполняет ключевые функции: «охрана, реставрация, накопление и сохранение, защита культурных ценностей; обеспечение доступа для изучения специалистами и для просвещения широких масс к памятникам культурного наследия: артефактам, обладающим исторической и художественной ценностью, книгам, архивным документам, этнографическим и археологическим материалам, а также заповедным территориям» [Толмачева, 2015: 58]. Культура этноса тесно связана с этнической идентичностью, этническим самосознанием, она влияет на интеграцию этноса посредством ценностных ориентаций, обрядовых практик, по-

---

¹ Подготовлено при финансовой поддержке в рамках научного проекта Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (2020-2022 гг.).

вседневных навыков и компетенций (ведение традиционного хозяйства, владение родным языком и т.д.). По мнению С.В. Мадюковой, «этнокультура, как некоторое комплексное образование, включает в себя все составляющие социокультурного бытия этноса» [Мадюкова, 2022: 85].

В данной статье на примере Республики Калмыкия проанализировано, как современная этническая культура воспроизводится, выполняет функции консолидации этноса, трансляции ее составных элементов. Рассмотрена роль акторов, этнических активистов, которые во времена стремительных социальных изменений возрождают традиции, трансформируя их отдельные компоненты, изобретают новые культурные практики с целью сохранения этнокультуры, гармоничного взаимодействия ее с другими социальными институтами современности. Глобализационные процессы, ускоряя взаимодействие культур, угрожают сохранности, самобытности и неповторимости народов, поэтому каждая этническая культура должна обновляться, видоизменяться, что свидетельствует, что она жива и полноценна.

В Республике Калмыкия с конца 1980-х – начала 1990-х гг. стали активно возрождать утраченные традиции. Отметим, что это не прежние традиции, вплетенные в ушедшую повседневность, усвоение которых новым поколением происходило естественно, автоматически. Если в традиционном обществе накопление и хранение информации осуществляется исключительно устно-зрительным путем с помощью «живой» человеческой памяти, то в современном обществе, напротив, воспроизведение традиции осуществляется уже в виде неотрадиции при участии новации [Мадюкова, 2012: 156].

Следует отметить, что в республике молодежь как самая динамичная страта общества, носительница новых идей, расширяет возможности культурной трансмиссии, творческой самореализации социума, создания культурных неотрадиций. Молодые люди, обладая такими свойствами, как мобильность, быстрое усвоение новых знаний и технологий, представляют собой ту часть общества, которая включена в процессы, направленные на модернизацию общества, – с одной стороны, а с другой стороны – на сохранение и развитие этноса, его традиционной культуры. Само время диктует молодежи быть в авангарде этих процессов, именно от нее будет зависеть будущее народа, в нашем случае калмыцкого [Намуева, 2012а: 53]. Деятельность многих молодежных организаций республики направлена на «удовлетворе-

ние этнокультурных потребностей населения, что, безусловно, способствует ощущению комфорта, повышению социального благополучия в регионе» [Намруева, 2014: 104].

Процесс сохранения этничности – довольно сложный процесс, в современных условиях он включает артикуляцию коллективно воссозданных архаических форм, элементы, сохранившиеся из далекого прошлого, но значительно отличающиеся от их традиционной формы, а также элементы, распространенные в конкретном социуме. Процесс изобретения традиций всегда связан с социоэкономическими процессами, в которые вовлечено сообщество; неотрадиции конструируются в настоящем и отражают современные проблемы и цели, в отличие от пассивно унаследованных элементов. «Безвременье» неотрадиций может конструироваться в зависимости от ситуации. Считаем, что правы те исследователи, которые отстаивают позицию, что традиции постоянно создаются, изобретаются и изменяются во множестве различных контекстов, а не являются застывшими и архаичными [Цит. по: Давыдов, 2006: 38].

Авторы сборника «Изобретение традиции» считают, что прошлое не существует отдельно от его социального конструирования в настоящем. Изобретение прошлого часто мотивированно современными интересами, которые направлены на то, чтобы сохранить этническую самобытность, не раствориться в условиях усиливающейся глобализации [Цит. по: Давыдов, 2006: 34]. По Э. Хобсбауму изобретенные традиции есть «набор практик ритуальной или символической природы, которые ставят своей целью внедрение определенных ценностей и норм поведения посредством повторения, что, естественно, предполагает связь с прошлым». Изобретение традиции – это процесс формализации и ритуализации, характеризующийся апелляциями к прошлому. Э. Хобсбаум классифицирует «изобретенные традиции» по трем группам: 1) символизирующие и выражающие социальную близость, идентификацию сообществ и наций; 2) легитимирующие статус, институты, авторитеты; 3) социализирующие определенные ценности, нормы, правила поведения [Цит. по: Давыдов, 2006: 35].

Используя классификацию Хобсбаума, попытаемся распределить «изобретенные» традиции в современной калмыцкой культуре. К первой группе отнесем «Джангариаду», национальный культурно-спортивный праздник, который проводится в

республике с 1997 года. Главной целью этой «изобретенной» традиции является не только возрождение и популяризация национальных видов спорта (скачки, борьба, метание лука, аркана), но и восстановление в памяти забытого уклада жизни кочевника, возрождение народного творчества [Намруева, 2012б: 78].

К новым культурным традициям отнесем и степной фестиваль культуры и спорта «Ки мөрн» («Кони ветра»), который проводится второй год в сентябре (2021 и 2022 гг.), он организован при поддержке Министерства просвещения РФ. *Ки мөрн* – это флажки, на которых в центре изображен конь, символизирующий восходящую энергию, приносящий удачу всем живым существам [Лиджиева, 2019: 76]. Современные калмыки, вывешивая молитвенные флажки *ки мерн*, возрождают обряд устранения препятствий. В дни больших молебнов и праздников верующие калмыки вешают молитвенные *ки мерн* (пять традиционных флажков белого, желтого, красного, синего, зеленого цвета) в виде подношений, «знаковых» для данной местности. Локальной особенностью этой практики является правило вписывания по краю материи флажков имен родных и близких [Лиджиева, 2021: 78]. Очень важно, чтобы было открытое пространство, где постоянно дует ветер. Исследователь также отмечает, что «согласно традиции, молитвенные флажки следует вешать только в благоприятные дни, когда нет "противостояния первоэлементов". Например, сочетание элементов вода–земля или огонь–ветер/воздух является благоприятным, а сочетание элементов вода–огонь или земля–ветер/воздух – неблагоприятным» [Лиджиева, 2021: 79]. Таким образом, молитвенные флажки *ки мерн*, являясь культурно-символическим элементом, представляют часть калмыцкой традиции, отражая этническую и религиозную идентичность калмыков.

В современных реалиях вышеописанная традиция получает новое содержание, которое направлено на приобщение подрастающего поколения к истории и культуре калмыцкого народа, получение новых знаний и навыков в сфере этнических традиций, творчества и ремесла. Участники масштабного событийного мероприятия учатся в мастер-классах изготавливать воздушных змеев и флажки, обереги и четки из семян лотоса, знакомятся со старокалмыцкой письменностью «Тодо бичг», учатся стрелять из лука. Гости фестиваля приобщаются к богатому культурному наследию калмыков, знакомясь с музыкальными и хореографическими театрализованными постановками, пробуя блюда калмыц-

кой кухни в традиционном жилище калмыков – кибитке. Финалом нового этнокультурного мероприятия стал красочный масловый запуск воздушных змеев участниками фестиваля.

Ко второй группе «изобретенных традиций», легитимирующих статус, институты, авторитеты, на наш взгляд, следует причислить: фестиваль «Проводы студентов Калмыкии» у Одинокого тополя. В 2019 г. этому дереву присвоили статус памятника живой природы всероссийского значения [Национальный конкурс «Российское дерево года 2019»]. «Одинокий тополь» считается священным местом для жителей Калмыкии. Легенды гласят, что здесь обитают божества, поэтому каждый, кто приходит сюда, старается приложить свои ладони к тополю, чтобы зарядиться энергией, устраняющей препятствия в получении знаний, и получить частичку его мудрости. Проект, инициированный молодыми людьми, студентами различных вузов страны, направлен на возрождение элементов этнической культуры калмыцкого народа, акцентирование значимости такого социального института как образование, объединение всех студентов Калмыкии [Намруева, 2015: 63]. Монахи Центрального хурула, верующие, начитывая молитвы, мантры Будды мудрости, тем самым стремятся устранить препятствия в получении знаний, улучшить память, интеллект, красноречие, устранить дефекты речи [В Калмыкии торжественно проводили].

К этой же группе «изобретенных традиций» отнесем республиканский фольклорно-этнографический фестиваль «Джангрина ачнр» («Внуки Джангара»), посвященный калмыцкому эпосу «Джангар». Учащиеся, готовя творческие работы, исследования, театральные постановки, демонстрируют неподдельный интерес к славному прошлому калмыцкой истории и желание узнать больше об искусстве, быте своих предков, тем самым приобщаясь к ценностям и идеалам, оставленным им в наследство [Намруева, 2015: 129].

Третья группа культурных новаций, социализирующих определенные ценности, нормы, правила поведения, включает такие «изобретенные традиции» как реконструированный ритуал поклонения земле (жертвоприношение), который активно возрождается. Калмыки-кочевники издревле бережно относились к земле, что позволяло им заниматься разведением скота. Поклоняясь земле, они благодарили свою кормилицу за приют,

пищу, чистый воздух. Такая «изобретаемая архаика», возрождение старых обычаев и ритуалов возвращает народу его духовное равновесие, вселяет в души людей покой и умиротворение [Ользеева, 2007: 418].

К этой же группе отнесем обряды, которые именуются «усан аршан», освящение воды. Засухи, засуховей – характерные признаки засушливой природно-климатической зоны, где живут современные калмыки, – наносят огромный вред сельскому хозяйству и значительно ухудшают условия жизни населения республики. Поэтому возрождаются обряды вызывания дождя, которые, как пишет Т.Г. Басангова, «занимают важное место в земледельческих обрядах калмыков, функция которых – обеспечение благоприятных условий и предотвращение засухи, которая губит посевы» [Басангова, 2013: 224]. Современные калмыки освящают природные водные объекты (реки, озера, пруды, степные колодцы, лужи с талой или дождевой водой), тем самым надеясь на сохранение посевов и урожая.

Таким образом, проведенный нами анализ показывает, что обрядовая культура, являясь одним из основных показателей этничности, не проявляет тенденции к ослаблению и тем более к исчезновению в молодежной среде республики. Доказательством этих выводов служит то, что в республике идет процесс конструирования и внедрения в структуру этнической культуры новых идей, инициатором многих из которых является молодежь.

Правы те исследователи, которые утверждают, что традиция постоянно изменяется; никогда не существовало неизменных социальных общностей, взгляды на прошлое подвержены изменчивости восприятия. «Воспринимаемое» прошлое «пластично» и может быть подвержено «ретроспективному переопределению людьми, живущими в настоящем» [Цит. по: Давыдов, 2006: 37]. На примере вышеописанных обрядов видим, как изменялось отношение к ним в силу идеологических установок. Эти обряды продолжительное время были под запретом или исполнялись втайне. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. их активно стали возрождать, считая обряды, ритуалы важнейшим фактором сохранения и развития этнической культуры, этничности современных калмыков.

В развитии и трансляции культуры в рамках социального института весьма значима роль субъектов. Л. В. Анжиганова в своих исследованиях современного состояния этнических культур

под акторами понимает «определенное лицо (либо группа людей), которые воздействуют на этнические процессы в соответствии с выработанной стратегией, таким образом внося изменения в развитие этносов в определенной среде» [Анжиганова, 2019: 125]. В роли таких акторов могут выступать представители государственного управления разного уровня, бизнесмены, гуманитарная и техническая интеллигенция, рядовые жители городских и сельских районов.

Антропологические, фольклорные, этнографические исследования также влекут за собой культурные изобретения. Особая роль в изменении не только содержания и назначения традиций, но и механизма их трансляции принадлежит системам образования, науки, культуры. Если в традиционном обществе традиция передается от одного поколения к другому в процессе непосредственного общения взрослых и детей, а ее носителями являются массы населения (прежде всего старшее поколение), то в настоящее время возрождение традиций часто происходит посредством той информации, которая содержится в научных трудах этнографов, религиоведов, этносоциологов, регионоведов. Стали распространенными случаи, когда молодые люди узнают о какой-либо традиции или обряде на занятиях в школе, другом учебном заведении, а потом рассказывают о них своим родителям.

В процессе конструирования этнической культуры участвуют ученые, представители различных социальных институтов, выступающие как «инженеры культуры», своеобразными «дизайнерами» идентичности [Цит. по: Давыдов, 2006: 40]. К ним отнесем и представителей традиционных конфессий. Так, Центральный хурул Калмыкии Золотая обитель Будды Шакьямуни восстановил три священных для калмыцкого народа знамени. 6 октября 2022 г. состоялся ритуал освящения трех реконструированных знамен – знамени ойратского нойона Эсэльбейн Сайн-Ка – свидетеля возникновения и становления ойратского государства; знамени Дайчи тэнгри – стяга, поднесенного великому ойратскому хану Галдан Бошукту Далай-ламой V, принадлежавшего ойратским ханам, а позже осенявшего калмыцких воинов в войне с Наполеоном Бонапартом; знамени, подаренного Елизаветой Петровной калмыцкому хану Дондук-Даши – свидетеля окончания процесса добровольного вхождения калмыков в состав России.

«Ритуал освящения трех реконструированных знамен наших предков – важное историческое событие для всего народа Калмыкии. Издревле знамена всегда считались высшими символами воинства и государств, борьбы, ратной доблести и побед, символами духа, единства и процветания народа», – отметил Бату Хасиков, глава Республики Калмыкия [Центральный хурул Калмыкии]. К делу возрождения знамен великих предков причастны буддийские священнослужители Йонтен-гелюнг, Еше-Лодой ринпоче и молодой исследователь Г. Б. Корнеев, издавший замечательную книгу «Священные знамена ойратов и калмыков», презентация которой состоялась 6 октября 2022 г. в Центральном хуруле Калмыкии. Преображение Дайчин Тенгри – божества, покровительствующего военным походам и воинам, – это знак того, что необходимо возродить дух и мощь калмыцких предков, стать едиными, сильными и ответственными за свою республику и страну. Судьба калмыцкого народа давно и прочно слита с судьбой России, и это неоднократно доказывается событиями исторического прошлого и настоящего. Глава Калмыкии подчеркнул: «Мы сильны, когда едины, когда внутри общества царит согласие и понимание, когда великие покровители нашего народа пребывают вместе с нами» [Центральный хурул Калмыкии].

В условиях противостояния западным (индивидуалистским, рациональным, нацеленным на прибыль) ценностям мобилизуется потенциал локальных цивилизационно-культурных систем, происходит активизация этнического самосознания [Мадюкова, 2020: 133]. Эти тенденции получили новый виток своего развития в степной республике в 2020-е годы. Об этом свидетельствуют те культурные практики, которые рассмотрены в данной статье.

В ситуациях изменения вектора наследования традиции (от детей к родителям) особая роль принадлежит гуманитарной интеллигенции (ученым, преподавателям), работникам учреждений культуры. Следует также отметить, что в деле возрождения общезначимых традиций (например, в случае с упомянутыми республиканскими праздниками и т.п.) многое зависит также от представителей органов власти, харизматичных личностей. Одним из них является Хонгор Уладаев – один из тех, кто возрождает традиционную для калмыков конную стрельбу из лука. В середине сентября 2022 г. он завоевал золо-

тую медаль в Монголии в составе сборной России. Пройдя пять сложнейших этапов, победил в международных соревнованиях «Хий морь» по конной стрельбе из лука.

В Элисте 15–16 октября 2022 г. прошли всероссийские соревнования третьего этапа кубка России по конной и традиционной стрельбе из лука. Организаторы посвятили их дню Ойратской Славы, проведены они при поддержке Главы Республики Калмыкия, министерства спорта РК, министерства культуры и туризма РК. Призовой фонд составил 600 тыс. рублей, в том числе и главный приз – конь калмыцкой породы. Турнир, благодаря колоссальной подготовительной работе, прошел на высоком уровне, в нем приняли участие более 100 спортсменов из разных регионов России (Башкортостан, Дагестан, Астраханская, Волгоградская, Тульская области и др.). Инициатор турнира Хонгор Уладаев сам разработал эксклюзивные кубки и медали в виде пайцзы, награды, которую Чингисхан вручал своим лучшим воинам. «День Ойратской Славы» планируется проводить ежегодно, привлекая дополнительно другие национальные виды спорта, тем самым расширяя масштабы. В 2022 г. соревнования по джигитовке и владению оружием, выступления клубов исторической реконструкции украсили зрелищностью состязания по стрельбе. Глава РК на соревнованиях подчеркивал: «Умение метко стрелять, крепко держаться в седле было жизненно необходимым для любого кочевника и передавалось от отца к сыну. На проведенных соревнованиях среди участников – юные лучники. Будем поддерживать всех, кто культивирует традиционные для калмыков виды спорта».

Проведенный анализ показал, что в этнокультурном неотрадиционализме, который развивается в современной Республике Калмыкия, пополняются источники информации о традиции, появляются новые акторы, инициаторы ее возрождения и носители. Несмотря на то, что культурная глобализация XXI в. размывает этнические традиции в пользу универсальных моделей, для человека-патриота отказ от ценностей родной культуры ведет к утрате этнокультурной, этнической идентичности, которая всегда была и остается опорой, защитой в жизни индивида.

К сожалению, для калмыков, интегрированных в современные модернизационные процессы, значимость языка, эт-

нической культуры имеет символическое значение, так как их недостаточное знание особо не изменяется, остается на прежнем уровне, без особого улучшения для большинства их носителей [Гунаев, Марзаева, Намруева, 2014: 143]. Однако при этом богатые этнические традиции, как и эстетическое, литературно-художественное наследие прошлого оказывают мощное воздействие на социальное самочувствие современного этноса, на состояние взаимоотношений между народами. Представители молодого поколения республики, носители новых идей, понимая свою роль в этих этнокультурных процессах, активно расширяют возможности культурной трансмиссии, творческой самореализации этнического сообщества.

Источники и литература

Анжиганова Л.В. Акторы как агенты ревитализации духовности этноса. Наследие Михаила Кильчичакова в культуре народов России. Абакан, 2019. С. 124–130.

Басангова Т.Г. Фольклор калмыков об обряде вызывания дождя // Актуальные проблемы развития современного агропромышленного комплекса Прикаспийского региона. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (2013, г. Элиста). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. С. 224–226.

Борджанова Т.Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007.

В Калмыкии торжественно проводили студентов на учебу [Электронный ресурс]. URL: [/http://vesti-kalmykia.ru/society/13022](http://vesti-kalmykia.ru/society/13022).

Давыдов В.Н. Культурная аутентичность и изобретение традиции // Агинская street, танец с огнем и алюминийевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск: Хабаровский научный центр ДВО РАН, Хабаровский краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2006. С. 33–46.

Ламажаа Ч.К. Архаизация общества. Тувинский феномен. М.: Либроком, 2013.

Ламажаа Ч.К., Намруева Л.В. Комплексные проявления неотрадиционализма и архаизации в регионах Южного федерального округа // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 27–39.

Лиджиева А.М. Молитвенные флажки «ки мерн» в современной городской жизни калмыков // Magna adsurgit: historia studiorum, 2019. № 2. С. 76–82.

Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Феномен социокультурного неотрадиционализма. СПб.: Алетейя, 2011.

Мадюкова С.А. Этнокультурный неотрадиционализм в глобализирующемся обществе // Этносоциологию – молодым: Мат-лы меж-

дунар. школ молодых этносоциологов / Под ред. Ю.В. Попкова, Е.А. Ерохиной. Новосибирск, 2012. Вып. 2. С. 152–158.

Мадюкова С.А. Этнокультурное измерение глобализационных процессов на локальном уровне: синхронный аспект // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. 2020. № 10. С. 131–134.

Мадюкова С.А. Является ли этническая культура социальным институтом? // *Respublica Literaria*. 2022. Т. 3. № 2. С. 80–92.

Намруева Л.В. Участие молодежи в этнокультурных процессах (на примере Калмыкии) // *Панорама Евразии*. 2012а. № 2 (10). С. 49–53.

Намруева Л.В. Молодежь и возрождение этнической культуры в Калмыкии // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2012б. Т. 5. № 4. С. 76–80.

Намруева Л.В. Этнокультурные потребности населения как основа этнокультурной политики региона // *Этнокультурная политика в мультиэтничном регионе Российской Федерации* (на примере Республики Калмыкия). Коллективная монография / Е.А. Гунаев, М.Б. Марзаева, Л.В. Намруева. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 104–119.

Намруева Л.В. Этническая социализация молодежи. Элиста: КИГИ РАН, 2015.

Национальный конкурс «Российское дерево года 2019». «Одинокий Тополь» из Калмыкии стал «Главным деревом страны – Российским деревом года 2019»! [Электронный ресурс]. URL: <http://rosdrevo.ru>.

Ользеева С.З. Калмыцкие народные традиции (на калмыцком и русском языках). Элиста: ЗАОр «НПП "Джанга"р», 2007.

Попков Ю.В. Традиционная культура и этнокультурное разнообразие в глобальной неустойчивости: концептуальные основы и практически-политические эффекты // *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*. 2021. № 2. С. 8–19.

Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2020.

Толмачева Е.Н. Социальные институты культуры. Труды Братского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2015. Т. 1. С. 56–59.

Центральный хурул Калмыкии Золотая обитель Будды Шакьямуни восстановил три священных для калмыцкого народа знамени [Электронный ресурс]. URL: <http://glava.region08.ru>.

Гунаев Е.А., Марзаева М.Б., Намруева Л.В. Этнокультурная политика в мультиэтничном регионе Российской Федерации (на примере Республики Калмыкия). Элиста: КИГИ РАН, 2014.

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ИНГУШЕТИЯ

Т.С. Чабиева

Северный Кавказ является одним из немногих регионов, на территории которого сохранилась система архитектурно-природных комплексов в ландшафте, не подвергавшемся антропогенному воздействию. Одной из наиболее богатых в этом отношении является Республика Ингушетия (РИ). Она обладает множеством памятников разных эпох, имеющих большое значение как для истории самого региона, так и страны в целом. По некоторым данным, в республике насчитывается порядка трех тысяч памятников каменного зодчества. Датируются археолого-архитектурные памятники различными периодами, следовательно, можно наблюдать определенную эволюцию технологий их строительства. В этом отношении возникает одна из проблем, с которой сталкиваются в процессе реставрации памятников: отсутствие специалистов, которые были бы компетентны в полной мере. Общественность неоднократно заявляла о разрушительных реставрационных работах, менявших изначальный облик того или иного объекта культурного наследия.

Прогрессирующее развитие туристического кластера в РИ и новые территориальные разногласия актуализировали в последние годы обеспокоенность населения региона вопросом сохранения памятников, заповедников и других объектов культурного наследия, находящихся в горной части Ингушетии. В медийном пространстве все чаще освещаются факты вандализма и иных разрушительных действий в отношении памятников истории ингушей, зачастую речь идет и о попытках вывезти из региона фрагменты каменного зодчества. Перечисленные проблемы актуализируют роль гражданского общества в вопросах охраны культурного наследия народа, а также способствуют включенности общественных институтов, таких как Совет тейпов (родов), в разрешение спорных вопросов, связанных с исследуемой проблемой, а также в просветительскую работу в этом отношении.

С точки зрения экономического потенциала для Ингушетии, не располагающей в настоящее время промышленными или аграрными ресурсами, ориентация на культурное наследие становится одной из реальных возможностей для социально-экономического подъема. Преимущество этого направления в том, что оно не несет угрозы региональной экологии или социальной среде, а наоборот, позволяет восстановить традиционные формы природопользования, отношения между людьми и национальную культуру.

Одним из самых значительных по насыщенности объектов культурного наследия является высокогорный Джейрахский район республики. В 1988 г. здесь был создан Джейрахско-Ассинский государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, в состав которого включены исторические, культурные и природные ландшафты Джейрахского, Салгинского, Ассинского ущелий и перевалов. В настоящее время заповедник объединяет такие объекты материальной культуры, как архитектурный комплекс «Эгикхал», башенный комплекс «Эрзи», замок «Вовнушки», христианский храм Тхаба-Ерды, святилище Мятцел, комплекс сооружений башенного типа на отроге горы Маьтлом «Мецкал» и другие.

Инициатива проведения работ по сохранению родовых башенно-замковых комплексов Ингушетии зачастую исходит от представителей тейпов, которые за свой счет обеспечивают данные работы. Данная инициатива приветствуется – в период своего функционирования Управление культурного наследия Правительства РИ оказывало необходимую методическую и консультативную поддержку в таких случаях. Однако систематическая реорганизация республиканских органов, которые отвечают за сохранение объектов культурного наследия, приводит к тому, что сохранение и консервирование объектов нередко переходит к общественной инициативе либо вовсе остается без охраны. Тем не менее, впервые за весь период существования республики наметился переход от охраны отдельных памятников культуры горной Ингушетии к сохранению всего историко-культурного наследия в его целостности и многообразии. Это наследие охватывает не только памятники истории и культуры, но и другие элементы этнокультуры, такие как традиции, ремесла и промыслы, а также историческую архитектурную среду, сельскую застройку, систему поселения, природное окружение.

Анализ деятельности государства в отношении культурного наследия в регионе показывает, что активная государственная включенность в вопросы сохранения историко-культурного наследия наблюдается в РИ с 2012 года. В целях комплексного решения проблем сохранения, развития и эффективного использования культурного наследия и потенциала Ингушетии постановлением правительства утверждена республиканская целевая программа «Государственная охрана и сохранение культурного наследия (памятников истории и культуры) и предметов, имеющих историческую ценность, на 2012 год» [Культурное наследие под Государственной охраной].

Процесс сохранения культурного наследия начинается с государственного учета. В Ингушетии только в 2016 г. было выявлено 1762 памятника истории и культуры, которые были включены в список охраняемых государством. С 2015 г. в республике функционирует Межведомственная комиссия по координации работы по пресечению, предупреждению и профилактике нарушений законодательства об объектах культурного наследия на территории РИ под председательством главы республики. Целью комиссии является проведение работ по кадастровому учету башенных комплексов и земельных участков под ними, а также по соблюдению правового режима на территории объектов культурного наследия. Позднее при главе РИ был создан Ученый совет по историко-культурному ландшафту «Джейрах-Асса», который сформировал основные принципы сохранения культурного наследия горной Ингушетии: выбор консервации как основного метода сохранения, а также приоритет научных и архивных исследований до проведения производственных работ на архитектурных комплексах [Юнус-Бек Евкуров: «Культурное наследие»].

В марте 2023 г. в Ингушетии по указу главы республики создан комитет по защите объектов и памятников культурного наследия. Работа которого так же, как и деятельность указанных выше структур, направлена на сохранение, популяризацию и охрану объектов культурного наследия Ингушетии. В республике займется реализацией программы, рассчитанной на двадцать лет. Она направлена на развитие горного района и восстановление расположенных там древних башенных комплексов. Для решения упомянутой ранее проблемы отсутствия высококвалифицированных кадров власти республики рассматривают воз-

возможность подготовки местных специалистов для проведения качественных реставрационных работ на базе одного из образовательных учреждений региона.

В Ингушетии приняты и реализуются две региональные целевые программы, имеющие непосредственное отношение к охране и использованию культурного наследия – Государственная программа Республики Ингушетия «Культурное наследие (2016–2018)» и Государственная программа «Культура Ингушетии», в рамках которой разработана подпрограмма «Сохранение и развитие особо ценных объектов историко-культурного (археологического) наследия Республики Ингушетия на 2014–2020 гг.». В этом смысле Ингушетия отличается от других субъектов Юга России, где нет такого рода целевых программ.

До конца 2023 г. в Ингушетии планируют реконструировать значительную часть объектов культурного наследия и башенных комплексов, находящихся под угрозой исчезновения. Восстановление башенных комплексов Джейрахского района взяла на себя группа «Сафмар»¹, также в деятельность данной кампании входит обновление инженерных коммуникаций, строительство отелей, кемпингов и других объектов, связанных с туристическим бизнесом. В текущем году начата реконструкция порядка десяти объектов культурного наследия и башенных комплексов, в первую очередь тех, что находятся под угрозой исчезновения: Обн-Хо, Кели, Пуй, а также трех башенных комплексов: Ний, Морч и Харпи.

Существенное разрушительное воздействие на памятники культуры оказывают строительные и дорожные работы, которые в регионе проводятся зачастую без согласования с Археологическим центром республики. При этом последние серьезные археологические работы были реализованы в республике экспедицией Института археологии РАН в 90-е гг. прошлого столетия. Одним из наиболее значимых объектов, который подвергается разрушительному воздействию, является крепость Назрань – уникальный памятник русского фортификационного зодчества

---

¹ АО «Промышленно-финансовая группа Сафмар» было зарегистрировано в 2007 г. в Москве. Основной вид деятельности - консультирование по вопросам коммерческой деятельности и управления. Учредителем компании значится Михаил Гуцериев.

начала XIX века. Крепость Назрановская является второй по качеству сохранности на Северном Кавказе после Кисловодской. Однако последняя давно отреставрирована, в ней открыт и действует музей, в то время как Назрановская крепость используется для хозяйственных нужд и подвергается серьезным разрушениям: разрушена часть исторической стены, уничтожен археологический слой древнего городища, существовавшего тысячелетия назад на месте расположения крепости.

В июле 2023 г. было обнаружено вскрытие замка и взлом входной двери храма «Тхаба-Ерды» – известного объекта культурного наследия федерального значения, находящегося на особом контроле правительства Ингушетии и подведомственных ему учреждений. Объект подлежит государственной охране в силу ст. 33 федерального закона от 25.06.2002 г. № 73 ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ». Из-за его аварийного состояния руководством республики было принято решение о запрете на проникновение на территорию и внутрь храма.

Государственная охрана объектов культурного наследия включает в себя установление ответственности за нарушения, которая, согласно ст. 61 названного закона, может быть уголовной, административной или иной в соответствии с законодательством РФ. Важным в статье является также положение о так называемой двойной ответственности за правонарушение: лицо, обязанное возместить вред, причиненный памятнику истории и культуры, не освобождается от административной или уголовной ответственности. Однако, несмотря на запреты каких-либо действий, наносящих вред объектам культурного наследия горной Ингушетии, они нарушаются. На территории древнего храма «Тхаба-Ерды» с целью срочного реагирования при чрезвычайных ситуациях установлена панорамная камера с большим диапазоном обхвата. Система видеоконтроля позволяет обеспечить надежную защиту от вандализма или умышленного причинения вреда объектам культурного наследия. Данная мера является весьма актуальной, и в перспективе значительная часть памятников материальной культуры будет обеспечена подобной защитой.

Как было отмечено, культурное наследие Ингушетии имеет свою специфику. Прежде всего, она заключается в том, что ос-

новная доля культурного наследия региона приходится на башенно-замковые комплексы горной Ингушетии, с которыми представители ингушского народа чувствуют неразрывную связь. Практически каждый ингушский тейп (род) имеет свой родовой башенный комплекс либо башню. В этой связи возникает ряд сложностей в реализации охранной деятельности наследия материальной культуры, вызванных спорами среди ингушских родов, связанными с родовыми землями и башнями. Одним из серьезных столкновений, возникших по поводу принадлежности башен, стал многолетний земельный спор, обострившийся в декабре 2019 года. В г. Сунжа из-за участка земли в Джейрахском районе произошла драка, которая завершилась трагической перестрелкой между двумя крупными тейпами Евлоевых и Полонкоевых. Представители двух родов не смогли договориться о том, чей род первым поселился на исторической территории, где расположен башенный комплекс Пялинг и сохранившаяся до настоящего времени родовая башня – «замок Евлоевых». Представители тейпа Полонкоевых также считают себя старожилками Пялинга и наследниками древнего комплекса. Данный спор с 2014 г. периодически обострялся, однако старейшинам двух родов удавалось разрешить его на некоторое время. События 2019 г. свидетельствуют о том, что институт старейшин не справился с этой задачей, и старшие в роду оказались вынуждены обратиться к общественности и духовенству за помощью в разрешении конфликта, унесшего жизнь человека.

Городище средневековой крепости Пялинг относится к Джейрахско-Ассиновскому государственному музею-заповеднику и находится под охраной государства. Пялинг состоит из четырех боевых башен и полутора десятков жилых башен и солнечных могильников, в которых ингуши хоронили своих покойных. Точный возраст башенного комплекса Пялинга до сих пор не установлен, но археологи предполагают, что постройки относятся к XII веку. С этим местом связаны важные для ингушей легенды – о первом священном намазе, о сопротивлении христианству, пришедшему из России.

Как цепная реакция, подобные споры стали широко распространяться в социальных сетях, где при обсуждении данного инцидента представители других родов начинали дискутировать по поводу других замковых комплексов, башен и территорий, тем самым разжигая новые очаги конфликтов. Данный во-

прос приобрел настолько острый характер, что Совет тейпов РИ был вынужден составить резолюцию на основе ряда предложений по урегулированию споров. Согласно тексту резолюции, опубликованном в медийном пространстве, Совет тейпов делает следующее заключение: «Как известно, в последние годы врагами ингушского народа ведется целенаправленная политика по разобщению ингушских тейпов и нашего общества, используя разногласия по вопросу исторической принадлежности родовых земель и башен. К сожалению, отдельные представители нашего народа поддаются на эти провокации, вследствие чего возникают напряженные споры и межтейповые конфликты. В целях защиты и сохранения культурного наследия Ингушетии, обеспечения единства нашего народа Совет тейпов РИ решил:

1. Все ингушские тейпы признают, что горная часть Ингушетии и находящиеся там объекты культурного наследия являются общенациональным достоянием нашего народа. Любые высказывания и действия представителей ингушских тейпов в отношении этого наследия должны быть направлены на сохранение единства народа Ингушетии и нашей республики.

2. В соответствии с федеральными и республиканскими законами земельные участки в горной части Ингушетии не могут предоставляться в собственность юридических и физических лиц.

3. Земельные участки в горной части Ингушетии могут предоставляться юридическим и физическим лицам в срочное пользование (аренду) в строгом соответствии с действующим законодательством только для решения задач социально-экономического развития Республики Ингушетия.

4. Любые строительные и реставрационные работы на исторических родовых землях ингушских тейпов и на объектах культурного наследия, расположенных в горной части Ингушетии, должны осуществляться по согласованию с представителями соответствующих тейпов.

5. В случае возникновения споров и разногласий между тейпами по вопросу родовых земель и башен в горной части Ингушетии на первом этапе необходимо проведение встреч между представителями соответствующих тейпов, делегированных советами этих тейпов, для поиска компромиссного и взаимоприемлемого решения возникшей спорной ситуации.

При этом, необходимо отказаться от угроз, оскорблений и попыток решить возникшие разногласия силовым путем.

6. В случае, если после проведения согласительных процедур между представителями участвующих в споре тейпов не удалось урегулировать возникший спор, то его разрешение необходимо передать в специальную комиссию Совета тейпов РИ. Указанная комиссия с участием представителей, делегированных соответствующими советами тейпов, независимых экспертов и специалистов рассматривает данную спорную ситуацию с целью поиска компромиссного и взаимоприемлемого решения.

7. В случае, если после рассмотрения вопроса комиссией, указанной в пункте 6 настоящего решения, не удалось урегулировать возникший спор, уполномоченные представители соответствующих тейпов должны обратиться к разрешению спорной ситуации по правилам шариата.

8. На время решения возникшего между тейпами спора по вопросу родовых земель и башен в соответствии с процедурой, указанной в пунктах 1–7 настоящего решения, объявляется мораторий на совершение любых односторонних действий в отношении родовых земель и башен представителями соответствующих тейпов» [Решение (проект) Совета тейпов Республики Ингушетия].

Серьезные проблемы создают разрушители древних памятников, которые в последние годы активизировали свою деятельность. В 2019 г. были объявлены в розыск лица, разрушившие ряд уникальных средневековых башенных комплексов на территории музея-заповедника сельского поселения Бейни. Следы погрома были обнаружены учредителем историко-географического общества «Дзурдзуки» Я. Гогиевым, который проводил мониторинг исторических памятников. Ситуация свидетельствует о том, что деятельность ряда организаций регионального характера оказывается недостаточной. На территории башенных комплексов и склепов были зафиксированы случаи выбивания каменных арок в башнях. По мнению Я. Гогиева, эта работа проводится неизвестными весьма аккуратно, с целью последующей транспортировки. Следовательно, речь идет не о вандализме как таковом, а о попытке вывезти из региона часть исторического культурного наследия.

Есть случаи, когда разрушительные процессы связаны с природными явлениями. В конце 2022 г. произошло серьезное разрушение средневекового склепа² в селе Цори на территории заповедника Джейрахского района. Причиной разрушения солнечного могильника стали естественные природные факторы – вода и ветер. При обвале основания и части склепа было обнаружено значительное количество человеческих останков, на которых хорошо сохранились отдельные фрагменты. Однако в процессе обрушения склепа часть его содержимого попала на берег реки, в результате чего некоторые фрагменты были утрачены. Поскольку данный склеп имеет прямое отношение к одному из ингушских тейпов, то в связи с необходимостью принятия экстренных мер к работам были привлечены его представители, однако позже работа по устранению последствий обрушения координировалась руководством музея-заповедника. Уникальность данного склепа заключается в том, что по результатам проведенных работ было обнаружено захоронение 218 человеческих тел, обнаружены артефакты этнографического характера: головные уборы, как мужские, так и женские курхасы (курхарсы), оружие, одежда, посуда, музыкальные инструменты.

Заповедник Джейрахского района, несмотря на его небольшую территорию, характеризуется большой концентрацией исторических памятников. Все эти памятники, как находящиеся в реестре, так и те, которые специалисты продолжают обнаруживать, требуют к себе пристального внимания в связи с особенностями природных явлений.

Сотрудниками «Джейрахско-Ассинского музея-заповедника» в настоящее время ведутся мероприятия по выявлению и учету ранее не учтенных памятников архитектуры. В архитектурном комплексе «Керби» выявлен объект, не включенный ранее в перечень объектов культурного наследия РИ. Это мусульманская мечеть, предположительно конца XVIII – начала XIX века. Керби является башенным поселком в 650 м юго-западнее Цхаралте. Здесь расположена пятиэтажная боевая

---

² Склеп (ингушское название Маълхара каш) – наземное или подземное помещение, которое использовалось предками ингушей для захоронения умерших.

башня с пирамидально-ступенчатой крышей, наземные склепы позднего средневековья, а также мусульманские захоронения и мавзолеи.

Специалисты предполагают, что количество таких «находок» со временем будет возрастать, следовательно, необходим механизм более облегченного введения объектов в реестр памятников культурного наследия.

Несмотря на серьезную работу по решению вопросов охраны объектов культурного наследия, сделанную за последние годы в РИ, а также популяризацию объектов Джейрахско-Ассинского музея-заповедника, сохраняется множество факторов, препятствующих использованию данных объектов в качестве ресурса регионального развития. К ним следует отнести: отсутствие специалистов в области охраны и консервирования объектов культурного наследия, малочисленность археологов с учетом объема работы в горной Ингушетии, систематическое реформирование республиканских органов по охране культурного наследия. Также на эту территорию с 1994 г. введены застава Федеральной пограничной службы, подразделения 58-й армии и внутренних войск Министерства внутренних дел РФ. Расположение данных частей осложняет доступ на территорию, а также ухудшает ситуацию с охраной культурно-исторического наследия.

К числу мер, необходимых для реализации политики охраны культурного наследия на территории РИ, следует отнести:

1. Предотвращение разрушения памятников ввиду длительного отсутствия мер по их сохранению.

2. Регулирование режима использования территории памятников.

3. Пресечение фактов незаконных реставрационных работ, реализуемых без учета специфики и техники каменного зодчества.

4. Привлечение к административной ответственности лиц, нарушающих целостность памятников культурного наследия.

5. Организация порядка проведения реставрационных работ с учетом научного подхода и сохранение историко-культурной ценности памятника.

6. Организация качественного государственного учета и паспортизации памятников.

7. Разработка собственного республиканского закона, регулирующего вопросы учета, охраны и изучения памятников археологии, с учетом специфики регионального культурного наследия.

8. Учет угрозы сохранности бесценного исторического фонда Джейрахского района в связи с расположением в его пределах пограничной линии. Сложная система пропускного режима в Джейрахском районе затрудняет работу органов охраны памятников республики по контролю за состоянием объектов культурного наследия.

9. Пресечение бесконтрольной выдачи земельных участков, способствующей разрушению объектов культурного наследия.

Таким образом, Республика Ингушетия обладает уникальным культурно-историческим наследием, отражающим основные этапы развития территории с древнейших времен до позднего Средневековья включительно. Сохранение и популяризация архитектурных комплексов памятников материальной культуры является одним из важных факторов для духовно-нравственного и патриотического воспитания подрастающего поколения. Культурное наследие Ингушетии имеет не только историческое значение, но и выступает важным фактором социально-экономического развития республики, поскольку является наиболее значимой отличительной характеристикой регионального туризма.

Источники и литература

Культурное наследие под Государственной охраной [Электронный ресурс]. URL: <http://pravitelstvori.ru/news/detail.php?ID=6359>.

Юнус-Бек Евкуров: «Культурное наследие» – Юнус-Бек Евкуров: «Культурное наследие – важный фактор социально-экономического развития Ингушетии» [Электронный ресурс]. URL: <https://hraniteli-nasledia.com/articles/doslovno/yunus-bek-evkurov-kulturnoe-nasledie-vazhnyy-faktor-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-ingushetii/>.

Решение (проект) Совета тейпов Республики Ингушетия по вопросу урегулирования споров, связанных с родовыми землями и башнями [Электронный ресурс]. URL: <https://sovteip.ru/2023/07/19/536/>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авксентьев Виктор Анатольевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН; *avksentievv@rambler.ru*

Аксюмов Борис Владимирович – доктор философских наук, профессор, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»; *aksbor@mail.ru*

Андриченко Людмила Васильевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующая центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; *lvandr@mail.ru*

Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор, директор Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»; *maya.astv@gmail.com*

Белялова Асия Мидихатовна – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела сравнительно-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; *venkom@izak.ru*

Бинева Наталья Камильевна – кандидат социологических наук, доцент Института социологии и регионоведения Южного федерального университета; *n.bineeva@gmail.com*

Волгин Владимир Леонидович – кандидат политических наук, независимый исследователь, эксперт Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем (РНЦ), Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN); *vvlrk@mail.ru*

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета; *ugvolkov@sfnedu.ru*

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН; *dissovet@rambler.ru*

Дебенова Зинаида Анциферовна – стажер-исследователь, лаборатория «Центр переводов с восточных языков», Институт монголо-ведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук; *academic.secretary@imbt.ru*

Иванова Светлана Юрьевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр; *isu-socf@yandex.ru*

Канукова Залина Владимировна – доктор исторических наук, профессор, директор Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева; *z.kanukova@mail.ru*

Кириченко Олег Викторович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; *kirichenko.oleg.1961@mail.ru*

Князькова Екатерина Александровна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; доцент социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета; *eapavlova@bk.ru*

Ковлер Анатолий Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом сравнительно-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации; *anatoliy@kovler.ru*

Кошелева Евгения Владимировна – аспирантка и специалист первой категории отдела сравнительно-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; *ogenia268@gmail.com*

Кубанова Лиана Владимировна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований; *lianakubanova@mail.ru*

Куприянов Павел Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; *kuprianov-ps@yandex.ru*

Мухарямов Наиль Мидхатович – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой социологии, политологии и права ФГОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет», член Научного совета по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений при Президиуме Российской академии наук; *n.mukharyamov@yandex.ru*

Намруева Людмила Васильевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра Башкирского государственного университета; старший научный сотрудник отдела комплексного мониторинга и информационных технологий Калмыцкого научного центра РАН; *Inamrueva@yandex.ru*

Ростовская Тамара Керимовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, почетный работник сферы молодежной политики Российской Федерации; *rostovskaya.tamara@mail.ru*

Чабиева Танзила Саварбековна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; доцент Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета, Московского университета им. С.Ю. Витте; *chabieva06@mail.ru*

Черных Александр Васильевич – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Институт гуманитарных исследований Уральского отделения РАН Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН; *atschernych@yandex.ru*

Шульга Марина Михайловна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН; *shulgamm@mail.ru*

Щербина Елена Анатольевна – кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований; *adenas@list.ru*

Научное издание

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

**К ИТОГАМ ГОДА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НАРОДОВ РОССИИ**

Сборник статей

Под редакцией В.А. Тишкова;
сост. Б.А. Синанов, В.В. Тишков

Утверждено к печати Ученым советом Ордена Дружбы народов
Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

ISBN 978-5-4211-0316-5

Технический редактор, верстка: О.В. Кульбачевская
Обложка: Е.В. Орлова

DOI: 10.33876/978-5-4211-0316-5/2023-9/1-298

Подписано в печать 05.09.2023   Формат 60x84 1/16
Усл.-печ. л 17,4   Тираж 300 экз.   Заказ № 194597

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А

Отпечатано в АО «Т 8 Издательские Технологии» (АО «Т 8»)
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5